

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Сайкова Наталья Владимировна

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛОВА И ТЕКСТА В ДЕРИВАЦИОННОМ
АСПЕКТЕ**

(на материале вторичных текстов разных типов)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык

Научный руководитель
доктор филологических наук профессор
Николай Данилович Голев

Барнаул – 2002 г.

Содержание

Содержание.....	2
Список условных сокращений.....	5
Введение.....	6
Глава 1. Проблема взаимодействия слова и текста и пути ее решения.....	14
1.1. Деривационная грамматика русского языка (общие положения).....	14
1.1.1. Принцип деривации.....	14
1.1.2. Деривационное слово как предмет деривационной лексикологии.....	16
1.1.2.1. Системный и функциональный аспекты.....	17
1.1.2.2. Лексикоцентрический и синтактикоцентрический аспекты.....	19
1.1.2.3. Контрастивный и переводческий аспекты.....	22
1.1.2.4. Антропоцентрический и лингвоцентрический аспекты.....	26
1.1.3. Деривационный текст как предмет деривационной текстологии.....	29
1.1.3.1. Дериватологическая интерпретация вторичных текстов.....	29
1.1.3.2. Вторичный текст как источник лингвистического анализа.....	33

1.1.3.3. Построение деривационной типологии вторичных текстов.....	34
1.2. Русский язык в аспекте межъязыковой и внутриязыковой эквивалентности	40
1.2.1. Сопоставление как метод изучения русского языка.....	40
1.2.2. Перевод в гносеологическом аспекте.....	42
1.2.3. Понятие транслингвального пространства.....	45
1.2.4. Лексика в аспекте межъязыковой эквивалентности.....	46
1.2.5. Межъязыковая и внутриязыковая эквивалентность в языке и речи	49
1.3. Выводы.....	53
Глава 2. Функционирование деривационного слова во вторичных текстах разных типов.....	55
2.1. Анализ лексико-деривационных рядов на материале межъязыковых переводов.....	57
2.1.1. Результаты межъязыковой межтекстовой деривации.....	60
2.1.2. Модели построения вторичных текстов.....	69
2.1.3. Модели поведения переводчика.....	75
2.1.3.1. Объективное отражение	76
2.1.3.2. Субъективное отражение	78
2.1.3.3. Объективное неотражение.....	80
2.1.3.4. Субъективное неотражение	82
2.1.4. Внутритекстовые факторы, влияющие на функционирование лексико-деривационного ряда.....	84

2.1.4.1 Характер использования и степень отраженности при переводе.....	84
2.1.4.2. Текстовые условия реализации.....	92
2.2. Анализ лексических рядов на материале внутри- и межъязыковых прямых и обратных переводов.....	94
2.2.1. Результаты межъязыковой и внутриязыковой межтекстовой деривации.....	96
2.2.2. Внутритекстовые факторы, влияющие на функционирование лексических рядов.....	97
2.2.3. Лексико-деривационное функционирование в аспекте внутри- и межъязыковой эквивалентности.....	104
2.3. Выводы.....	109
Заключение.....	112
Литература.....	116
Приложение.....	143

Список сокращений

ЛДР – лексико-деривационный ряд

ЛР – лексический ряд

ИТ – исходный текст

ВТ – вторичный текст

ВФ – внутренняя форма

Ф – форма

С – содержание

f – функция

ИТ-1 – роман Ф.М. Достоевского «Идиот»

ПТ – переводной текст

ПТ-1 – перевод Г. Гершельманна

ПТ-2 – перевод Г. Рёля

ПТ-3 – перевод А. Лютера

ПП – подстрочный перевод

ОП – обратный перевод

ВП – внутриязыковой перевод

ОП1-n – обратный перевод перевода Г. Гершельмана

ОП2-n – обратный перевод перевода Г. Рёля

ОП3-n – обратный перевод перевода А. Лютера

ВП-n – внутриязыковой перевод

n – номер текста, полученного в результате эксперимента

Введение

Данная работа выполнена в русле формирующейся в современной лингвистике концепции дериватологического описания русского языка и деривационной лексикологии как ее части. Деривационное функционирование слова рассматривается как сфера функционально-деривационного пространства русского языка, охватывающего разные планы (формальный, содержательный, функциональный) и аспекты (онтологический и гносеологический, синхронный и диахронный, статический и динамический, ономаσιологический и семасиологический и др.) исследуемого объекта.

Будучи лексикоцентрическим, исследование тем не менее направлено на характеристику взаимосвязей слова с единицами других уровней, прежде всего синтаксического (текстового), также рассматриваемого в деривационном аспекте. Все это способствует становлению деривационной грамматики русского языка, включающей в себя в том числе деривационную лексикологию и деривационную текстологию, изучающие реализацию деривационного потенциала лингвистических единиц, детерминанты развития которых заложены в самой языко-речевой материи, содержащей потенции саморазвития. Проблемы, возникающие на стыке данных дисциплин, и ставятся в настоящей диссертационной работе.

Лексическая деривация традиционно изучалась в рамках статического языкознания с точки зрения ее морфемных и словообразовательных характеристик в системно-структурном аспекте [Лопатин, 1977; Милославский, 1980 и др.]. Рассмотрению включенности лексической деривации в построение единиц более высокого уровня в функциональном аспекте способствует динамизация лингвистических

исследований (ср. изучение функционирования производного слова в тексте: [Янценецкая, 1979; Блинова, 1984; Голев, 1989; Земская, 1992; Резанова, 1996 и др]). Изучение лексической деривации как общетекстовой основывается либо на материале варьирования контекстов-примитивов [Гусар, 1995], либо на материале контекстов, извлеченных из текстов [Трубникова, 1998], что приводит к возможности рассмотрения лексической деривации на фоне варьирующегося текста. Такая постановка проблемы позволяет выделить текстовые факторы, влияющие на функционирование деривационного слова, и способствует тому, что детерминанты его развития определяются не только субъективным (воля говорящего), но и объективным (реализация деривационного потенциала, заложенного в самой языко-речевой материи) факторами. Развитие деривационной текстологии связано с появлением исследований, направленных на изучение вторичного, производного текста [Майданова, 1994; Чувакин, 1998]. Активизация сопоставительных исследований в области деривационной лексикологии [Блинова, 1997; 1998; Велединская, 1997] соотносится с рассмотрением перевода как одного из типов вторичного текста [Литвинова, 1986; Пинягин, 1986; Россомагина; 1986; 1987]. Обращение к данным деривационной текстологии, рассмотрение реализации деривационного потенциала текста, его влияния на деривационный потенциал слова способствуют преодолению рассредоточенности предмета деривационной грамматики и более глубокому описанию явлений деривационной лексикологии русского языка (описание научной парадигмы представлено подробнее в главе 1). Этими обстоятельствами обусловлена **актуальность исследования**.

Объектом исследования является деривационный текст как самостоятельный результат деривации и как субстрат функционирования

деривационного слова и слово, обладающее потенциалом деривационного функционирования, **предметом** – взаимодействие слова и текста.

Предварительные исследования выявили наличие двух моделей построения текстов, в которых по-разному функционирует деривационное слово, что позволило сформулировать **цель исследования**: изучить закономерности взаимодействия слова и текста в деривационном аспекте.

В задачи исследования входило:

- 1) обосновать необходимость изучения слова и текста в деривационном аспекте;
- 2) спроецировать методику деривационного анализа на лексический и текстовый уровни;
- 3) апробировать данную методику на сплошных текстовых массивах;
- 4) выявить текстовые факторы, обуславливающие деривационное функционирование слова.

Источником материала послужил текст романа Ф.М. Достоевского «Идиот» (5 глав); 3 перевода на немецкий язык, выполненные Г. Гершельманном, Г. Рёлем, А. Лютером; данные эксперимента (переводы и изложения). Выбор в качестве источника материала романа «Идиот» Ф.М. Достоевского обусловлен особенностями идиостиля писателя, активным употреблением в его произведениях однокоренных слов, повторов, что нашло отражение в литературе о языке Ф.М. Достоевского [Буров, 1981; Иванчикова, 1979; Меншутина, 1982; Новиков, 1981; Савченко, 1980; Чирков, 1967; Чичерин, 1965], и возможностью исследования нескольких переводов (см., например: [Оболенская, 1980]).

Материалом анализа явились реализующие разные типы деривационных отношений контексты (421 лексико-деривационный ряд в составе 281 контекста), полученные методом сплошной выборки из романа Ф.М. Достоевского «Идиот» и созданных на его основе в результате межъязыкового перевода вторичных текстов (всего 843 контекста); в качестве дополнительного материала был использован макроконтекст, включающий в себя 50 лексических рядов, и созданные на его основе в результате межъязыковой и внутриязыковой деривации вторичные тексты, в которых реализован лексико-деривационный потенциал исходного контекста (около 2200 лексических рядов в составе 124 макроконтестов).

Теоретическую базу исследования составляют теория деривации, деривационная текстология, деривационная лексикология русского языка, теория перевода.

Методы: моделирование при построении деривационной модели в рамках дериватологического подхода к описанию языка; приемы компонентного, контрастивного анализа на лексическом и текстовом уровнях; метод количественной обработки данных.

Мы полагаем, что деривационный анализ межтекстовых и межкомпонентных внутритекстовых отношений позволяет рассмотреть ряд вопросов:

1) исследование зависимости функционирования деривационного слова от модели построения вторичного текста: семасиологической или ономасиологической – показывает взаимодействие слова и текста в деривационном аспекте;

2) рассмотрение вторичных текстов как данных естественного эксперимента позволяет исследовать опредмеченное восприятие лексико-деривационных рядов, их значимость;

3) исследование лексической деривации на фоне варьирующегося текста способствует выявлению текстовых факторов, определяющих функционирование деривационного слова.

Научная новизна

В работе впервые ставится проблема деривационного взаимодействия слова и текста, которое проявляется во включенности лексической деривации в общетекстовую, во взаимовлиянии потенциалов развития деривационного слова и деривационного текста.

Кроме того, новизна исследования заключается в методике деривационного описания и в материале исследования, позволяющих выявить взаимодействие слова и текста, закономерности деривационного функционирования слова во вторичных текстах разных типов в едином транслингвальном пространстве.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Деривационное функционирование слова в тексте – языко-речевой механизм, действие которого определяется балансом детерминант, восходящих к общеязыковым антиномиям объективное – субъективное, системное – текстовое, означаемое – означающее.

2. Лексическая деривация – необходимый компонент языко-речевого механизма, действие которого опредмечивается в тексте. Его результаты представляют собой отдельный текстовый срез (лексико-деривационный), занимающий промежуточное положение между лексическим и синтаксическим.

3. Лексическая деривация органично включается в деривацию вторичного текста и обуславливается семасиологической и ономасиологической моделями его построения.

4. Межъязыковая и внутриязыковая эквивалентность – важнейшее проявление функциональности лексико-деривационного ряда, под которой имеется в виду участие лексической деривации в восприятии и порождении текста.

5. Деривационное функционирование слова в тексте определяется объективными текстовыми характеристиками исходного, первичного текста (тема, тип связности, тип речи).

6. Изоморфизм деривационных процессов, опредмеченных во вторичных текстах разных типов (внутри- и межъязыковой перевод), на лексическом и текстовом уровнях является следствием реализации деривационного потенциала слова и текста.

7. Особый статус лексической деривации в тексте предполагает необходимость разработки методик лексико-деривационного анализа, обусловленных ее спецификой.

Теоретическая значимость работы заключается в ее вкладе в разработку проблем деривационной лексикологии русского языка, в частности, в выявлении условий реализации лексико-деривационного потенциала слов, который исследуется на фоне разворачивающегося текста, реализующего свой потенциал развития. Рассмотрение лексической деривации при функциональном подходе в текстоцентрическом аспекте

способствует динамизации лингвистических исследований в рамках лексикологии.

Изучение проблем деривационной лексикологии на фоне данных, предоставляемых деривационной текстологией, выявление взаимодействия деривационного потенциала единиц, изучаемых в рамках данных дисциплин, в гносеологическом плане преодолевают отделение лексической деривации от общетекстовой, рассредоточенность предмета деривационной грамматики и тем самым способствуют формированию концепции дериватологического описания русского языка.

Практическая значимость

Результаты исследования могут применяться в переводческой и литературно-редакторской практике, в методике обучения производству вторичных текстов (написанию изложений, рефератов, аннотаций, конспектов и т.д.) с опорой на актуализацию деривационного механизма.

Основные положения и выводы могут использоваться в рамках спецкурса по деривационной лексикологии, в курсах по литературному редактированию, теории и практике перевода.

Апробация работы

Результаты работы докладывались на Всероссийской конференции «Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, диалектной лексикографии» (Томск, 1998); на Втором Всероссийском научном семинаре «Человек – коммуникация – текст» (Барнаул, 1998); на Международной научно-практической конференции «Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты» (Бийск, 1998); на Первых Филологических чтениях «Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении» (Новосибирск, 2000); на семинаре «Лингвистический анализ художественного текста на уроках русского языка и литературы в

школе» (Бийск, 2000); на семинаре «Технологии развития эстетического языкового чувства у детей» (Барнаул, 2001); на семинаре молодых ученых кафедры современного русского языка Алтайского государственного университета (1999), на межвузовском аспирантском семинаре (2002), на Дериватологических чтениях (Барнаул, 2002). Работа прошла апробацию в исследовании по программе «Системный анализ текста как пропедевтика речевой культуры в школе» в рамках гранта Министерства образования Российской Федерации (2000).

По теме исследования имеется 9 публикаций.

Глава 1

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛОВА И ТЕКСТА И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Данная глава посвящена постановке проблемы взаимодействия слова и текста и обоснованию возможности ее решения в деривационном аспекте на фоне данных деривационной текстологии в едином языко-речевом (транслингвальном) пространстве.

1.1. Деривационная грамматика¹ русского языка (общие положения)

1.1.1. Принцип деривации

Деривация – категория онтологическая и гносеологическая одновременно. Деривационная сущность языка отмечена еще в древних динамических грамматиках Панини [Алпатов, 1999; История лингвистических учений. Древний мир, 1980; Кубрякова, 1980], в универсальных грамматиках Пор-Рояля [Бокадорова, 1998]. В современном языкознании под деривацией имеется в виду как «процесс образования слов, предложений, грамматических форм слова, словосочетаний, фразеологизмов, слогов или тактов и тому подобное, наконец, текстов, то есть всех возможных единиц, начиная с фонемы и кончая текстом»

¹ Под грамматикой имеется в виду не та область языкознания, которая традиционно противопоставляется лексикологии, а раздел языкознания (деривационная грамматика), в рамках которого возможно дериватологическое описание единиц всех уровней, в том числе лексического.

[Мурзин, 1984, 3], так и «понятие формальной, семантической и функциональной производности и иерархии единиц всех уровней языковой системы, а также понятие межуровневых отношений» [Лазуткина, 1997, 110].

Все это позволяет говорить об универсальности принципа деривации, который охватывает разные уровни лингвистического объекта от фонетического до текстового, при этом не исключая межуровневого взаимодействия, разные планы (формальный, содержательный, функциональный), разные аспекты (онтологический и гносеологический, синхронный и диахронный, семасиологический и ономасиологический и др.). Это способствует повышению объяснительного потенциала принципа деривации как гносеологической категории и позволяет положить его в основу целого направления, получившего название общей дериватологии [Мурзин, 1984], деривационной грамматики [Мурзин, 1991; 1998]. Деривационная грамматика находится в русле системоцентризма, объясняющего языковые явления, исходя из внутриязыковых качеств, ведь помимо внешней детерминации, предполагающей изучение языковых особенностей человека и находящей объяснение языковым явлениям во внеязыковом мире, существует и внутренняя детерминация, так как явления экстралингвистические, преломленные сквозь призму языкового сознания носителей языка, представляют собой системно-структурное образование, внутри которого существуют свои закономерности, проявляющиеся и на эмическом (ср. системность лексики и ее самоорганизацию [Беркетова, 1996]), и на этическом уровнях. При этом принцип деривации проецируется на языковые единицы всех уровней: лексико-семантического [Шмелев, 1971; 1973]; словообразовательного [Курилович, 1962]; синтаксического [Храковский, 1969; 1991; Белошапкина, Шмелева, 1981; Хазова, 1988; Левицкий 1991], в его текстоцентристском варианте [Мурзин, 1974].

Данные виды деривации имеют некий инвариант и варианты, которые реализуются в специфических формах деривации по языковым уровням. Это способствует выделению в рамках деривационной грамматики ряда отраслей, в том числе деривационной лексикологии и деривационной текстологии, имеющих собственный предмет исследования. Так, предметом деривационной лексикологии является деривационное слово, предметом деривационной текстологии – деривационный текст. Основным методом исследования выступает моделирование, при котором «модель – не зеркало, пассивно отражающее окружающий мир, но орудие познания и средство объяснения фактов» [Мурзин, 1990, 5].

1.1.2. Деривационное слово как предмет деривационной лексикологии

Слово как объект языкознания является в различных своих ипостасях предметом отдельных лингвистических дисциплин. Так, фонетическое, морфологическое, лексическое, синтаксическое слово, обладающее потенциалом фонетического, лексико-семантического, морфологического, синтаксического функционирования, выступает как предмет соответственно фонетики, морфологии, лексикологии, синтаксиса. Мы полагаем, что наряду с данными аспектами возможно выделение деривационного слова, изучение которого составляет предмет деривационной лексикологии. Его специфика определяется особой (эпидигматической) системностью лексики на уровне словаря [Шмелев, 1971; 1973] и особым функционированием слова в тексте, связанным с актуализацией его формально-семантических связей с другими словами, с активным участием в текстопорождении внутренней формы слова.

1.1.2.1. Системный и функциональный аспекты

Эпидигматическое измерение, основанное на формально-семантической соотносимости слов, Д.Н. Шмелев выделял в качестве третьего измерения лексики; помимо слов, находящихся в отношениях производности, к нему примыкают вторичные значения многозначных слов [Шмелев, 1971; 1973]. В качестве реализации деривационных отношений могут рассматриваться и случаи супплетивной деривации [Апресян, 1995], кроме того, можно говорить о деривационной природе всех парадигматических отношений в лексике.

Исследование лексической деривации с учетом иерархической организации системы в рамках статического языкознания долгое время способствовало доминированию системно-структурного подхода к изучению деривационного слова с акцентом прежде всего на его морфемной структуре, словообразовательных характеристиках [Лопатин, 1977; Милославский, 1980 и др.]. Развитие функционального подхода связано с необходимостью осмысления функциональности лексической формы, ее роли в тексте, в котором слово реализует свой потенциал деривационного функционирования, что соответствует реализации взаимодействующих центростремительных и центробежных тенденций [Шведова, 1984]. Функционирование слова неизбежно связано с его системными свойствами [Бринев, 1998; Доронина, 1999], причем находится с ними в отношениях взаимозависимости. Слово реализует свой потенциал деривационного функционирования в тексте, в частности, в создании лексико-деривационного ряда (ЛДР), представляющего собой «последовательность однокоренных или одноаффиксных слов (в том числе «чистых» повторов), пересекающих дискретное текстовое пространство (контекст)» [Голев, 1997, 96], и является основой формирования

эпидигматической системности текста. Последнее составляет диалектическое единство с системностью лексики на уровне словаря. Но ЛДР не является прямой проекцией словаря в текст, это не эпидигма как актуализация деривационной парадигмы в речи (ср.: [Чинчлей, 1989; 1991]), а самостоятельный текстовый уровень, единицы которого не просто механически отражают лексическую системность, а находятся в деривационных и детерминационных отношениях друг с другом. Функционированию производного слова в тексте посвящен ряд работ [Янценецкая, 1979; Блинова О.И., 1984; Виноградова, 1987; Земская, 1992; Резанова, 1996], в том числе на материале немецкого языка [Степанова М.Д., Фляйшер, 1984; Глушак, Черкас, Голикова, 1989], но в них изучалось либо функционирование деривационной модели, либо рассматривался частный случай деривационного функционирования слова для создания эстетического эффекта. Кроме того, из поля исследования исключались явления семантической и супплетивной деривации и не рассматривалась возможность проекции принципа деривации на все виды парадигматических отношений.

Мы полагаем, что реализация деривационного потенциала слова, безусловно, зависит от его внутрисистемных характеристик, но изучение данного вопроса не является предметом нашего исследования, цель которого состоит в выявлении деривационного взаимодействия слова и текста. А потому мы рассматриваем те текстовые условия, которые оказывают непосредственное влияние на функционирование слова, сознательно по возможности исключая системный фактор согласно задачам исследования. Кроме того, мы полагаем, что реализация деривационного потенциала слова в тексте опредмечивается не только в создании ЛДР, но и в создании лексических рядов (ЛР) другого типа (в частности, супплетивных, синонимических).

1.1.2.2. Лексикоцентрический и синтактикоцентрический аспекты

Сближение лексикоцентрического и синтактикоцентрического аспектов прослеживается не только в установлении изоморфизма структуры производного слова и предложения [Бенвенист, 1974; Гинзбург, 1979], но и во включенности его в текстопорождение [Резанова, 1996].

В исследованиях, выполненных в русле функционализма, текст выступает как «полигон для слова, предложения и других единиц языка. Здесь они обнаруживают качества своей структуры, функции и значение» [Мурзин, 1994, 164], «текст – та универсальная форма семиозиса, в которую облакается язык как непрерывно развивающаяся семиотическая система» [Мурзин, Штерн, 1991, 4], в качестве результата текстопорождения рассматриваются самые разнообразные явления: атрибутивная деривация [Плясунова, 1992], ошибки [Алексеева, 1996], тропы (например, гипаллага [Манчинова, 1998]).

Слово реализует свой потенциал деривационного функционирования в тексте, а «функциональные свойства слова в тексте складываются в двойкой обусловленности. Эти свойства определяются общими качествами слова как единицы лексической системы и уточняются свойствами слова, которые в определенной системе зависимостей складываются у него в самом тексте» [Степанова В.В., 1988, 3], поэтому намечается два аспекта исследования проблем деривационной лексикологии: лексикоцентрический, когда на первый план выходит слово как носитель потенциала своего формально-семантического развития, и синтактикоцентрический, когда изучается текст (контекст), предоставляющий условия для реализации потенциала функционирующего слова. Отсюда ориентация либо на свойства слова как представителя деривационной системности лексики

(идиоматичность, степени членимости, мотивированности и т.д. [Бринев, 1998; Доронина, 1999; Шкуропацкая, 2001], либо на свойства контекста, детерминирующие те или иные особенности деривационного функционирования слова, поэтому варьирование контекста может выступать как способ выявления и изучения потенциала его функционирования [Голев, 1994; 1998; Гусар, 1995]. Развитие последнего подхода отражается во фрагменте словаря лексико-деривационных контекстов русского языка [Голев, 1998], единство с первым аспектом поддерживается словником, а в качестве материала используются контексты-примитивы.

Синтактикоцентрический аспект находит свое естественное продолжение в исследовании функционирования деривационного слова в реальных текстах. ЛДР как отдельный текстовый уровень рассматривается в работе Ю.В. Трубниковой, в которой экспериментально доказывается функциональность ЛДР как участие формы слова в порождении и восприятии публицистического текста [Трубникова, 1997]. Но решается данная проблема на материале контекстов, извлеченных из текстов, а не на сплошном текстовом массиве, тем самым сам факт взаимодействия слова, обладающего потенциалом деривационного функционирования, и текста не является предметом исследования.

Если лексическая деривация включается в синтаксическую (ср.: «лексическая деривация, как это ни парадоксально, есть синтаксический процесс, непосредственно связанный с образованием предложения в тексте» [Мурзин, 1984, 43], то именно функционирующий ЛДР выступает как промежуточное звено между неизолированным словом и предложением, что служит основой непрерывного деривационно-мотивационного процесса в лексическом срезе текста (о нем см.: [Голев, 1989]).

Лексико-деривационное пространство текста образует самостоятельное текстовое измерение [Голев, 1998]. Рассматривая ЛДР как «целостный объект», «текстовый комплекс», «еще одну, неосновную, единицу текстового уровня языка» [Трубникова, 1998], мы наделяем ее промежуточным положением между лексическим и синтаксическим уровнями и считаем, что любое изменение на низшем или высшем уровнях приводит к изменению ЛДР. Таким образом определяется взаимодействие текста и деривационного слова.

«Взаимодействие – это взаимное изменение вещей, где они выступают противоположенными сторонами одного и того же процесса. Во взаимодействии нет только пассивной или только активной стороны, обе стороны в равных отношениях и активны и пассивны. Разная активность взаимодействующих вещей выступает источником направления движения. Однако в процессе взаимодействия силы сторон изменяются: та вещь, которая была ведущей, может стать относительно пассивной, а пассивная ведущей. Взаимодействие может характеризоваться относительным равновесием, равнодействием. Вещи во взаимодействии оказываются факторами, определяющими самих себя. Взаимодействие вещей выступает как самодвижение материи» [Парнюк, 1975, 67]. Именно поэтому изучение функционирующего деривационного слова на фоне функционирующего деривационного текста, в котором слово реализует свой потенциал формально-семантического развития, представляет значительный интерес для исследований в области деривационной лексикологии. При этом необходим пересмотр базовых понятий полевой теории, так как «подлинно функциональное описание системы словаря осуществляется через взаимодействие семантики номинативных единиц с адекватной синтаксической теорией» [Лысякова, 2001, 15]. Отсюда в гносеологическом плане намечается два направления исследования деривационного слова: от слова и от текста, но проблема взаимодействия функционирующего

деривационного слова и текста (не отдельного контекста, как в работах Е.Г.Гусар [Гусар, 1995] и Н.И. Дорониной [Дорониная, 1999]), не ставилась.

Необходимость данного исследования обусловлена рядом гносеологических причин, в том числе «отделением лексической деривации от общетекстовой деривации» [Голев, 1998, 17], поэтому постановка и решение проблемы деривационного взаимодействия слова и текста будут способствовать преодолению рассредоточенности предмета деривационной грамматики русского языка и более глубокому системному описанию деривационного функционирования слова в рамках деривационной лексикологии. А потому соотношение лексикоцентрического и синтактикоцентрического аспектов в нашем исследовании взаимосвязано: мы исследуем реализацию потенциала развития слова в тексте, который сам обладает деривационным потенциалом, но при этом даже доминирование синтактикоцентризма остается лишь средством решения проблем, имеющих лексикоцентрическую направленность.

1.1.2.3. Контрастивный и переводческий аспекты

Признание мотивации лингвистической универсалией [Блинова О.И., 1984] позволяет использовать сопоставительный метод для «обнаружения общности и специфики явления мотивации исследуемого языка в сравнении с другими языками» [Блинова О.И., 1998, 5], что находит свое воплощение в разных областях: на материале литературного языка и диалекта [Блинова О.И., 1987; 1997; 1998; Жерина, 1998], при изучении лексики в аспекте мотивированности на материале тематических групп [Козлова, 1998] и т.д. При этом доминируют исследования, выполненные в семасиологическом аспекте, но не исключена возможность ономасиологического подхода, например, при изучении словообразовательных значений и форм их выражения в сопоставительном

аспекте [Манучарян, 1981], номинации определенной тематической группы [Блинова И.В., 1998]. Результаты такого рода исследований представляют интерес для контрастивной лингвистики на лексико-деривационном уровне.

Функционирование деривационного слова в сопоставительном аспекте рассматривалось и на текстовом материале [Наумов, 1998; Велединская, 1998; Дубина, 1998]. Такого рода исследования представляют интерес не только для теории и практики перевода, но и, несмотря на отсутствие эксплицированного обоснования такого подхода, для собственно мотивологии (в нашей терминологии, для деривационной лексикологии) русского языка, в них сравнение выступает не как цель, а как средство исследования ее проблем, в частности при выявлении специфики функционирования деривационного слова в художественном тексте, его функциональности [Горбачевич, 1987]). Данные работы выполнены в семасиологическом аспекте, но именно при ономасиологическом подходе возможно расширение сферы исследований, поскольку он позволяет подключить компенсационные приемы как из области словообразования, так и из других отраслей [Онхайзер, 1987], что позволяет говорить о межуровневой деривации и приводит к возможности изучения деривационного потенциала слова в его более широком понимании, чем просто способность к формально-семантическому развитию.

Таким образом, сопоставительный метод в лексико-деривационных исследованиях использовался на уровне словаря и текста. В последнем случае в качестве материала анализа выступал перевод, а сравнение являлось не целью, а способом изучения явлений русского языка, несмотря на отсутствие методологического обоснования такого подхода (см. пункт 1.2.1), но при этом проблема взаимодействия слова и текста не ставилась и не предпринималась попытка ее решить при опоре на перевод как

варьирующийся контекст реализации потенциала функционирования деривационного слова.

«Суть проблемы деривационного функционирования слова как раз и заключается в выявлении такого рода потребностей, предпосылок и условий, при которых актуализация внутренней формы становится коммуникативно необходимой» [Голев, 1998, 15]. На наш взгляд, одной из таких потребностей является отражение формально-семантических связей слов при переводе художественных произведений для достижения функциональной эквивалентности, в том числе и на уровне внутренней формы текста.

Вопросы перевода единиц, связанных между собой деривационными отношениями, не остались за пределами внимания теории перевода, но их рассмотрение носит характер отдельных наблюдений. Так, в некоторых работах обращается внимание на словообразовательные характеристики лексических единиц при переводе [Жарких, 1990], на перевод случаев обыгрывания слов, основанных на повторе каламбуров [Влахов, Флорин, 1986; Латышев, 1981; 1987; Левицкая, Фитерман, 1977; Оболенская, 1980], в ряде статей данное явление рассматривается как компонент фразеологизма [Кузьмин, 1976; Левицкая, Фитерман, 1968; Райхштейн, 1969], но эти работы носят прикладной характер и лишь подчеркивают актуальность проблемы.

С практической точки зрения, интересна рефлексия переводчика, столкнувшегося с необходимостью перевода текстов с повторами, например, в произведениях Л. Н. Толстого. При установке на их устранение получается совсем другой текст, «все смыслообразующие средства в нем сняты, причем как раз за счет этой правильности и нормированности. Очень культурная переводчица подредактировала по собственному разумению «этого неумеху Толстого», однако ее культурность очень сильно выпячивает полное отсутствие понимания» [Галеева, 1997, 71]. Проблемы

возникают при переводе случаев явной тавтологии, которую многие переводчики стремятся преодолеть. С. Флорин в связи с этим замечает, что «задача переводчика не пересказывать на свой привычный лад написанное автором, а передать по мере возможности не только мысль, описание, образы и прочее, но и его личную манеру, стиль, сохраняя в то же время и разные совсем обычные приемы, одни – во имя художественности текста, другие – во имя неулучшения, непереколпачивания: не беда, если в прекрасном колпаке найдется немало неровных стежков» [Флорин, 1983, 170]. Руководствуясь этим, С. Флорин сохраняет при переводе Элина Пелина встретившиеся повторы для того, чтобы не поправлять оригинал, но он же замечает, что от тавтологии иногда можно и уйти, так как «автору прощают, а переводчика ругают» [Флорин, 1983, 171].

В теоретическом плане некоторые исследователи уделяют внимание переводу явлений однокорневости, когда говорят о разных уровнях эквивалентности. В. Н. Комиссаров выделяет на пятом уровне взаимодействие единиц с общей корневой морфемой как один из типов (третий) внутриязыкового значения [Комиссаров, 1990, 89], а А. Д. Швейцер находит ему место на прагматическом уровне. Обращают внимание на единицы, связанные деривационными отношениями, при семантическом анализе лексики (отношение «знак – человек» – коннотативное значение, отношение «знак – знак» – внутриязыковистическое). Но системного изучения лексико-деривационного функционирования в переводческом аспекте нет.

Для решения проблемы взаимодействия слова и текста мы привлекаем транслингвальное пространство как единую языко-речевую материю в его деривационном аспекте, выявляем особенности функционирования слова на фоне данных деривационной текстологии, полученных при сопоставлении текстов, находящихся в отношениях производности (см. 1.1.3).

1.1.2.4. Антропоцентрический и лингвоцентрический аспекты

Результатом поиска синтезирующих моделей является выявление промежуточных механизмов, имеющих изначально двоякую природу: языковое сознание, внутренняя форма, ономаσιологические категории [Голев, 1995], ментально-лингвальный комплекс [Морковкин, 1998]. Но учет «человеческого фактора» происходит и при определении лингвистических понятий.

Так, в словаре «Языкознание» дается следующее определение функции: « 1) роль (употребление, назначение) языка в человеческом обществе; 2) детерминированное соответствие (зависимость) единиц одного множества единицам др. множества» [Языкознание, 1998, 564]. Данные определения не противоречат друг другу, а являются разными сторонами одного и того же явления и коррелируют с двумя противо- и взаимодействующими подходами: антропо- и лингвоцентрическим. Последний исходит из того, что «субъект активности – сам язык как самодетерминирующая и саморегулирующая материя (и соответственно текст, в своих суппозициях обнаруживающий потенции саморазвития)» [Голев, 1995, 7]. В результате получается, что слово зависит от единицы более высокого ранга, от синтаксического целого (реализуется функция-зависимость), и в то же время каждое производное слово является целью. Но реализация потенций, заложенных в слове, происходит через индивида, через его интенции, что предполагает возможность использования антропологической модели для выявления закономерностей деривационного функционирования слова, в частности, для доказательства разных типов его функциональности.

Внутренняя форма слова, по определению О.И. Блиновой, – осознание носителями языка связи звучания и значения [Блинова О.И.,

1984], что позволяет в ряде работ по изучению явлений лексической мотивации использовать показания языкового сознания носителей языка в качестве лингвистического источника [Блинова О.И., 1989; Тубалова, 1995; Пересыпкина, 1998; Ростова, 2000]. К тому же реализация деривационного потенциала слова зависит не только от его системных свойств, но и от типа языкового сознания: идеалистического, культурного и материалистического, технического [Скаредова, 1998], или настроенного на «этимологическое доверие» и «этимологический скепсис» [Голев, 1998]. Отсюда намечается две тенденции употребления однокоренных слов в тексте, связанные с активным их использованием или со стремлением к их устранению как тавтологических ошибок [Голев, 1989], что является одной из характеристик идиостиля.

Признавая все эти факторы, мы все же полагаем, что «внешнее в собственно лингвистических моделях – лишь сигнал для включения механизма реализации потенций, субъект – лишь «включатель» [Голев, 1995, 7]. Поэтому мы используем результаты речевой деятельности носителей языка как реальную данность, предоставляющую объективный материал для собственно лингвистических исследований, и считаем, что процесс речевой деятельности носителей языка опредмечивается в текстах, созданных по разным моделям, в которых в разной мере реализуется потенциал деривационного функционирования слова.

При этом мы обращаемся к языковому сознанию, языковому «чутью» переводчика как первого реципиента исходного текста для обоснования значимости ЛДР. «Чутье» языка по И. А. Бодуэну де Куртенэ, «не есть какая-то выдумка, не есть какой-то субъективный самообман, но факт действительный и вполне объективный» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, 22]. К тому же, многие исследователи отмечают «обострение «языкового чутья», что всегда происходит при пристальном и долговременном изучении чужих языков. Знание только родного языка никогда не дает

такого отчетливого понимания структуры слова, предложения, значения, какое дает параллельное изучение двух или нескольких языков» [Ларин, 1978, 10]. Поэтому языковое сознание переводчика как сознание, обладающее высокой лингвистической культурой и чувством формы, будет стремиться к отражению при переводе всех значимых единиц. «Область изучения пересечения формы и содержания, «рельеф» и объем этой области имеют индивидуальные особенности для каждой языковой единицы, каждого языкового явления, каждого языка и универсальные черты, присущие этим единицам, явлениям, языкам» [Плотников, 1989, 6 – 7]. Но индивидуальное и универсальное есть и у функционирования, реализации того или иного явления в тексте, в отношении к нему носителей языка, особенно тех, языковое сознание которых в силу объективных и субъективных причин является более восприимчивым, то есть переводчиков. Это позволяет использовать компетенцию двуязычного индивида как критерий эквивалентности межъязыковых отношений [Которова, 1997, 60].

При этом исследованию подвергаются отношения между исходным (ИТ) и переводным (ПТ) текстами как объективно существующая реальная данность, но в самой объективности заложен субъективный момент, лежащий в основе деятельности переводчика. Мы не знаем, замечает ли переводчик ЛДР, осознает ли он его актуальность, мы полагаемся на его языковую интуицию, которую используем как «связующее звено между бессознательным и сознанием. Она тот момент в процессе выражения, который сам не осознается, но приводит к осознанию бессознательного» [Морозов, 1990, 93]. Имея в результате переводческой деятельности ПТ, сопоставляя его с ИТ, мы можем судить о поведении переводчика и полагаем, что выявленные закономерности его деятельности будут носить объективный характер и раскроют те стороны функционирования ЛДР, которые понимались лишь интуитивно. Мы предполагаем, что переводчик

будет стремиться передать все коммуникативно значимые элементы, поэтому из всех имеющихся в арсенале языковых средств выберет именно те, которые способны вступить в формально-семантическое взаимодействие. При этом реакция переводчика обусловлена объективными (заложенными в языке и тексте) и субъективными (зависящими от установки автора и самого переводчика) причинами. Необходимо проанализировать зависимость отражения или устранения ЛДР от характера его использования (экстенсивного и интенсивного), от силы сцепки, от установки переводчика (для этого используется несколько переводов одного текста), которая отражается в двух моделях построения текста: семасиологической и ономасиологической.

1.1.3. Деривационный текст как предмет деривационной текстологии

Под деривационным потенциалом текста понимается способность текста вступать в отношения производности с другими текстами. При этом лексико-деривационное развитие текста выступает как одно из частных проявлений непрерывного деривационно-мотивационного процесса.

1.1.3.1. Дериватологическая интерпретация вторичных текстов

Предметом деривационной текстологии является текст, его особые отношения с другими текстами, с которыми он находится в отношениях первичности/вторичности, исходности/производности, простоты/сложности [Чувакин, 1998; 1999; 1999; 2000]. Данное положение восходит к идее М.М. Бахтина о первичных/вторичных речевых жанрах [Бахтин, 1979]. Результатом межтекстовой деривации является вторичный текст

(см., например: [Сунцова, 1993]). При широком понимании интертекстуальности (как синонима «межтекстовости»), отличительное свойство вторичного текста отмечено Н.А. Кузьминой: «В свете теории референции интертекстуальность можно определить как двойную референтную отнесенность текста (полиреферентность) к действительности и к другому тексту (текстам)» [Кузьмина, 1999, 25] (ср. со свойством двойной референции производного слова у Е.С. Кубряковой – «референции к миру действительности, типичной для класса слов вообще, и референции к миру слов, типичной для вторичных единиц номинации» [Кубрякова, 1981, 10]).

Понятие «деривация» при таком подходе используется в его самом широком смысле как образование текста от текста: «конечной собственно языковой целью деривации служит построение текста. Отсюда вытекает, что деривационная грамматика – это текстообразующая грамматика» [Мурзин, 1991, 39]. В качестве вторичных текстов выступают тексты самых разных видов и жанров: конспекты, рефераты, изложения [Михайлова, Нефедова, 1998], цитация [Арутюнова, 1986; Земская, 1996], интертекст [Фатеева, 1997; 1998; Кузьмина, 1999], киносценарий [Качесова, 1998; Мартыанова, 1991], пародия [Гузь, 1997; Лошаков, 1998], художественный пересказ [Козыренко, 2001], чужая речь [Сопочкина, 1998], текстовые реминисценции [Макаревич, 1998; Супрун, 1995], сжатый текст [Панченко, 2001], гипертекст [Панова, 2001], хиазм [Береговская, 1984], заглавие [Джанжакова, 1979], редакции текста [Одинцов, 1973], составной текст средств массовой информации (включающий языковые и неязыковые элементы) [Лазарева, 2000], комментарий [Маркелова, 1998], аннотация, реферат, обзор [Блюменау, 1982], вторичные деловые тексты [Ширинкина, 2001] и т.д. Развитие идей деривационной текстологии позволяет говорить о деривационной теории перевода [Ивасюк, 1991; Литвинова, 1986; Новикова, 1991; Пинягин, 1988; Россомагина, 1986; 1987], когда текст

перевода рассматривается как дериват исходного текста. Деривацию вторичного текста мы исследуем в аспекте отношения, не процесса, так как имеем возможность изучать только реальный опредмеченный результат деривации – тексты и так как именно в данном аспекте реализуется структурно-унифицирующая функция [Соболева, 1981, 17].

Деятельность по созданию вторичного текста аналогична деятельности читающего и имеет на выходе разные стратегии восприятия, чтения [Зиганов, 1996; Ладанов, Розанова, 1998; Кларк, 1977; Кузнецов, Хромов, 1977; Коротаева, Сутырина, 2000] и разные стратегии порождения текста.

Производство вторичных текстов имеет деривационный характер и по той причине, что в его основе лежат процедуры свертывания и развертывания, коррелирующие с двумя взаимосвязанными речемыслительными процессами – восприятием и воспроизводством речевого сообщения. При восприятии текста происходит его свертывание в некий «смысловой сгусток» (инвариант), который при репродукции развертывается в новую текстовую форму (варианты) ([Кацнельсон, 1972; Жинкин, 1982; Лурия, 1998; Мурзин, 1991]; в теории перевода: [Швейцер, 1988]). В результате мы можем квалифицировать вторичные тексты как своеобразные «кодовые трансформации» [Жинкин, 1964], в основе которых заложен субъективный момент, придающий производным текстам не столько жестко детерминированный, сколько статистико-вероятностный характер. При этом становится актуальной категория производства/воспроизводства, а потенциальная вариативность вторичных текстов делает актуальным ее первый компонент. Так, перекодировка системы азбуки Морзе в алфавитные знаки – «чисто технический прием, не связанный ни со смысловыми операциями, ни с «перевосприятием», ни с учетом акта коммуникации» [Реформатский, 1963, 209], другое дело – соотношение устной и письменной речи. Деривационной интерпретации

может быть подвергнута стенография, где изменения затрагивают только формальный план при тождестве содержания [Трофимов, 1967], и переход от внутренней речи к внешней. Согласно Л.С. Выготскому, «мысль формируется в слове», «мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется» [Выготский, 1956, 308], по замечанию Е.С. Кубряковой, «во время процесса «от мысли к слову» может, с одной стороны, что-то теряться и отсеиваться, отсекается и устраняться, но может, с другой, что-то приобретаться, рождаться, возникать. Это мы и называем формированием мысли. Иначе говоря, смыслы точно так же не даны в готовом виде, как и одеяние для них; форма складывающегося высказывания не безразлична и не может быть безразличной для мысли; и хотя сами поиски формы объективации мысли стимулированы потребностями объективации ее содержания, раз возникнув или возникая, языковая форма сама может служить источником новых значений и новых смыслов» [Кубрякова, 1986, 51].

При этом встает проблема инварианта. Очевидно, что один и тот же текст, свертываясь при восприятии-понимании, может быть развернут в разные (по языку, стилю, жанру и т.д.) текстовые формы. Свернутый текст, пропущенный через внутреннюю речь (Л.С. Выготский) представляет собой некий смысловой сгусток, континуум, универсальный предметный код [Жинкин, 1964]. По уточняющему замечанию А.А. Залевской, Н.И. Жинкин считает, что «внутренняя речь является механизмом переводности как свойства человеческого языка, но не только при переводе с одного языка на другой: принимаемый текст всегда переводится на внутреннюю речь» [Залевская, 2000, 48], в этом и состоит ее универсальность. Так как это «черный ящик», трудно поддающийся исследованию, мы изучаем опредмеченные результаты восприятия-понимания – вторичные тексты, частично реконструируя сам процесс понимания [Васильев, 1988; Ерчак, 1994; Турзин, Пономаренко, 1992;

Никифоров, 1991; Граник, Самсонова, 1993; Тункель, 1964; Чернышова, 1998] согласно целям исследования.

Кодовые трансформации, протекающие при восприятии текста и его (вос)производстве можно выявить, сопоставляя два текста. В этом случае на первый план в гносеологическом аспекте выходит аспект отношения. Использование принципа градуирования [Сепир, 1985] позволяет, в силу его гибкости, учесть то обстоятельство, что вторичные тексты характеризуются той или иной степенью деривационности, под которой понимается различная степень инновационности текста по трем линиям: форма (Ф), содержание (С), функция (f).

1.1.3.2. Вторичный текст как источник лингвистического анализа

Мы рассматриваем результат деривации текста, процесса, «который происходит во всех измерениях, аспектах, планах, выражается в транспонировании одного множества элементов в другое и ведет к формированию качественно нового интегративного образования, включающего в себя все транспонируемые множества и возникающие при транспонировании новые смыслы» [Мышкина, 1991, 105]. Подобная разноплановость делает текст универсальным источником материала исследований, в том числе и в синхронии. В диахронном аспекте материал исследований составляют вторичные тексты – результаты деятельности переписчиков [Верещагин, 1971; Шелепова, 1993]. Выбор в качестве источника анализа именно вторичного текста обусловлен возможностью исследовать опредмеченный процесс восприятия-понимания первичного текста (прототекста).

Своеобразие нашего подхода заключается в том, что функционирование лексических единиц рассматривается на фоне

внутритекстовой и межтекстовой деривации, это обстоятельство позволяет выявить тот инвариант, который является их сущностью. Исследование деривационного функционирования слова на фоне текстовых преобразований во многом аналогично варьированию контекста в работе Е.Г. Гусар [Гусар, 1995], но в его текстоцентрическом исполнении. Таким образом, данные деривационной текстологии и текстодериватологии привлекаются для исследований в области деривационной лексикологии, а наша работа выполнена в русле лексикоцентризма, что соответствует наметившейся в лингвистике тенденции к исследованиям на микроуровне, так как «именно в микромире можно с отчетливостью наблюдать элементарные механизмы языка» [Апресян, 1999, 52].

1.1.3.3. Построение деривационной типологии вторичных текстов

Предложенная В.Г. Гаком типология языковых преобразований [Гак, 1998], раскрывая их универсальный характер, во многих случаях предполагает описание, а не объяснение явлений. Создание деривационной типологии вторичных текстов позволяет рассмотреть целый круг объектов, при этом понятие вторичного текста принимает самое широкое толкование: текст, созданный на основе другого текста, начиная с заглавия и заканчивая разного рода переводами и переложениями текста. В этом же ряду, но уже без выполнения условия тождества (с сохранением отношений детерминации), находятся различные опредмеченные реакции на текст (комментарий, критическая статья и т.д.). Кроме того, применение принципа деривации позволяет рассмотреть разные планы объекта (формальный, содержательный, функциональный) и разные уровни (лексический, лексико-деривационный, синтаксический). При этом не

исключается возможность исследования межуровневых взаимодействий, тем самым возрастает объяснительный потенциал деривационной модели.

Такое широкое толкование деривации позволяет построить деривационную ось системности текстов, на шкале которой располагаются производные тексты с разной степенью деривационности по линиям: форма, содержание, функция, что является показателем универсальности деривационной интерпретации текстовых преобразований.

Наличием данных трех планов обуславливается необходимость построения трех классификаций по различным основаниям.

Классификация на уровне формы подводит к необходимости выделения графического и звукового облика текстов, в основе которых лежат две сферы (устная и письменная) существования языка. Тогда переходы от исходного к производному тексту могут носить интра- и трансферный характер. Переход от звуковой формы к графической наблюдается в диктантах, чтении вслух, устном пересказе, протоколе, стенографии.

При этом намечаются линии типизации текстов внутри каждой сферы. Так, в области графики, представляющей собой содержательное и формальное единство, возможно межъязыковое (перевод) и межсемиотическое (стенография, азбука Морзе, азбука Брайля) перекодирование.

Кроме того, преобразования текстов подвергаются количественной характеристике, связанной с уменьшением (тезисы, конспект, аннотация, реферат, резюме) или увеличением (комментарий, циклизация) объема текстов, что является еще одним аспектом формальной типологии текстов, образующим более тесное единство с их содержательной стороной.

Классификация на уровне содержания выстраивается по наличию/отсутствию новых содержательных компонентов. Диктант в данной классификации в идеале характеризуется нулевым новым

означаемым. Тезисы, аннотация, реферат, конспект, пересказ допускают упрощение факультативной информации, а комментарий, пародию на форму, стилизацию можно рассматривать как усложнение/упрощение исходного текста по содержательной линии.

Классификация по линии функции связана с родо-жанровыми трансформациями текстов (киносценарий, пародия, циклизация, адаптация, доклад и т.д.). Перевод в идеале не должен выступать как маркированный по данной линии, так как характеризуется прежде всего функциональной эквивалентностью.

Рассматривая степень деривационности вторичных текстов, мы разместили их на шкале деривационности по трем направлениям – форма, содержание, функция. Подобное разграничение носит условный характер и является принадлежностью области гносеологии, ведь реальная картина соотношения текстов, связанных деривационными отношениями, вероятнее всего, выглядит так: исходный текст (Ф-1, С-1, f-1) – вторичный текст (Ф-2, С-2, f-2), при этом соотношения между тремя указанными текстовыми планами не являются пропорциональными.

Например, к нулевой отметке оси по линии содержания приближаются вторичные тексты с доминированием воспроизводства в чистом виде в идеале с нулевым новым означаемым (диктант, списывание, чтение наизусть и т.д.). Но все же и здесь есть момент деривационности, доказательством тому, при условии стирания временных граней, является факт наличия разных редакций летописей, появившихся в результате репродуктивной роли переписчиков. Возникновение разночтений здесь не случайно, оно обусловлено активным отношением писцов к своей деятельности. Но уже по линии формы представленные выше виды вторичных текстов располагаются по-разному, ведь деривационной трактовке подвергаются и трансформации текстов, возникающие между устной (звуковая форма) и письменной (графическая форма) сферами

существования языка. Учитывая это обстоятельство, лишь списывание можно приблизить к нулевой отметке, а диктант и чтение представляют собой переходы между двумя разными кодами. Данную ось по линиям формы/содержания пополняют протоколы, записи лекций, в том числе (с привлечением межсемиотического пространства) – стенография.

Таким образом, с учетом изменения степени формального и/или семантического расстояния, производные тексты занимают свое место на шкале деривационности, которая имеет отрицательные (предполагающие дедеривацию – упрощение) и положительные (предполагающие собственно деривацию – осложнение) показатели. Изменения преимущественно по линии формы (например, при уменьшении объема текста) приводят к его дедеривации на формальном уровне (сюда же относится техника быстрого чтения), в то время как объединение, например, рассказов в киносценарный текст приводит к его осложнению (в том числе и по функциональной линии).

Изменение формы (означающего) достигают своего предела при межъязыковом и межсемиотическом переводах, при этом необходимым условием остается общность означаемых данных текстов, хотя не исключаются преобразования и в этой сфере. Но изменения, связанные с различиями двух языковых или семиотических систем, не релевантны при деривационном подходе, изучающем форму развертывания текста в едином языко-речевом пространстве. Поэтому внутриязыковой перевод (например, изложение) и межъязыковой перевод (собственно перевод) занимают тождественные позиции на шкале деривационности. К данной интерпретации подводит возможность такого подхода в лингвистических исследованиях, когда недискретность, континуальность языкового пространства приводит к снятию так называемого «языкового барьера», к выделению транслингвального пространства (см. 1.2.3). Именно в нем становятся нерелевантными во многих (существенных для

дериватологического описания) отношениях различия между двумя разными видами вторичных текстов – изложениями и переводами, а объединяющим моментом является деривационный механизм их создания и двойная детерминация (со стороны исходного текста и со стороны внутритекстовой деривации производного текста).

С данной точки зрения, в свернутом виде деривация представлена и в случае машинного перевода текстов, где при переходе от исходного к переводному тексту отсутствует опосредующее субъективное звено, что является спецификой искусственного создания текста, и в случае перекодирования сообщения в систему азбуки Морзе [Реформатский, 1963], являющегося чисто техническим приемом. В теории перевода подобный принцип реализован в предложенной Я.И. Рецкером теории закономерных соответствий [Рецкер, 1974].

Не исключено сохранение означаемого при изменении означаемого текстов, например, при создании пародии на форму. Данные тексты, стремясь приблизиться к нулевой отметке по линии формы (внешней или внутренней – в зависимости от таланта пародиста), удаляются от нее по линии содержания, особенно в функциональном проявлении.

По линии функциональности располагаются тексты, являющиеся маркированными в первую очередь по их родо-жанровой принадлежности, например текст рекламы и его представление без изменения формы и содержания в художественном тексте [Гавенко, 2000] (ср. первичные/вторичные жанры М.М.Бахтина [Бахтин, 1979]).

Возникает проблема определения тождества первичных и вторичных текстов. Пределом деривационного варьирования является разрушение тождества на всех уровнях при сохранении отношений детерминации (Ср.: Ф. Достоевский «Идиот» – F. Dostoewskij “Der Idiot”, но Н. Гоголь “Мертвые души” – О. Богаев “Мертвые уши”). В последнем случае можно говорить о диалогичности текстов по М.М. Бахтину. Сюда же относятся

переписка, рецензия, пародия, стилизация и т. д. Необходим поиск критериев установления тождества или различия текстов, которые во многом определяются функциональными разновидностями вторичных текстов.

При установлении эквивалентности двух текстов (сфера функционирования) становится важной категория внутренней формы текста. До сих пор остается нерешенным вопрос, что такое внутренняя форма – форма или уже содержание. Понимая, вслед за А.А. Потебней, под внутренней формой «тот способ, каким выражается содержание» [Потебня, 1976, 175], мы должны заметить, что при отнесении ее к вторичным текстам, появляется дополнительный смысл, а именно: добавляется генетический оттенок (речь идет о синхронном функционировании генетического), тогда утрата текстом внутренней формы будет одновременно являться деактуализацией вторичности, что является релевантным для воспринимающего (исследователя) – сфера гносеологии. В онтологическом плане внутренняя форма текста – его структурно-семантическая организация, тип соотношения макроозначаемого и макроозначающего. Необходим поиск лингвистических критериев установления эквивалентности текстов на уровне внутренней формы текста, что будет основой их функциональной эквивалентности.

Все виды текстовых преобразований имеют свою специфику, связанную с родо-жанровой принадлежностью, с особенностями стиля и т.д., но деривационный принцип их образования (онтология) позволяет объединить вторичные тексты на оси деривационной системности (гносеология) и выявить лингвистические критерии их эквивалентности (функционирование).

Возможность построения текстовых парадигм, выявление универсальных деривационных отношений между текстами являются продолжением непрерывного деривационно-мотивационного процесса на

новом уровне, что является предпосылкой необходимости создания многоуровневой и многоплановой концепции деривации.

1.2. Русский язык в аспекте межъязыковой и внутриязыковой эквивалентности

1.2.1. Сопоставление как метод изучения русского языка

Исследование одного языка с помощью его сопоставления с другим находится в русле давней традиции изучения языков, связанной с работами Ш. Балли [Балли, 1955], Л. В. Щербы [Щерба, 1958], В. Г. Гака [Гак, 1989].

По утверждению В. Г. Гака, «сравнение является основным (возможно, даже единственным) методом изучения языка» [Гак, 1989, 7]. А высказывание Л. В. Щербы «В силу диалектического единства формы и содержания мысль наша находится в плену у форм языка, и освободить ее от этого плена можно только посредством сравнения с иными формами ее выражения в каком-либо другом языке» [Щерба, 1958, 27] соотносится с положением В. фон Гумбольдта «каждый язык описывает вокруг народа, к которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт, 1984, 80].

В выбранном нами аспекте сопоставление языков рассматривается не как цель, а как средство, как метод исследования, так как «сопоставление позволяет иногда выявить некоторые особенности иностранного и родного языков, ускользающие при его «внутреннем» изучении» [Гак, 1983, 9], «при сопоставлении лексических единиц двух языков совершенствуются наши знания каждого из этих языков в отдельности, так как многие специфические особенности языка эксплицируются только при сравнении» [Пинягин, 1988, 4]. Это подтверждается тем, что «наше внимание

приковано к тому, что изменяется, в гораздо большей степени, чем к тому, что остается прежним» [Гадамер, 1989, 4].

Г. Хельбиг предлагает внутри сопоставительной лингвистики разграничивать контрастивное и конфронтативное изучение языков. Последнее, в отличие от первого, исследует не только различие между языками, но и сходство, и представляет собой не практическую дисциплину, связанную с преподаванием языка, а теоретическую отрасль [Helbig, 1981].

При этом выделяется две возможности проведения конфронтативного анализа: сопоставление как метод получения лингвистических знаний (Konfrontation als Ermittlungsmethode) и сопоставление как метод представления лингвистических знаний (Konfrontation als Darstellungsmethode). Нас интересует первый аспект, в соответствии с которым «только один язык представлен полностью, другой же есть (случайная) относительная величина. Один язык описывается в терминах другого, и этот другой выступает только как фон, как точка отсчета, а не как полноправный предмет описания... При этом сопоставление как метод получения знаний оказывается требованием рассматривать один язык в свете или зеркале другого» [Helbig, 1981, 74]. Но при этом именно иностранный язык выступает как язык-цель, а исходный, родной язык, является средством сравнения.

Р. Штернеманн выделяет два пути исследования: двусторонний (многосторонний) и односторонний. Нас интересует последний подход, который выявляет значение (значения) грамматических и лексических единиц исходного языка, отражающееся на уровне (уровнях) значений языка-цели и охватывающее те средства языка-цели, которыми тот располагает для передачи значения (значений) исходного языка [Штернеманн, 1989, 153].

Своеобразие нашего подхода заключается в том, что, в соответствии с целями и задачами исследования, сам исходный язык и является языком-целью (см. исследования в подобном ключе в аспекте системоцентризма: [Морозов, 2001; Чукалина, 2001]).

1.2.2. Перевод в гносеологическом аспекте

«Условия, в которых осуществляется всякое взаимодействие, лучше всего видны на примере усложненных и препятствующих взаимопониманию ситуаций. Так, особенно поучителен тот языковой процесс, который создает возможность разговора на двух, чуждых друг другу языках – процесс перевода» [Гадамер, 1988, 447] (см. подобное: «как только ставится вопрос о переводе ... произведения на другой язык, природа оригинальной матрицы сразу дает себя почувствовать» [Сепир, 1993, 196]).

Сравнение высказываний на двух языках, когда содержание изначально задано оригиналом, позволяет анализировать различные способы его выражения, в которых опредмечивается восприятие-понимание декодирующего [Гак, 1977]. При этом мы опираемся на языковое сознание переводчика, осуществляющего выбор из множества вариантов согласно чувству языка в соответствии с механизмом контроля языковой правильности высказывания [Ейгер, 1990], который включает в себя различные стратегии (например, аксиологическую [Карпухина, 2001]).

Для того чтобы выдержать наше исследование в рамках лингвистического, а не психолингвистического подхода, мы используем понятие «перевод» не как процесс [Ревзин, Розенцвейг, 1962; Крупнов, 1976; Швейцер, 1973; Галеева, 1997], а как результат (см.: [Бархударов, 1975; Jäger, 1975; Каде, 1978; Комиссаров, 1990; Латышев, 1988; Миньяр-Белоручев, 1980; Федоров, 1983]).

При этом перевод может рассматриваться в качестве лингвистического источника в трех областях: в области языка перевода; в области системных отношений между исходным языком и языком перевода; в области исходного языка [Комиссаров, Туровер, 1975, 23]. Нас интересует последний вариант, «как это ни парадоксально, некоторые его [оригинала – Н.С.] возможности раскрываются лишь в переводе» [Бибихин, 1976, 37 – 38], именно в нем находят свое продолжение суппозиции исходного текста (ср. различные детерминанты перевода: [Иовенко, 1992]).

Многие лингвисты используют в качестве материала анализа перевод, а не словарное соответствие (о гносеологическом потенциале словарей см.: [Гальперин 1982]), считая, что «межъязыковые переводческие соответствия – объективная реальность» [Виноградов В.С., 1978, 57] и «на определенном этапе сопоставительное исследование не может обойтись без данных перевода, потому что наличие соответствий в парах языковых систем не означает, что при функционировании в тексте эти соответствия сохраняются» [Пинягин, 1988, 8]. В этом смысле перевод может быть определен как «особый вид соотнесенного функционирования языков» [Комиссаров, 1978, 6].

В итоге намечается неоднозначное отношение к использованию перевода в качестве лингвистического источника: негативное [Ферс, 1978; Штернеманн, 1989] и позитивное [Бауш, 1978, Комиссаров, 1978]. Основными доводами против рассмотрения перевода в гносеологическом аспекте являются субъективность и речевой характер перевода.

В. Н. Комиссаров, возражая против утверждения о субъективности перевода, говорит о том, что «изучение достаточного по объему фактического материала подобного рода позволяет отличить индивидуальные отклонения случайного характера от реализации собственно языковой потенции» [Комиссаров, 1978, 12]. К тому же сама

«субъективность перевода ограничена необходимостью воспроизвести как можно полнее содержание текста оригинала, а возможность такого воспроизведения зависит от объективно существующих и не зависящих от переводчика отношений между системами и особенностями функционирования двух языков. Таким образом, перевод представляет собой субъективную реализацию переводчиком объективных отношений. Субъективность перевода не является препятствием для объективного научного анализа, подобно тому, как субъективность отрезков речи не препятствует извлечению из них объективных фактов о системе языка» [Комиссаров, 1990, 38]. Таким образом В.Н. Комиссаров решает проблему речевого, а не языкового характера перевода.

Деятельность переводчика определяют те же закономерности, которые касаются языковой деятельности вообще [Швейцер, 1973; Кузьмин, 1975; Кречетова, 2001]. Ее результат – порождение «своего» текста, который возник при восприятии-понимании исходного текста, при его декодировании [Арнольд, 1974]. Сопоставление исходного и вторичного текстов позволяют реконструировать процесс порождения-восприятия-понимания (ср. возможность интерпретации процессов речемыслительной деятельности при переводе как зеркального отображения создания оригинала, в результате чего возникает один из видов вторичных текстов) и проследить механизм детерминации внутритекстовых и межтекстовых компонентов. Существуют разные стратегии переводческой деятельности: от текста [Любимов, 1982] и от слова [Виноградов, 1978], разные типы перевода (например, аналитический и синтетический [Руднев, 2000]). Учет этого и сопоставление нескольких переводов [Оболенская, 1980; 1998; Уржа, 2001], особенно полученных в результате реализации разных стратегий [Оболенская, 1998], предоставляют интересный материал для анализа различных лингвистических явлений. При этом важным

в гносеологическом плане является определение единицы сравнения, под которой мы имеем в виду единицу соответствия (Ср.: «Единица перевода – это наименьшая (минимальная) языковая единица в тексте на исходном языке, которая имеет соответствие в тексте на переводном языке» [Бархударов, 1975, 175; Комиссаров, 1973]).

1.2.3. Понятие транслингвального пространства

В результате можно говорить о том, что «коммуникативная равноценность текстов на разных языках, обнаруживаемая при переводе, представляет собой явление объективное, отражающее универсальные свойства языка как единого общечеловеческого средства обмена мыслями» [Комиссаров, 1978, 13]. Х.-Г. Гадамер говорит об одном и том же языковом мире, в котором находятся переводчики [Гадамер, 1988, 447], исследователи отмечают единство языкового сознания и возможность снятия языковых различий [Зыцарь, 1984]. Все это подводит к выделению такого подхода в лингвистических исследованиях, когда данные двух языковых/речевых систем рассматриваются не как сравниваемые, сопоставляемые друг с другом, а как единая языко-речевая материя. Это та текучая, открытая и непрерывная среда, которую изучает лингвистика языкового существования [Гаспаров, 1996]. «Ситуация множественности языков исходна, первична, но позже на ее основе создается стремление к единому, универсальному языку (к единой, конечной истине)» [Лотман, 2000, 13].

Данный подход заложен В. фон Гумбольдтом и вписывается в общезыковую антиномию «общее – частное» (при этом общее проявляется всегда лишь через единичное): «Когда мы говорим, что язык самодетелен, самосоздан и божественно свободен, а языки скованы и зависимы от народов, которым они принадлежат, то это не пустая игра слов»

[Гумбольдт, 1984, 49], «В языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное с всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком» [Гумбольдт, 1984, 74].

Привлечение межъязыкового пространства становится скрепой синтезирующей деривационной модели на макро- и микроуровнях. Это тоже продолжение непрерывного деривационно-мотивационного процесса на новом витке развития, что возможно при понимании отношений между исходным языком и языком перевода как единой языко-речевой материи, или транслингвального пространства. Именно в нем становится возможным рассмотрение перевода в понимании Р. Якобсона как внутри-, межъязыкового и межсемиотического [Якобсон, 1978].

1.2.4. Лексика в аспекте межъязыковой эквивалентности

При рассмотрении текстовых преобразований на уровне семантики мы входим в область «скрытой», имплицитной лингвистики. Те процессы, которые происходят при преобразовании текста, можно реконструировать, сопоставляя два текста. Тексты обладают разным потенциалом деривационного функционирования (ср. разные степени интерпретируемости текстов закона и притчи).

Деривация – взаимосвязанный многоплановый, многоуровневый процесс. При этом «связующая форма – деривация семантики» [Голев, 1995]. Мы проецируем на перевод понятие макроозначаемого – «смыслового континуума, потока, расщепляющегося на части («микроозначаемые») [Голев, 1995, 129]. При этом «мы должны и «микроозначающее» представлять как движущийся, взаимоизменяющийся сгусток материи» [Голев, 1995, 129], обусловленный «означаемым».

Слово обладает потенциалом семантического развития, в нем заложены потенциальные скрытые компоненты, которые могут быть эксплицированы при переводе, что является развитием идей В. фон Гумбольдта о равной возможности языков выражать содержание («Любой язык в полном объеме содержит все, превращая все в звук» [Гумбольдт, 1984, 82]) и о «текучности семантики» («Как невозможно исчерпать содержание мышления во всей бесконечности его связей, так неисчерпаемо множество значений и связей в языке. Помимо своих уже оформившихся элементов, язык в своей гораздо более важной части состоит из способов (Methoden), дающих возможность продолжить работу духа и предначертывающих для этой последней пути и формы. Его элементы, приобретая устойчивую оформленность, образуют в известном смысле мертвую массу, но масса несет в себе живой росток определенности (Bestimmbarkeit)» [Гумбольдт, 1984, 82]). Все это позволяет говорить о непрерывном деривационно-мотивационном процессе в едином транслингвальном пространстве.

Существует несколько способов определения значения слова, в том числе синонимический. Введение транслингвального пространства позволяет рассмотреть переводные соответствия как межъязыковые (межтекстные, контекстуальные) синонимы с разной степенью актуализации семантических компонентов (ср. подобное: [Езолка, 1982]), синонимические и вариативные средства [Жилин, 1974] или как конфронтативную полисемию (под ней подразумевается множественность переводных соответствий [Косериу, 1989]).

Подобно созданию макроозначающего, происходит и создание макроозначаемого текста, это также непрерывный деривационно-мотивационный процесс. Но «признавая неразрывную связь формальной и содержательной структуры слова, необходимо обратить внимание на следующее. Нет никаких доказательств того, что фонетические и

семасиологические соответствия являются соответствиями одного и того же плана: соответствия на одном из этих уровней не обязательно означают и равноценное соответствие на другом уровне. Таким образом, языковое преобразование представляет собой многомерный, многоплановый, многослойный процесс, происходящий одновременно в различных языковых плоскостях – как по горизонтали, так и по вертикали, но на разных основаниях, в различных измерениях» [Маковский, 1989, 20]. Это не означает отрицания изоморфизма между планами выражения и содержания, а лишь подчеркивает возможность различий в степени формальной и содержательной близости текстов. М.М. Маковский рассматривает семантическое развитие слова в разных языках в диахронии, отмечая статистико-вероятностный характер лексико-семантических преобразований [Маковский, 1977]. По духу это соответствует нашему подходу (мы имеем единое языко-речевое пространство при снятии барьера между синхронией и диахронией).

Возникает проблема выделения этических (в отличие от эмических) семантических текстовых единиц, определения соответствий семам, семантическому полю как принадлежности парадигматики в ее синтагматическом проявлении. Проблема осложняется спецификой семантических единиц, которые являются одноплановыми, односторонними, лишенными формы и тем самым сложнее познаваемыми. К тому же, «семантические единицы не дискретны, как все уровневые единицы, а в силу непрерывности так называемого семантического континуума представляют лишь его сегменты, отрезки, солидарно связанные с определенными звуковыми комплексами (цепочками звуков), причем сегментация этого континуума произвольна, она может быть различна для различных языков [Бережан, 1982, 63]. Именно поэтому привлечение данных другого языка позволяет эксплицировать скрытые элементы. К тому же «языковая семантика принадлежит одновременно всем

уровням (за исключением незнакового фонологического), как бы охватывая их с обратной стороны в виде своеобразной подкладки, называемой планом содержания языка [Бережан, 1982, 64]. «Лексические системы разных языков как специфические отражения действительности сопоставляются через когнитивную систему, конкретно – через систему сем, с одной стороны, являются универсальными по своей природе элементами когнитивной системы, с другой – выступая в различных комбинациях, образуют лексические значения, специфические в каждом языке» [Гудавичюс, 1985, 50].

Это в гносеологическом плане позволяет использовать ономазиологические функционально-семантические категории, а введение деривационного подхода позволяет учесть разноуровневый характер создания макроозначаемого.

1.2.5. Межъязыковая и внутриязыковая эквивалентность в языке и речи

При сравнении важной становится категория межъязыковой эквивалентности, возможно ее рассмотрение в разных аспектах.

Учитывая двусторонний характер языковых единиц, многие исследователи стремятся развести понятия соотношения языковой формы (конгруэнтность) и языкового значения (эквивалентность) [Штернеманн, 1989, 168; Кшешовский, 1989, 328]. Но обычно под эквивалентностью понимается общность содержания [Стракова, 1987, 94], эквивалентные конструкции имеют идентичную глубинную структуру, даже если различаются на уровне поверхностных структур [Кшешовский, 1985]. Таким образом, «основание для сравнения относится к сфере содержания, сравниваемые конструкции, между которыми устанавливаются отношения эквивалентности, – к сфере выражения [Которова, 1997, 49].

Межъязыковая эквивалентность – разного рода соотносительность между единицами языка и речи, она не есть тождество [Арнольд, 1976, 12]. Выделяется языковая и речевая эквивалентность (формальное соответствие и переводческая эквивалентность) [Кэтфорд, 1978; Хэллидей, 1978], в связи с этим возникает проблема межъязыковой эквивалентности слова в словаре и в тексте, например, в художественном [Казакова, 1990]. Данные типы эквивалентности изучаются разными лингвистическими дисциплинами: языковая эквивалентность является предметом контрастивной лингвистики, а речевая – переводоведения. Однако в первом случае следует различать эквивалентность в словаре и системе языка. Так, «слово в аспекте языка – это единица, относящаяся к ментальной действительности носителей языка, слово в словаре – одна из возможностей ее описания» [Которова, 1997, 70]. Поэтому для полноты описания требуется привлечение максимального количества источников.

В нашем исследовании мы опираемся на понятие межъязыковой эквивалентности, проявляющейся при переводе. Нужно заметить, что здесь существует проблема, связанная с тем, что «с одной стороны, эквивалентность есть обоснование переводимости, а с другой - сама эквивалентность устанавливается посредством переводимости» [Helbig, 1981, 82]. «Возможность переводческой эквивалентности является, разумеется, предпосылкой сопоставления: если два элемента никогда друг друга не переводят, совершенно неинтересно их сравнивать. Таким образом, перевод можно рассматривать как контекст сопоставления» [Хэллидей, 1978, 47].

Стремясь остаться в рамках собственно лингвистического исследования, мы признаем эквивалентными не программы автора и переводчика [Галеева, 1997], не реакции носителей исходного языка и языка перевода на оригинал и перевод [Найда, 1978, Шлейермахер, 2000], а тексты, соотнесенные при переводе [Бархударов, 1975; Jäger, 1975;

Комиссаров, 1990 и др.]. Таким образом, нас интересует не динамическая эквивалентность (Юджин А. Найда), а статическая.

Г. Егер выделяет два понятия: коммуникативная и функциональная эквивалентность. Коммуникативно эквивалентными считаются тексты, обладающие одинаковой коммуникативной значимостью (*kommunikative Wert*), которая является важным компонентом текста [Jäger, 1983]. Она складывается из коммуникативно значимых характеристик текста, а целью перевода является максимальное соответствие свойств ПТ свойствам ИТ [Jäger, 1986, 7]. То есть для обоснования эквивалентности необходимо использовать собственно языковые объяснения. Г. Егер исходит из того, что коммуникативная значимость текста опирается на функциональную значимость, которую «следует искать в функциях языковых знаков. Эти функции связаны с семантическим, синтаксическим и прагматическим уровнями отношений» [Jäger, 1975]. При этом семантика и синтактика через прагматику входят в коммуникативную значимость текста [Jäger, 1975].

Существует множество теорий эквивалентности, среди них – многоуровневая теория В. Н. Комиссарова, выделяющего пять уровней: уровень цели коммуникации, уровень описания ситуации, уровень сообщения, уровень высказывания и уровень языковых знаков [Комиссаров, 1973], в которой типы эквивалентности устанавливаются на основе способности перевода обеспечить межъязыковую коммуникацию. Главный недостаток предложенной модели – неинформативность и сложность установления уровневых границ. Большой объяснительной силой обладает предложенное А. Д. Швейцером деление уровней эквивалентности, в соответствии с семиотическими отношениями, на синтагматический, семантический и прагматический [Швейцер, 1988, 87]. Учитывая это, можно наметить некий синтез коммуникативной модели В. Н. Комиссарова и семиотической модели А. Д. Швейцера, когда те или иные компоненты, участвуя в построении текста по всем трем линиям семиозиса, составляют

при этом через прагматический компонент (интенции и суппозиции субъекта) коммуникативную значимость текста.

Введение уровневой иерархии позволяет оценить перевод. Так, отступление от иерархии уровней приводит к нарушению переводческой нормы: к буквальному или вольному переводу. При этом необходимо обратить внимание, что межъязыковая эквивалентность проявляется в разных моделях построения текста по-разному. Можно выделить разные типы и степени эквивалентности [Ванников, 1988], например, в зависимости от типа текста [Райс, 1978]. Так, выделяются тексты, ориентированные на форму (по сути, здесь имеется в виду внутренняя форма текста), к ним относятся художественные произведения.

В исследовании мы опираемся на межъязыковую текстовую эквивалентность как объективную данность. В наши задачи не входит установление эквивалентности, степени эквивалентности, так как мы полагаем, что «текст служит, как правило, целям осуществления коммуникации, поэтому степень эквивалентности здесь не может быть нулевой, иначе процесс коммуникации просто не сможет состояться» [Которова, 1997, 79], поэтому любой перевод мы рассматриваем как эквивалентный а priori. При этом под переводом понимается не специфическая речевая деятельность или процесс понимания инокультурного текста, а опредмеченный результат этого, то есть текст, созданный на базе другого текста. При таком подходе становится возможным рассмотрение перевода не с позиций переводоведения, а с точки зрения теории деривации, в свете идей которой он выступает как вторичный, производный текст, созданный на базе первичного и отождествляемый с ним при определенных условиях. Поэтому эквивалентность не может быть нулевой, хотя степени эквивалентности, безусловно, являются различными. Если хоть один человек отождествил единицы, следовательно, в самом данном факте содержатся основания для

подобного установления. Именно такой подход позволяет в гносеологическом плане использовать межъязыковую эквивалентность как аспект лингвистического исследования. А с введением понятия транслингвального пространства данное положение проецируется и на внутриязыковую эквивалентность.

Таким образом, исходя из задач нашего исследования, мы обращаемся к данным двух лингвистических дисциплин: контрастивной лингвистики и теории перевода [Нерознак, 1986], но используем их по-разному. Данные контрастивной лингвистики (то есть объективное различие языковых систем) мы рассматриваем лишь для того, чтобы объяснить частичное отклонение от исходной гипотезы. Данные теории перевода нам необходимы для установления переводческих трансформаций, которые не детерминированы объективными системными отличиями, на фоне них исследуется функциональность единиц исходного текста. В этом своеобразие нашего подхода.

1.3. Выводы

1. Развитие функционального аспекта исследования деривационного слова в отличие от системно-структурного аспекта, в рамках которого слово изучается с ориентацией на единицы низших уровней, предполагает исследование его функциональности, то есть включенности в состав единиц более высокого ранга. Это обстоятельство приводит к необходимости рассмотрения лексической деривации как компонента текстопорождения и поиска путей ее исследования.

2. Становление дериватологического описания русского языка, расширение понятия деривации, его проекция на единицы различных уровней, в том числе текстового, приводят к выделению в качестве

предмета исследования деривационного текста, обладающего потенциалом развития, который реализуется в создании вторичных текстов разных типов.

3. Синтактикоцентрический аспект исследования лексической деривации находит свое продолжение в ее текстоцентрическом рассмотрении, предполагающем изучение реализации деривационного потенциала слова на фоне варьирующегося текста. Дериватологическая интерпретация вторичных текстов позволяет использовать в качестве источника материала анализа для решения проблем деривационной лексикологии внутри- и межъязыковые переводы, занимающие тождественные позиции на шкале деривационности.

4. Использованию межъязыковой и внутриязыковой эквивалентности в качестве способа изучения русского языка способствует выделение единого транслингвального пространства, в котором межъязыковые различия снимаются как нерелевантные для дериватологического подхода, изучающего саморазвитие и самодетерминацию единой языко-речевой материи.

Глава 2

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДЕРИВАЦИОННОГО СЛОВА ВО ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ТИПОВ

Основная гипотеза предпринятого исследования такова: лексическая деривация органически включается в общетекстовую деривацию, тем самым доказывается функциональность лексико-деривационного ряда (ЛДР), его релевантность для восприятия и порождения текста.

Для доказательства данной основной гипотезы выдвигается ряд частных рабочих гипотез:

1) Если лексико-деривационные ряды функциональны, то они будут отражаться во вторичных текстах, созданных на основе содержащих ЛДР исходных текстов. Тем самым доказывается значимость лексической деривации для восприятия и порождения текста;

2) Кроме того, полученные в итоге деятельности носителей языка вторичные тексты являются материалом для проверки второй частной гипотезы, а именно: если лексико-деривационный уровень представляет собой отдельный, самостоятельный текстовый уровень, один из составляющих органичного текстового единства, то мы можем предположить, что он занимает промежуточное положение между низшим (лексическим) и высшим (синтаксическим). Тогда изменение на одном из данных уровней приведет к изменению ЛДР, что является косвенным доказательством включенности лексической деривации в общетекстовую. При таком подходе субъективный фактор

исключается, текст рассматривается как системно-структурное образование, внутри которого существует своя система отношений;

3) Такая постановка проблемы позволяет по-новому расставить приоритеты детерминации функционирования ЛДР, его большей обусловленности со стороны слова или со стороны текста;

4) Решению поставленных проблем во многом способствует введение единого транслингвального пространства и дериватологическая интерпретация созданных в нем текстов и их компонентов, что позволяет использовать на первый взгляд разнородный материал для решения исследовательских задач. Поэтому для верификации некоторых выводов мы помимо основного источника (текста романа Ф.М. Достоевского «Идиот» и трёх его переводов на немецкий язык) вводим дополнительный материал – внутриязыковой и межъязыковой обратный переводы отрывка романа, что во многом снимает субъективный фактор и позволяет описать поставленные проблемы деривационной лексикологии русского языка как общезыковые, а не связанные с сопоставительным изучением языков.

Данные деривационной текстологии предоставляют возможность проследить механизм воздействия деривационного потенциала текста на его отдельные компоненты, в частности на отдельные лексемы, обладающие собственным потенциалом деривационного развития, который по-разному реализуется в текстах, построенных по ономаσιологической и семасиологической моделям.

Анализ лексико-деривационного материала, полученного из текстов, созданных в ходе межтекстовой внутри- и межъязыковой деривации, позволил выявить факторы, влияющие на деривационное функционирование слова в тексте. Само это выделение продиктовано тем обстоятельством, что при выявлении текстовых трансформаций высвечиваются те условия, в которых реализует себя тот или иной тип

лексико-деривационного функционирования. При этом намечается корреляция трансформаций на лексико-деривационном уровне с общетекстовыми трансформациями, что доказывает включенность лексической деривации в синтаксическую (в самом широком ее понимании).

2.1. Анализ лексико-деривационных рядов на материале межъязыковых переводов

Одна из рабочих гипотез исследования такова: если ЛДР функциональны, то есть значимы для восприятия и порождения текста, то переводчик в силу объективных (системных и текстовых) и субъективных (позитивное/негативное отношение к повтору) причин будет стремиться отразить их при переводе. Поэтому, апеллируя к языковому сознанию переводчика как к первому рецептору исходного текста и отождествляя модель поведения переводчика с нашими интуитивными представлениями о степени функциональности ЛДР, мы обращаемся к исследованию соотношения исходного текста и его опредмеченного восприятия-понимания – перевода. Использование трех переводов одного текста позволяет рассмотреть полученные результаты в рамках теории инварианта-вариантов и способствует большей степени их верифицированности.

Для анализа используются контексты, полученные методом сплошной выборки из пяти глав романа Ф.М. Достоевского «Идиот» и трех его переводов на немецкий язык, выполненных Г.Гершельманном (ПТ-1), Г.Релем (ПТ-2), А. Лютером (ПТ-3). Анализ проводится по главам (5 выборок). Под контекстом, согласно задачам исследования, понимается контекст реализации ЛДР, независимо от объема (начиная с высказывания, включающего два компонента и представляющего собой

нераспространенный ЛДР, до целого текста (см. 2.2.)), основным условием является наличие отношений деривационной и детерминационной зависимости между членами ЛДР, нашедшего воплощение в данном контексте.

Подсчет количественных данных показал разный процент отражения одних и тех же ЛДР в разных переводах:

глава 1 – 54 % (ПТ-1); 81 % (ПТ-2); 75 % (ПТ-3);

глава 2 – 51 % (ПТ-1); 85 % (ПТ-2); 79 % (ПТ-3);

глава 3 – 54 % (ПТ-1); 80 % (ПТ-2); 75 % (ПТ-3);

глава 4 – 29 % (ПТ-1); 51 % (ПТ-2); 56 % (ПТ-3);

глава 5 – 51 % (ПТ-1); 73 % (ПТ-2); 70 % (ПТ-3) (подробнее см. таблицу 1.1. Приложения).

Поверхностный количественный анализ дает основание для постановки следующих вопросов:

1) Необходимо выяснить, не является ли отсутствие стопроцентного отражения ЛДР при переводе доказательством нефункциональности ЛДР или следствием несостоятельности гипотезы.

При ответе на данный вопрос мы хотим сослаться на высказанное в устной беседе утверждение исследователя системного аспекта лексикологии немецкого языка З.В. Беркетовой о том, что формально-семантическая общность между словами разных языковых систем составляет 70 %. Поэтому в нашем исследовании мы учитываем системный фактор, оказывающий влияние на функционирование деривационного слова во вторичном тексте – переводе, чтобы объяснить частичное отклонение от исходной гипотезы: если ЛДР отражаются, то функциональны; если не отражаются, то не функциональны. А потому неотражение или отражение ЛДР при переводе не всегда является свидетельством его нефункциональности или функциональности соответственно, а может обуславливаться действием объективного

системного фактора – внутриязыкового (отсутствием вариативности) и межъязыкового (различием языковых систем) (см. 2.1.3.).

2) Но языковая реальность показывает, что абсолюта не существует. Даже при объективной возможности отразить повтор, он фиксируется не всегда, поэтому необходим поиск причин, объясняющий то, что в ПТ-1 процент отражения ЛДР всегда меньше 70 %. На наш взгляд, причина заключается в самой модели построения вторичного текста, специфика которой проявляется в том числе и на лексико-деривационном уровне (см. 2.1.2).

3) При этом глава 4 романа выделяется низким процентом отражения ЛДР, причиной чего выступают текстовые условия лексико-деривационного функционирования (см. 2.1.4).

Доказательство функциональности ЛДР является свидетельством включенности лексической деривации в деривацию текста, что дает основание для постановки проблемы взаимодействия лексической и текстовой деривации, для решения которой необходимо привлечение двух аспектов ее рассмотрения: текстоцентрического и лексикоцентрического. Таким образом, возникает необходимость анализа вторичных текстов, модели их построения, так как в текстах, построенных по разным моделям, по-разному функционирует деривационное слово (текстоцентрический аспект проблемы). Но при этом необходимо обратить внимание на качество самих ЛДР, на разную степень их функциональности (лексикоцентрический аспект проблемы) и выявить типы деривационного взаимодействия слова и текста.

Поэтому мы обращаемся к исследованию деривационного потенциала текста, который опредмечивается в результате межтекстовой деривации в создании вторичного текста, для того, чтобы выявить его влияние на реализацию деривационного потенциала слова.

2.1.1. Результаты межъязыковой межтекстовой деривации

Различия между двумя моделями: ономаσιологической и семасиологической – несомненно, имеют качественную подоснову, но выявляются прежде всего статистически, так как именно количественные показатели позволяют формализовать интуитивные наблюдения по поводу различия моделей. Поэтому возникает необходимость количественных подсчетов типов текстовых преобразований. Этим обстоятельством обуславливается дальнейший ход нашего исследования: построение общей деривационной типологии текстовых преобразований и попытка описания моделей текста с учетом качественной и количественной характеристики полученных данных. Само исчисление типов текстовых изменений не является предметом нашего исследования, наша задача заключается в выявлении специфики возникающих текстовых преобразований в каждой из моделей построения текста.

Перевод – результат семантической деривации, или повторное создание макроозначаемого текста. Поэтому необходим учет степени семантического расстояния между единицами соответствия, что позволяет выделить две большие группы инноваций: мутационные (вещественные, диктумные, касающиеся концептуальной семантики) и модификационные (модусные, функциональные).

Под изменениями на синтаксическом уровне имеются в виду только такие преобразования, которые не обусловлены объективными различиями двух языковых систем. Фиксированный порядок слов в немецком языке, наличие артикля, более разветвленная система времен и отсутствие видовой корреляции являются причиной изменения единиц синтаксического уровня текста, но не рассматриваются в рамках данной работы.

Использование разных переводов одного текста при исследовании текстового деривационного потенциала позволяет выявить текстовые фрагменты, имеющие тождественные соответствия во всех переводах, и фрагменты, переводы которых в значительной степени отличаются друг от друга. Последние, как правило, содержат и большую степень инновационности как следствие большего деривационного потенциала исходного текста. Таким образом, представляется возможным говорить о точках креативности текста.

2.1.1.1. Перестановка

Результатом деривационного процесса перестановки компонентов ИТ являются мутационные инновации, если перестановка на уровне поверхностных структур ведет к изменению на уровне глубинной структуры, к модификационным изменениям приводят изменения только на уровне поверхностных структур.

В конце ноября (1), в оттепель (2), часов в девять утра (3), поезд Петербургско-Варшавской железной дороги (4) на всех парах подходил (5) к Петербургу (6). Было так сыро и туманно (7), что насилу рассвело (8); в десяти шагах (9), вправо и влево от дороги (10), трудно было разглядеть хоть что-нибудь (11) из окон вагона (12) (ИТ-1).

In voller Fahrt (5) näherte sich der Nachtzug Warschau-Petersburg (4) der Hauptstadt (6). Es war ein später Novembertag (1), das Wetter naßkalt und trübe (7), und obwohl es bereits auf die neunte Stunde ging (3), lag noch morgendliche Dämmerung über der Landschaft (8), deren undeutliche Umrisse sich rechts und links von der Strecke (10) im Nebel verloren (11) (ПТ-1) – Полным ходом (5) приближался поезд Варшава-Петербург (4) к столице (6). Был поздний ноябрьский день (1), погода сырая, холодная и пасмурная (7), и хотя уже шел девятый час (3), предрассветный

полумрак лежал над ландшафтом (8), неотчетливые очертания которого вправо и влево от дороги (10) терялись в тумане (11) (подстрочный перевод – ПП).

Es war gegen Ende des November (1), bei Tauwetter(2), als sich um neun Uhr morgens (3) ein Zug der Petersburg-Warschauer Bahn (4) in voller Fahrt (5) Petersburg näherte (6). Das Wetter war so feucht und neblig (7), daß das Tageslicht kaum zur Geltung kam (8); man konnte rechts und links von der Bahn (10) aus den Fenster der Wagen (12) nur auf zehn Schritte (9) mit Mühe etwas erkennen (11) (ПТ-2) – Это было в конце ноября (1), в оттепель (2), когда в девять часов утра (3) поезд Петербургско-Варшавской железной дороги (4) на всем ходу (5) приближался к Петербургу (6). Погода была такая сырая и туманная (7), что дневной свет едва проявился (8); справа и слева от дороги (10) можно было из окон вагона (12) в десяти шагах (9) с трудом что-либо различить (11) (ПП).

Ende November (1) bei Tauwetter (2) gegen neun Uhr morgens (3) eilte der Eisenbahnzug Warschau-Petersburg (4) mit Volldampf (5) seinem Endziel entgegen (6). Es war so feucht und neblig (7), daß die Morgendämmerung kaum durchdringen konnte (8); auf zehn Schritte (9) rechts und links der Bahnstrecke (10) war aus den Wagenfenstern (12) nur schwer zu erkennen (11) (ПТ-3) – В конце ноября (1) в оттепель(2) в девять часов утра (3) спешил железнодорожный поезд Варшава-Петербург (4) на всех парах(5) к конечной цели (6). Было так сыро и туманно (7), что рассвет едва смог пробиться (8), в десяти шагах (9) вправо и влево от дороги (10) из окон вагона (12) трудно было что-то различить (11) (ПП).

В ПТ-1 наблюдается внутри- и межпредложенческая перестановка компонентов. Намечается их следующий порядок (точка отсчета – исходный текст): 5 4 6.1 7 3 8 10 11 (ср. в ПТ-2: 1 2 3 4 5 6. 7 8 10 12 9 11;

в ПТ-3: 1 2 3 4 5 6 . 7 8 10 12 9 11. Перестановка компонента 11 является следствием различий языковых систем – рамочная конструкция немецкого предложения – и не учитывается в соответствии с задачами нашего исследования). При этом большинство компонентов передается, но свободно комбинируется при этом, поэтому различия на уровне лексико-грамматическом (поверхностная структура) не ведут к изменению глубинной структуры предложения – модификационные инновации.

Иногда результатом семантико-синтаксической перестановки (изменение типа гипаллаги) являются изменения на глубинном уровне, что является изменением на уровне концептуальной семантики – мутационные инновации:

В конце ноября (ИТ-1);

Es war ein später Novembertag (ПТ-1) – Был поздний ноябрьский день, поздним ноябрьским днем (ПП).

Появление в данном тексте (ПТ-1) трансформации типа гипаллаги еще раз подчеркивает то обстоятельство, что макроозначаемое представляет собой единый смысловой континуум, для расчленения которого и придания ему формы не всегда представляется релевантным тождественное упорядочивание компонентов. Именно этим во многом обуславливается большее число семантических и синтаксических перестановок в текстах, построенных по данной модели. При этом необходимо учесть тот факт, что все семы, представленные в исходном тексте, отражены, но по-другому оформлены, в результате этого изменения на поверхностном уровне повлекли за собой изменения на глубинном уровне.

2.1.1.2. Осложнение

Результатом деривационного процесса осложнения являются изменения на уровне концептуальной семантики, если они контекстуально не обусловлены или обусловлены переводным текстом (нет детерминации со стороны ИТ). Модификационные инновации возникают при наличии детерминации со стороны ИТ (реализация его деривационного потенциала в этом случае предсказуема, результаты семантизируемы).

что насилиу рассвело (ИТ-1);

lag noch morgendliche Dämmerung über der Landschaft (ПТ-1);

лежал еще предрассветный полумрак над ландшафтом (ПП).

Появление в ПТ-1 компонента *über der Landschaft* (над ландшафтом) не обусловлено исходным текстом, его можно трактовать как осложнение на уровне концептуальной семантики – мутационная инновация.

Вправо и влево от дороги трудно было разглядеть хоть что-нибудь из окон вагона (ИТ-1);

Deren undeutliche Umrissе sich rechts und links von der Strecke im Nebel verloren (ПТ-1);

Неотчетливые очертания которого терялись в тумане вправо и влево от дороги (ПП).

Сема неопределенности ('хоть что-нибудь') передается в ПТ-1 (*undeutliche Umrissе* – 'неотчетливые очертания'), но при этом происходит осложнение, которое обусловлено контекстуально со стороны ПТ-1 (его повлекло предыдущее осложнение *над ландшафтом*). Добавление же компонента *im Nebel* ('в тумане') обусловлено со стороны ИТ-1 (*было так сыро и туманно*) и со стороны ПТ-1 (*das*

Wetter naßkalt und trübe – ‘погода сырая, холодная и пасмурная’), так как в предыдущем отрывке произошло упрощение (компонент *туманно* не был передан при переводе). Наличие детерминации со стороны ИТ-1 не позволяет рассматривать это изменение как концептуальное – модификационная инновация. Осложнением на уровне концептуальной семантики можно считать появление лексемы *naßkalt* (*Das Wetter naßkalt*), содержащей сему ‘холодная погода’, что противоречит семе ‘теплая погода’ компонента *в оттепель* и не детерминируется ни ИТ-1, ни ПТ-1 (ср. возможность интерпретации данного факта как результата заменительной деривации в 2.1.1.4). Добавление компонента *trübe* (*о погоде* – ‘пасмурная’) можно считать следствием деривационного процесса осложнения, но контекстуально обусловленного со стороны ИТ-1 (*что насилу рассвело* и ср. другие словарные соответствия лексемы *trübe* – ‘тусклый, хмурый, мрачный, сумрачный’).

Люд мелкий и деловой (ИТ-1);

Bauern, Handwerker, kleine Geschäftsleute (ПТ-1);

Крестьяне, ремесленники, мелкие деловые люди (ПП).

Результат деривационного процесса осложнения приводит к модификационным изменениям, детерминированным со стороны ИТ, в результате чего отношения между компонентами ИТ-1 и ПТ-1 принимают гиперо-гипонимический характер, а переводное соответствие представляет собой конкретизацию исходного компонента.

Предыдущие контексты можно проинтерпретировать как иллюстрацию деривационного процесса замены, но такая трактовка представляется нам поверхностной, так как следствием замены, как правило, является осложнение или упрощение при учете общей функциональной эквивалентности.

2.1.1.3. Упрощение

Люд мелкий и деловой (ПТ-1);

Bauern, Handwerker, kleine Geschäftsleute (ПТ-1);

Крестьяне, ремесленники, мелкие деловые люди (ПП).

Результатом обратного осложнению процесса упрощения является утрата коннотативной семы, в переводах меняется стилистическая окраска компонента: из стилистически маркированного он становится нейтральным (модификационное изменение). Ср. то же в ПТ-2: *kleine Geschäftsleute* ('мелкие деловые люди'); в ПТ-3: *Kleinbürger und Geschäftsleute* ('мелкие буржуа и деловые люди').

Результатом деривационного процесса упрощения являются мутационные инновации, если опущение компонентов исходного текста никак не компенсируется в ИТ, к модификационным инновациям приводит упрощение с последующей компенсацией в ПТ. Таким образом, квалификация типа семантической инновации зависит от ее контекстуальной обусловленности/необусловленности, но со стороны не ИТ, а ПТ.

Компоненты *в десяти шагах, их окон вагона* опущены в ПТ-1 и семы, содержащиеся в них, не переданы каким-либо компенсирующим приемом – мутационная инновация.

Компонент *в оттепель* также отсутствует, но семы, представленные им, передаются в ПТ-1 с помощью другого деривационного процесса (слияния и осложнения при введении антонимической семы).

Упрощение компонента *туманно* приводит к деривационному процессу осложнения в последующих фрагментах текста (точнее говорить о перестановке, обусловившей дальнейшее осложнение).

На семантическом уровне можно констатировать утрату семы 'теплая погода' при опущении компонента в *оттепель*, другая его сема 'сыро' передается в результате деривационного процесса слияния.

Все лица были бледно-желтые (ИТ-1);

Ihre Gesichter schienen bleich (ПТ-1) – Их лица казались бледными (ПП);

Alle Gesichter waren gelblich (ПТ-2) – Все лица были желтоватые (ПП).

В ПТ-2 опущение компонента *бледный* компенсируется в лексеме *желтоватый* посредством значения неполноты признака суффикса *-оват-*, что возможно при межуровневом подходе. Это обстоятельство позволяет квалифицировать изменение как модификационное.

2.1.1.4. Замена

Результатом деривационного процесса замены являются изменения на уровне концептуальной семантики, так как речь идет об утрате одних сем и о приобретении других при сохранении функциональной эквивалентности. Речь не идет об упрощении и о последующем наложении, так как при замене отношения между компонентами носят радиальный характер (конфронтативная полисемия или межъязыковая синонимия), между ними возникают отношения дизъюнкции (или/или). С другой стороны, отношения можно интерпретировать как модификационные, если та или иная сема находит свое выражение в ПТ-1, но в основу положен другой мотивировочный признак. Но это – замена означающего на лексическом уровне. На уровне создания означаемого результат замены с модификационной инновацией в тексте не зафиксирован.

В качестве заменительной деривации означающего рассматривают случаи межъязыковой синонимической замены на лексическом уровне при условии функциональной эквивалентности:

На всех парах (ИТ-1);

In voller Fahrt (ПТ-1, ПТ-2);

Полным ходом (ПП).

Сема 'быстро' реализуется с помощью словосочетаний, в основу которых положены различные мотивировочные признаки.

К Петербургу (ИТ-1);

Der Hauptstadt (ПТ-1);

К столице (ПП).

Замена носит не лингвистический, а экстралингвистический характер, привлекаются фоновые знания.

Примером деривационного процесса замены может служить, на наш взгляд, появление семы 'холодная погода', противоречащей семе 'теплая погода' ИТ. Данное явление можно интерпретировать как деривацию антонимии (как функционально-семантической категории), которая осуществляется, на наш взгляд, по радиальному типу (возможность трактовать ее как упрощение с последующим осложнением кажется слишком громоздкой) и является одним из проявлений метадеривации (ср. типы словообразовательной деривации: [Голев, 1995]).

2.1.1.5. Слияние

Результатом деривационного процесса слияния являются инновации модификационного характера, так как семы, которые содержат компоненты ИТ, отражаются в ПТ, но по-новому комбинируются при этом.

Детерминация со стороны ИТ сохраняется на уровне семантики, но на уровне формы она отсутствует.

Результатом смысловой контаминации является объединение компонентов:

В отменель + было так сыро и туманно (ИТ-1) = das Wetter naßkalt und trübe (ПТ-1) = погода сырая, холодная и пасмурная (ПП).

Сема 'сыро', присутствующая в двух компонентах ИТ (*в отменель и сыро*), реализуется в одном компоненте ПТ-1 (ее содержат лексема *naßkalt* в качестве архисемы и лексема *trübe* в качестве семы потенциальной).

Таким образом, выделяется два типа текстовых инноваций, к которым могут привести деривационные процессы: мутационные и модификационные. Первые лишены непосредственной детерминации исходным текстом и продиктованы волей говорящего, в данном случае переводчика (субъективный фактор), вторые контекстуально обусловлены исходным текстом. Результатом действия первых являются различия на уровне глубинной структуры, вторые не приводят к таким преобразованиям.

2.1.2. Модели построения вторичных текстов

Данные типы инноваций по-разному воплощаются в текстах, построенных по ономаσιологической и семасиологической моделям (см. таблицу 1.2. Приложения). Различия связаны с количественной и качественной характеристиками объекта. В тексте, построенном по ономаσιологической модели (ПТ-1) зафиксировано большее число результатов межтекстовых деривационных процессов, чем в текстах, построенных по семасиологической модели (ПТ-2, ПТ-3). Кроме

того, мутационные инновации зафиксированы в тексте, построенном по ономаσιологической модели, что свидетельствует о большей степени ее креативности. Тексты, построенные по семасиологической модели, тяготеют к копиальному типу, немногочисленные семантические инновации, появившиеся в них, носят модификационный характер.

Анализ количественных данных на лексико-деривационном уровне подтверждает выделение двух моделей построения вторичного текста: ономаσιологической и семасиологической. «В рамках как индивидуального, так и коллективного сознания скрыты два типа генераторов текста: один основан на механизме дискретности, другой континуален» [Лотман, 2000, 178], их действие, по нашему мнению, опредмечивается в создании текстов, построенных по семасиологической и ономаσιологической модели соответственно. Результатом действия двух моделей порождения текста являются на поверхностном уровне наличие и отсутствие экспликации деривационного потенциала слов (наличие или отсутствие ЛДР). Для первой модели не представляется релевантным учет всех типов формально-семантического взаимодействия лексических единиц текста, зона разброса процента отражения 51 – 54 %, исключая главу 4 (см. таблицу 1.1. Приложения). Для второго типа построения вторичного текста характерна большая степень отражения ЛДР, зона разброса 70 – 79 %; 72 – 85 %, исключая главу 4.

Глава 4 романа представляет значительный интерес для исследования, так как количественный показатель отражения ЛДР отличается от степени отражения ЛДР в других главах (29 %; 51 % и 56 %), но сохраняется корреляция процента отражения между моделями вторичного текста. Это обстоятельство заставляет обратиться к сравнительному анализу реализованных в данной главе ЛДР с

представленными в других главах для выявления причин их меньшей отраженности при переводе (см. 1.2.4.2.).

Функциональность ЛДР предполагает его органичное включение в процессы порождения и восприятия текста, использование вторичного текста в качестве источника лингвистического анализа позволяет учесть эти две взаимосвязанные процедуры речемыслительной деятельности. Но при этом человек выступает в качестве «средства» реализации заложенных в языке потенциалов саморазвития (лингвоцентристский аспект), это позволяет рассматривать лексико-деривационный уровень в качестве самостоятельного текстового уровня, занимающего промежуточное положение между лексическим и синтаксическим, и предположить наличие корреляции между изменениями на лексико-деривационном уровне с изменениями на низшем или высшем уровнях.

Такая постановка проблемы позволяет по-новому рассмотреть саму проблему взаимодействия слова и текста: слово, обладающее потенциалом деривационного функционирования, предполагает ту или иную синтаксическую структуру или сама синтаксическая структура обуславливает выбор того или иного слова, которое включается в общий синтаксис. Таким образом, выявляется диалектика взаимодействия слова и текста в деривационном аспекте как частное проявление самодетерминации при взаимодействии двух порождающих тенденций: реализации деривационных потенциалов слова и текста. Речь идет о наличии двух механизмов построения текста: от слова и от текста, что соответствует в теории деривации двум моделям построения текста: формально-семантической, имеющей соответствия на уровне поверхностных структур, и семантической, протекающей на уровне глубинных структур, или семасиологической и ономасиологической. В теории перевода они коррелируют с буквальным, точным, аналитическим

переводом и с переводом вольным, смысловым, синтетическим, художественным.

Отличие семасиологической и ономасиологической моделей построения вторичного текста от формально-семантической и семантической моделей, выделяемых в теории деривации, состоит в том, что первая не просто склонна к построению текста, насыщенного формально-семантическими связями, а повторяет ЛДР исходного текста, а вторая модель не стремится к их устранению, неотражение ЛДР является следствием того, что вторичный текст, построенный по ономасиологической модели, не опирается на форму исходного, а значит, в нем возможно появление ЛДР, не зафиксированных в тексте-оригинале.

Первая модель опирается на форму и содержание исходного текста, стремясь к сохранению того и другого во вторичном тексте (в том числе к сохранению лексики, синтаксиса и т.д.). Вторая модель опирается прежде всего на общий смысл текста, реализуя его с помощью языковых средств, наиболее (с точки зрения автора вторичного текста) этому способствующих. Семантические компоненты находят свое воплощение в новом лексическом оформлении, по-новому комбинируясь при этом. Так как семантика не представляет собой собственно языковой уровень, а является одним из языковых планов, то возможна ее реализация с помощью единиц других уровней, в том числе текстового. Отличительной чертой текстов, построенных по семасиологической модели, является двойная детерминация формы (со стороны исходного текста и со стороны внутритекстовой деривации уже на языке перевода). Тексты, построенные по ономасиологической модели, лишены формальной детерминации исходным текстом.

Данные механизмы не автономны, они работают в обеих моделях построения текста, но в разных моделях доминирует либо семантика, либо форма. Как правило, более сильным оказывается механизм семантический, смысловой, нежели собственно лексический или лексико-грамматический, в силу особенностей коммуникации, так как носители языка исходят прежде всего от смысла текста, не обращая внимания на форму его лексического воплощения. Поэтому формально-семантическое развертывание текста от слова, учитывающее его лексическую форму, можно считать частным случаем семантической деривации вообще.

Тексты, построенные по семасиологической модели, могут быть описаны с позиций уровневой текстовой организации, при которой возможно выделение текстовых соответствий/несоответствий по уровням (в данном случае, лексическому, лексико-деривационному и синтаксическому). Тексты, построенные по ономасиологической модели, могут быть описаны только при учете возможности межуровневых переходов, что предполагает использование ономасиологических категорий, в том числе и текстовых.

Перевод – деривация означаемого исходного текста, которое оказывается неизменно связанным с означающим, но все же находится с ним в отношениях асимметрии, хотя и при примате означаемого. Но в тексте, построенном по семасиологической модели, помимо семантической детерминации макроозначающего, действует и механизм формально-семантической его детерминации. Именно поэтому в текстах, полученных посредством реализации данной модели, сохраняется деление на абзацы, предложения исходного текста. Кроме того, как правило, сходным представляется лексическое воплощение содержания оригинала.

В тексте, построенном по ономасиологической модели, смысловой континуум членится произвольно, следствием чего являются многочисленные внутри- и межпредложенческие трансформации на лексико-грамматическом уровне. Это обстоятельство позволяет говорить о семантической детерминации исходным текстом текста перевода при отсутствии его формально-семантической обусловленности (ср. супплетивную деривацию). Но при этом намечается тенденция к изоморфизму семантической и формально-семантической деривации текста перевода, так как в тексте, построенном по ономасиологической модели, отсутствие формальной детерминации исходным текстом коррелирует с наличием семантической инноваций, непосредственно не обусловленных текстом оригинала. Поэтому оправдано различие двух типов семантических инноваций, возникших в результате деривационных процессов при создании текста перевода: детерминированные исходным текстом и не детерминированные исходным текстом.

Создание вторичного текста представляет собой акт семантической деривации, то есть речь идет прежде всего о создании/воссоздании макроозначаемого исходного текста, которое, свернувшись в процессе восприятия/понимания, будет развернуто в новое макроозначающее, составляющее единство с макроозначаемым и обусловленное макроозначающим исходного текста.

Создание вторичного текста по ономасиологической модели происходит прежде всего по линии создания/воссоздания означаемого (продление семантики на макроуровне) в отрыве от первоначального единства с означающим, что приводит к инновациям и в плане содержания, и в плане выражения. Создание вторичного текста по семасиологической модели тоже протекает по линии создания означаемого (продление семантики), но подкрепляется его единством с означающим (продление

форматики на макроуровне), что в какой-то степени сдерживает развитие означаемого и приводит к меньшим семантическим инновациям в текстах, построенных по данной модели.

В первом случае решающим оказывается носитель языка, реализующий тип модели построения текста, не учитывающей форму исходного текста; во втором случае решающим становится факт объективный – реальный текст, форма которого обуславливает форму вторичного текста. Таким образом, в двух моделях построения вторичного текста по-разному преломляется соотношение объективного и субъективного факторов, в каждой модели присутствует и то, и другое, но в разных пропорциях: доминантой ономаσιологической модели является преобладание субъективного фактора, семасиологической – объективного.

ЛДР – формально-семантическая единица, что наделяет ее промежуточным статусом на уровне микроозначаемого и микроозначающего одновременно, а потому его сохранение или утрата во вторичном тексте является следствием разного рода соотношений текстового означаемого и означающего под действием объективного или субъективного факторов.

2.1.3. Модели поведения переводчика

Анализ материала показал, что существует некоторая зависимость отражения или неотражения при переводе ЛДР от объективных (заложенных в языке и тексте) и субъективных (зависящих от установки автора и переводчика) причин. В ходе исследования были выявлены детерминанты деривационного функционирования слова в тексте, восходящие к общезыковым антиномиям *объективное – субъективное*, *системное – текстовое* (на данном этапе задействованы только выделенные

члены антиномий). Их влияние опредмечивается в четырех моделях поведения переводчика.

При анализе деривационного функционирования слова в аспекте межъязыковой эквивалентности важно отметить характер отражения или устранения ЛДР при переводе: была ли объективная возможность при неотражении ЛДР его фиксации или нет (фактор языка); при отражении ЛДР важно учесть, были ли варианты перевода, когда переводчик из всех возможных синонимов мог выбрать именно те, которые вступают в эпидигматические отношения (фактор переводчика) или языковые средства ограничивают выбор (фактор языка).

Учитывая эти обстоятельства, мы можем построить методику деривационного анализа, опираясь на межъязыковую эквивалентность (проявляющуюся при переводе) как на реально существующую данность. Именно поэтому проблема субъекта для нас – проблема важная, но не главная. Мы отождествляем модель поведения переводчика с теми интуитивными наблюдениями, которые подтверждают текстовую актуальность ЛДР, но полагаем, что в его деятельности есть объективные закономерности, выявив которые, мы придем к доказательству функциональности ЛДР в тексте, преодолев субъективность.

2.1.3.1. Объективное отражение

Данный тип мало способствует достижению поставленной цели – доказать функциональность ЛДР, так как не позволяет судить о том, замечает ли переводчик значимость ЛДР, релевантен ли данный факт для адекватного восприятия текста, так как переводчик в любом случае «вынужден» его воспроизвести. Единственным подтверждением

функциональности ЛДР данной группы является отсутствие прономинализации (замены местоимением). Поэтому сам факт сохранения повтора все же подчеркивает их значимость:

- *За это в Сибирь?*

- ***В Сибирь, в Сибирь! Тотчас в Сибирь!*** (ИТ – 1);

- *Dafür kommt man nach Sibirien?*

Nach Sibirien, nach Sibirien. Sofort nach Sibirien! (ПТ – 2);

- *Und kommt einer dafür nach Sibirien?*

- ***Gewiß, nach Sibirien, nach Sibirien! Ohne weiteres nach Sibirien!***

(ПТ – 3).

Намечается тенденция, в соответствии с которой в текстах, построенных по семасиологической модели (ПТ – 2 и ПТ – 3), ЛДР сохраняются; в тексте, построенном по ономасиологической модели (ПТ – 1), несмотря на отсутствие синонимов, ЛДР разрушаются за счет прономинализации или опущения повтора:

- *Und darauf steht Sibirien?*

- *Selbstredend ..., wie Euer Gnaden zu sagen belieben!* (ПТ – 1).

Необходимо заметить, что иногда вариативность снимается стилистическим несоответствием синонима. Так, например, словарь дает два варианта перевода слова «страсть»: *die Leidenschaft* и *die Inbrust*, но последнее подчеркивает возвышенность, глубину чувств, поэтому не может использоваться в данном контексте и приводит к объективному характеру отражения данного ЛДР:

*Тут, может быть, действительно миллион сидит и ... **страсть**, безобразная **страсть**, положим, но все-таки **страстью** пахнет...* (ИТ – 1);

*Jetzt handelt sich's vielleicht wirklich um Millionen! Jedenfalls um eine wütende **Leidenschaft**, die uns lächerlich scheinen mag, die aber doch so gut **Leidenschaft** ist wie jede andere* (ПТ – 1);

Hier handelt es sich vielleicht wirklich um eine Million und ... eine Leidenschaft. Eine widerwärtige Leidenschaft, gewiß, aber sie ist doch vorhanden, und sie ist echt ... (ПТ – 2);

Hier kommt vielleicht wirklich eine Million ins Spiel und ...eine Leidenschaft. Eine verdrehte Leidenschaft allerdings; aber es sieht doch nach Leidenschaft aus... (ПТ – 3).

В тексте, отличающемся повышенным вниманием к форме (ПТ – 3) отражены все три члена ряда, в других текстах трехчленный повтор передан двухчленным за счет прономинализации.

2.1.3.2. Субъективное отражение

Показателен сам факт отражения при переводе ЛДР, когда имеются различные варианты, позволяющие его избежать. Это означает, что переводчик (сознательно или интуитивно) из всего языкового арсенала выбирает именно те лексемы, повтор которых возможен в данном контексте. Поэтому данные, полученные именно при анализе данного типа, несут основную информацию о функциональности ЛДР в тексте. Если в предыдущей группе решающую роль играл фактор языка, то здесь основное значение принадлежит фактору переводчика, апелляция к языковому сознанию которого используется нами как средство доказательства актуальности для восприятия ЛДР. Анализ данного типа позволяет абстрагироваться от объективного различия языковых систем, являющегося барьером для перевода ЛДР, и акцентирует наше внимание на том, что повтор передается благодаря фактору переводчика. А это обстоятельство работает на нашу гипотезу, заключающуюся в том, что если функционирование ЛДР значимо, переводчик (сознательно или интуитивно, в силу своего «языкового чутья») будет стремиться отразить его.

Из всего синонимического ряда *die Krankheit, die Erkrankung, das Unwohlsein, die Beschwerde, das Leiden, das Gebrechen, das Siechtum* выбирается и реализуется в тексте одна единица, причем в разных текстах – своя:

..., что отправлен был за границу по **болезни**, по какой-то странной нервной **болезни**... (ИТ – 1);

... daß er seines **Leidens** wegen ins Ausland geschickt worden sei, eines merkwürdigen **Nervenleidens** ... (ПТ – 2);

...man habe ihn wegen einer **Krankheit** ins Ausland geschickt, wegen einer eigentümlichen **Nervenkrankheit** (ПТ – 3).

Субъективный характер такого отражения подчеркивает тот факт, что в тексте, построенном по ономаσιологической модели, повтор устранен за счет синонима:

... nachdem er seinerzeit krankheitshalber, wegen eines seltsamen **Leidens**, das ... , in Ausland geschickt worden (ПТ – 1).

Из имеющихся в арсенале языковых средств *покровитель – der Beschützer, der Gönner, der Schutzherr, der Schirmherr, der Protektor; покровительство – der Schutz, die Gönnerschaft, die Protektion, die Begünstigung, die Schirmherrschaft* выбраны именно те варианты, которые вступают между собой в эпидигматические отношения:

Некто из тогдашних влиятельных лиц, один из тех **покровителей**, которым **покровительство**, впрочем, ничего не стоило... (ИТ – 1);

Nachdem seinerzeit ein einflußreicher **Gönner**, der Familie – einer von denen, die sich ihre **Gönnerschaft** nichts kosten lassen... (ПТ – 1);

Eine der damals einflußreichen Personen, einer von jenen **Protektoren**, denen ihre **Protektion** übrigens nicht kostet ... (ПТ – 2);

Eine damals einflußreiche Persönlichkeit, einer jener **Gönner**, welche die **Gönnerschaft** nichts kostet... (ПТ – 3).

Однако при этом не исключается не выбор лексем языка перевода, способных вступить между собой в формально-семантическое взаимодействие в ПТ, а возможность порождения одного слова из другого, при этом главным является выбор лексемы, обладающей потенциалом деривационного развития.

2.1.3.3. Объективное неотражение

Необходимость устранить повтор может диктоваться особенностями системы языка перевода. Так, глагол *скажется* имеет в русском языке два значения:

- 1) будет сказано (произнесено);
- 2) обнаружится, решится.

Первому значению в немецком языке соответствует конструкция *gesprochen werden*, второму – ряд глаголов и выражений *sich zeigen*, *zum Ausdruck kommen*, *zutage treten*, *entscheiden*. Несоответствие семантических структур приводит к устранению повтора, а ЛДР выступает как частично отраженный, значительно проигрывая по силе сцепки:

... *что последнее слово еще не сказано, а гроза грянет. Если сегодня скажется последнее слово, стало быть, и все скажется* (ИТ – 1);

... *solange das letzte Wort noch nicht gesprochen ist. Wenn aber wirklich heute abend die Entscheidung fallen sollte, dann bricht der Sturm los, das können Sie mir glauben!* (ПТ – 1);

... *daß das letzte Wort noch nicht gesprochen ist. Das Gewitter muß aber losbrechen. Wird heute das letzte Wort gesprochen, so wird auch alles zutage treten* (ПТ – 2);

... *weil das letzte Wort noch nicht gesprochen ist; aber das Gewitter rückt heran. Wenn heute das Letzte Wort gesprochen wird, dann ist damit alles entschieden* (ПТ – 3).

ЛДР может быть устранен из-за наличия у лексемы переводного языка значения, отсутствующего в русском языке:

«Гувернер – воспитатель, приглашенный в семью, часто иностранец» [Ожегов, 1993, 150]. В немецком языке появляется значение, отсутствующее в русском языке:

«*Gouverneur – oberster Verwaltungsbeamter bes. einer Kolonie; Befehlshaber einer grossen Festung*» [Worterbuch, В. III, 1978, 1629]. В русском языке ему соответствует слово «губернатор»:

... для него нанималась сначала *гувернантка*, потом *гувернер*...(ИТ);

... *die ihm eine Gouvernante und später einen Hauslehrer hielten* (ПТ-1);

... *zuerst wurde eine Gouvernante für ihn gehalten, später ein Hofmeister* (ПТ-2);

... *es wurde für ihn zuerst eine Gouvernante, dann ein Hauslehrer angenommen*...(ПТ-3).

В данном случае можно говорить, в какой-то мере, о проявлении межъязыковой омонимии.

Системный фактор может повлиять на частичное неотражение ЛДР:

... *и опытный камердинер не мог не почувствовать что-то, что совершенно прилично **человеку с человеком** и совершенно неприлично гостю с **человеком**. А так как люди гораздо умнее, чем обыкновенно думают про них господа, то ...* (ИТ – 1);

*Auch der erfahrene **Kammerdiener** fühlte, daß ein Gespräch zwischen Gast und **Diener** nicht ohne weiteres in eine Unterhaltung von **Mensch zu Mensch** ausarten dürfe. Und wie in der Regel der **Diener** klüger ist, als der Herr glaubt, so...* (ПТ – 1);

...*und der erfahrene **Kammerdiener** konnte nicht umhin, etwas zu empfinden, was im Verkehr von **Mensch zu Mensch** durchaus angebracht, im Verkehr zwischen Gast und **Diener** aber völlig unpassend ist. Da jedoch die*

Diensboten viel klüger sind, als ihre Herrschaften gewöhnlich von ihnen denken, so... (ПТ – 2);

*... und erfahrene **Kammerdiener** konnte nicht umhin, in ihnen etwas zu finden, was, von einem **Menschen** zu einem andern **Menschen** gesagt, durchaus angemessen, aber von einem **Gast** zu einem **Diener** gesagt, völlig unangemessen war. Aber da die **Diener** weit verständiger sind, als die Herrschaften gewöhnlich glauben, so ...* (ПТ – 3).

В русском языке устаревшее значение слова *человек* - `слуга`, поэтому есть две возможности интерпретации ИТ: *человек с человеком* как *слуга со слугой* или понимать словосочетание в прямом значении. Переводчик использует это двойное толкование, что приводит к передаче трехчленного повтора двучленным. Но при переводе (во всех ПТ) возникает еще один повтор: *Kammerdiener – Diener – Diener (Diensboten)*, которого нет в ИТ, где, во-первых, используется заимствованное слово, которое не может реализовать потенциал деривационного развития в другом языке (*камердинер* – пример лексикализации, не способной к развертыванию в русском языке); во-вторых, супплетивизм *человек – люди* снимает возможность повтора.

2.1.3.4. Субъективное неотражение

Иногда ЛДР не воспроизводится при переводе, несмотря на то, что объективные условия для его фиксации есть. Это дает основание говорить о роли фактора переводчика, который в силу субъективных причин пытается избежать повтора различными средствами: с помощью синонимов, опущения повторов, прономинализации, замены словом с более широким или узким значением.

Так, употребление синонимов *stören*, *belästigen*, *zur Last fallen* устраняет ЛДР:

A ne мешать вам я научусь и скоро пойму, потому что сам очень не люблю *мешать* (ИТ – 1);

Übrigens werde ich bald lernen, Sie nicht in Ihrer Arbeit zu stören, mit selbst ist nichts unangenehmer, als anderen zur Last fallen (ПТ – 1);

Und Sie nicht zu stören werde ich bald lernen, denn ich möchte niemand belästigen (ПТ – 2).

Субъективный характер неотражения ЛДР подчеркивает факт его передачи в одном из ПТ:

Aber Sie nicht stören, das werde ich schon lernen und bald begreifen, weil es mir selbst sehr zuwider ist, jemanden zu stören... (ПТ – 3).

Повтор может быть устранен:

Монашенка не монашенка, а еще пуще того (ИТ – 1).

В ПТ – 1 и ПТ – 2 данное предложение просто опущено. Возможность отражения ЛДР подтверждается его наличием в ПТ – 3:

Sie ist beinah eine Nonne, oder eigentlich noch schlimmer als eine Nonne (ПТ – 3);

To есть как это не понимать, как это не понимать... (ИТ – 1);

So gar kein Verständnis... (ПТ – 2).

В данном случае конструкция просто не повторена.

ЛДР может быть устранен за счет прономинализации:

– *Vom оnячь у нас смертной казни нет.*

- *A там казнят?* (ИТ – 1);

- *Bei uns gibt es auch keine Todesstrafe mehr*

- *Und dort gibt es sie noch?* (ПТ – 2).

Такой тип поведения переводчика соответствует ономасиологической модели построения вторичного текста. Субъективное неотражение ЛДР, когда переводчик сознательно или интуитивно устраняет

повтор при объективной возможности его передать, не является свидетельством абсолютной нефункциональности ряда, так как сам факт устранения повтора с целью, например, избежать тавтологии является значимым, но мы не имеем возможности зафиксировать функциональность ряда по текстовым показателям.

2.1.4. Внутритекстовые факторы, влияющие на функционирование лексико-деривационного ряда

2.1.4.1. Характер использования и степень отраженности при переводе

Учитывая модель построения текста и модель поведения переводчика, мы выделяем разные типы использования ЛДР в тексте (тем самым актуализируется до сих пор не задействованный в полной мере член антиномии *текстовое*) и наметившиеся при этом тенденции.

2.1.4.1.1. Экстенсивный характер использования

При экстенсивном насыщении текста повторами при наличии языковых средств (объективный фактор) в текстах, построенных по семасиологической модели (ПТ – 2 и ПТ – 3) ЛДР отражаются. В тексте, образованном по ономасиологической модели (ПТ-1), они опускаются.

Было уже около одиннадцати часов, когда князь позвонил в квартиру генерала. Генерал жил во втором этаже и занимал помещение по возможности скромное, хотя и пропорциональное своему значению (ИТ – 1);

Es war schon gegen elf Uhr, als der Fürst bei der Villa anlangte und von der Stellung des Generals angemessenen, jedoch keineswegs üppigen Wohnung im zweiten Stock die Klingel zog (ПТ – 1);

*“Es war schon gegen elf Uhr, als der Fürst an der Tür des **Generals** klingelte. **Der General** wohnte im ersten Stock und hatte seine Wohnung möglichst bescheiden, wenn auch seiner Stellung entsprechend eingerichtet (ПТ – 2);*

*Es war schon gegen elf Uhr, als der Fürst an der Wohnung **des Generals** klingelte. **Der General** wohnte im zweiten Stockwerk und hatte ziemlich bescheidene, wiewohl seinem Range entsprechende Wohnung (ПТ – 3).*

В случаях явной тавтологии повторы могут устраняться во всех типах текстов. Они не отражаются и в случаях механического соположения однокоренных слов (без текстовой детерминации):

*А что вы, князь, и **наукам** там **обучались**, у профессора-то? – спросил вдруг черномазый (ИТ – 1);*

Der Schwarzhaarige lenkte das Gespräch ab:

- *Sagen Sie, Fürst, haben Sie drüben, bei Ihrem Professor, auch sonst etwas gelernt? Ein wenig in die Wissenschaften hineingeduckt, meine ich? (ПТ – 1);*

- *Sagen Sie, Fürst, haben Sie dort auch wissenschaftliche Studien betrieben, bei dem Professor? - fragte der Schwarze plötzlich (ПТ – 2);*

- *Haben Sie dem dort auch Wissenschaften betrieben, Fürst, bei Ihrem Professor? fragte unvermittelt der Schwarzhaarige (ПТ – 3).*

В некоторых случаях заметна тенденция переводчика к устранению тавтологии с помощью замен (*Петербург – Hauptstadt ‘столица’ – Endziel ‘конечная цель’*):

*В конце ноября, в оттепель, часов в девять утра, поезд **Петербургско-Варшавской** железной дороги на всех парах подходил к **Петербургу** (ПТ – 1);*

In voller Fahrt näherte sich der Nachtzug Warschau-Petersburg der Hauptstadt. Es war ein später Novembertag...(ПТ – 1);

Ende November bei Tauwetter gegen neun Uhr morgens eilte der Eisenbahnzug Warschau-Petersburg mit Volldampf seinem Endziel entgegen (ПТ – 2).

Но подобное поведение переводчика не всегда оправдано. Ведь даже «в условиях, когда степень повторяемости в содержании единиц одного и того же синтагматического ряда превышает норму (например, когда последующий элемент не несет никакого нового содержания), коммуникативно значимым становится сам факт дублирования компонентов сообщения» [Киклевич, 1998, 118]. Поэтому экстенсивное использование ЛДР тоже очень значимо. В последнее время в лингвистике заговорили о суггестивности [Черепанова, 1995; Фатическое поле, 1998], в связи с этим можно заметить, что не даром терапевтические тексты строятся при помощи разного рода повторов.

Поэтому устранение при переводе такого использования ЛДР – лишь свидетельство тонкости экстенсивного мотива, к тому же в переводах, ориентированных на форму, повторы сохраняются:

*Он был как-то **рассеян**, что-то очень **рассеян**, чуть ли не встревожен, даже становился как-то странен: иной раз **слушал** и **не слушал**, **глядел** и **не глядел**, **смеялся** и подчас сам не знал и не понимал, чему **смеялся*** (ИТ – 1);

*Ziellos aus dem Fenster starrend, zusehens aufgeregter, zerstreuter, kaum bemerkend, was um ihn her vorging, wartete er offenbar mit Ungeduld auf die Beendigung der Reise. Mitunter **lachte** er auf – ein kurzes nervöses **Lachen**, dessen er sich gleichfalls kaum bewußt zu werden schien* (ПТ – 1);

Er schien zerstreut, sogar sehr zerstreut, um nicht zu sagen erregt; mitunter wurde sein Benehmen ganz seltsam: er schien zuzuhören und hörte nichts, er blickte starr vor sich hin und sah nichts, lachte und wußte selbst kaum, worüber er lachte (ПТ – 2);

Er war etwas zerstreut, sogar sehr zerstreut, beinah aufgereggt; ja er benahm sich einirgenmaßen sonderbar: manchmal hörte er zu, ohne recht zuzuhören, sah, ohne recht zu sehen, und lachte, ohne im nächsten Augenblick zu wissen und sich zu erinnern, worüber er eigentlich gelacht hatte (ПТ – 3).

ЛДР сохраняются, как правило, в текстах, построенных по семасиологической модели, при переводе актов синтаксической деривации (по Е. Куриловичу), в таких случаях сильна текстовая внутриязыковая детерминация лексических единиц:

Он отворил калитку молодому офицеру и толкнул его в ход; а тому даже и не толчка, а только разве одного взгляда надо было – не пропал бы даром! (ИТ – 1).

Er machte dem jungen Offizier das Tor auf und stieß ihn in den Gang hinein; doch bei diesem bedurfte es gar nicht erst eines Stoßes; ein einziger Blick genügte – er wäre nicht vergeblich gewesen (ПТ – 2);

Er öffnete dem jungen Offizier ein Türchen zu Karriere und gab ihm einen Stoß nach vorwärts; der aber hätte gar nicht einmal eines Stoßes, sondern nur eines einzigen Gnadenblickes bedurft – er wäre nicht zugrunde gegangen (ПТ – 3).

В тексте, построенном по ономасиологической модели, есть тенденция к устранению и такого вида повторов:

... und ihrem Manne die Tür zur Karriere geöffnet hatte, hatte es für den jungen Offizier nur dieses ersten leisen Anstoßes bedurft, um ihn auf der gewiesenen Bahn mit Sicherheit vorwärts zu treiben (ПТ – 1).

2.1.4.1.2. Интенсивный характер использования

Сильные сцепки, близкие к каламбуру, переводятся во всех типах ПТ:

Правда, человеку необходимы и карманные деньги, хотя бы некоторые, но вы не рассердитесь, князь, если я вам замечу, что вам лучше бы избегать карманных денег, да и вообще денег в кармане (ИТ – 1);

Allerdings braucht der Mensch auch sonst was/ ein bißchen Taschengeld, aber Sie werden mir nicht böse sein, Fürst, wenn ich nach dem Eindruck, den ich von Ihnen habe, Ihnen rate, damit recht vorsichtig umzugehen und jedenfalls so wenig Geld als möglich in der Tasche mit sich herumtragen! (ПТ – 1);

Allerdings hat der Mensch auch etwas Taschengeld nötig, aber ich bitte Sie, mir nicht zu zürnen, Fürst, wenn ich Ihnen sage, daß es für Sie besser ist, nicht zuviel Taschengeld und überhaupt Geld in der Tasche zu haben (ПТ – 2);

Allerdings braucht man auch Taschengeld, wenigstens etwas; aber nehmen Sie es mir nicht übel, Fürst, wenn ich Ihnen bemerke, daß Sie am besten tun, auf Taschengeld zu versichten, und überhaupt kein Geld in der Tasche bei sich führen (ПТ – 3).

Показателен тот факт, что в тексте, построенном по ономасиологической модели, ЛДР отражен частично: опущен так называемый «чистый» повтор и переведен лишь каламбур. Поэтому возможно, что перевод, протекающий по ономасиологической модели, представляет более значительный интерес для выявления степени функциональности ЛДР, «силы» эпидигмы. Он не доказывает значимости экстенсивного насыщения текста разного рода повторами, но на

фоне негативного отношения к явлениям, трактуемым как тавтология, сам факт отражения «сильных» эпидигм представляется существенным для доказательства разной степени функциональности ЛДР. Поэтому не удивительно, что некоторые сцепки отражены лишь в переводе, выполненном по ономаσιологической модели:

... Генеральша уже конечно захочет видеть старшего и единственного представителя своего рода, а она породу свою очень ценит (ИТ – 1);

Die Generalin wird den letzten, und ältesten Vertreter ihres Stammes gewiß gerne kennenlernen wollen. Wie ich gehört habe, ist sie sehr stolz auf ihre Abstammung? (ПТ – 1).

В текстах, построенных по семасиологической модели, данный ЛДР устранен:

Die Generalin wird sicher den Wunsch haben, den ältesten und einzigen Vertreter ihres Geschlechts kennenzulernen, denn sie legt, wie ich genau weiß, auf ihre Herkunft sehr großen Wert (ПТ – 2);

Die Generalin wird gewiß wünschen, den einzigen noch lebenden Repräsentanten ihres Geschlechts zu sehen; denn wie ich mit Bestimmtheit gehört habe, legt sie auf ihre Herkunft großen Wert (ПТ – 3).

Несмотря на сам факт наличия повтора в ПТ, нельзя говорить об их равноценности. Так, каламбур, основанный на столкновении двух значений, может быть передан при переводе лишь в его прямом (ПТ – 2) или переносном значении (ПТ – 1), в другом случае игра слов поясняется в примечании (что все же снижает коммуникативную значимость самого текста) (ПТ – 3):

- ... мне кажется, я последний. А что касается до отцов и дедов, то они у нас и однодворцами бывали. Отец мой был, впрочем, армии подпоручик, из юнкеров. Да вот не знаю, каким образом и генеральша

Епанчина очутилась тоже из княжон Мышкиных, тоже **последняя в своем роде...**

- Хе-хе-хе! **Последняя в своем роде!** Хе-хе! Как это вы оборотили, - захихикал чиновник (ИТ – 1);

- Ich glaube bestimmt zu wissen, daß ich **der letzte** meines Namens bin und es außer mir gar keine Fürsten Myschkin mehr gibt. Und was meinen Vater, der übrigens im Kadettekors erzogen und nachher Offizier war, sowie meinen Großvater betrifft, so haben sie ohnehin sehr zurückgezogen gelebt. Die Generalin Jepantschin aber ist jedenfalls eine Fürstin Myschkin, wenn ich auch nicht zu sagen wüßte, aus welcher Linie. Auch sie ist **die letzte in ihrer Art** .

-Hihhi! **'In ihrer Art'** ist ausgezeichnet! Bravo – gut gesagt (ПТ –1);

...ich glaube, ich bin **der letzte**. Und was die Väter und Großväter betrifft, so haben einige von ihnen auch nur Bauerngüter besessen. Mein Vater war übrigens Unterleutnant der Linie und hatte die Militärschule absolviert. Ich weiß auch nicht, wie es kommt, daß die Generalin Jepantschina ebenfalls eine Prinzessin Myschkina ist; sie ist auch **die letzte ihres Geschlechts...**

- Hahaha! **Die Letzte ihres Geschlechts!** Haha! Wie Sie das nett gesagt haben, - kicherte der Beamte(ПТ –2);

– ich glaube, ich bin **der letzte**. Und was meinen Vater und meinen Großvater anlangt, so besaßen die nur ein einziges Gut, auf dem sie zurückgezogen lebten. Mein Vater war übrigens Leutnant bei der Linie, vorher Fähnlich. Und nun weiß ich nicht, in welcher Weise die Generalin Jepantschina zu den Myschkischen Fürstentöchtern gehört; sie ist ebenfalls **die Letzte in ihrer Art...**

- Hahaha! **Die letzte in ihrer Art!** Haha! Wie Sie das gedreht haben, - kicherte der Beamte.

**Wortspiel. Der russische Ausdruck kann heißen: “Die Letzte ihres Geschlechts” oder “die Geringste von ihrer Sorte” (ПТ –3).*

Необходимость перевода данного ЛДР повышается из-за экспликации его роли в тексте (актуальной в первую очередь для слушающего, а не для говорящего):

Усмехнулся тоже и черномазый. Белокурый несколько удивился, что ему удалось сказать, довольно, впрочем, плохой каламбур.

- А представьте, я совсем не думая сказал, - пояснил он, наконец, в удивлении (ИТ – 1).

Таким образом, намечается тенденция к отражению при переводе «сильных» ЛДР во всех типах текстов (построенных по ономаσιологической и семасиологической моделям), что является свидетельством их коммуникативной значимости в тексте (раз переводятся, следовательно, актуальны для восприятия). Слабые сцепки передаются в текстах, построенных по семасиологической модели, при объективной возможности их фиксации.

Функционирование деривационного слова в художественном тексте – один из способов функционирования, при котором на первый план выдвигается эстетическая функция языка как одно из частных проявлений. При этом, конечно, выявляются авторское отношение к использованию дериватов и стилистические особенности их употребления.

Но мы полагаем, что регулярность и системность реализации деривационного потенциала слова может служить основанием для включения деривационного слова в более масштабный контекст. Ведь «искусство слова, красноречие, поэзия не существовали бы, если бы повседневное речевое общение не содержало эстетической и художественной энергий [Каган, 1990, 363]. В художественном произведении этот потенциал находит свое формально-эстетическое завершение. Актуализированный в тексте ЛДР может носить тропеический

характер, обусловленный самой языковой системой. Эта идея подтверждается формирующейся в современной лингвистике концепцией фатического поля языка. Так, Н. В. Манчинова на примере гипаллаги развивает мысль об языковой обусловленности тропов, «за счет чего преодолевается ограниченность их традиционной трактовки, которая сложилась в античности и доминировала до сер. XX в. Согласно традиции, тропы суть чуждые языку искусственные, шаблонные «украшения речи» [Манчинова, 1998, 7].

Теория фатического поля утверждает укорененность тропов в языке, подчеркивая в нем наличие творческого потенциала, который выражается в разных языковых явлениях. Так, креативность деривационного слова находит отражение в создании и функционировании ЛДР как формально-семантической единицы.

1.2.4.2. Текстовые условия реализации

В ходе исследования функциональности ЛДР в аспекте межъязыковой эквивалентности было выявлено отклонение от общего процента отражения по главам с сохранением корреляции в зависимости от модели построения текста. Так, глава 4 отличается наименьшим процентом отражения содержащихся в ней ЛДР (см. таблицу 1.1. Приложения), что предполагает необходимость поиска причин, объясняющих данный факт. Сравнительный анализ ЛДР, содержащихся в пяти главах не выявил их отличий в лексикоцентрическом аспекте, что позволяет предположить, что причины меньшей отраженности во вторичных текстах ЛДР главы 4 заложены в специфике их текстового функционирования в исходном тексте.

В ходе анализа было выяснено, что ослабление детерминации между членами ряда, меньшая их отраженность при переводе как

свидетельство меньшей функциональности были вызваны тем, что глава 4 представляет собой речь повествователя, речь автора, а главы 1, 2, 3 и 5 насыщены диалогами героев, изобилующих повторами, связанными с переспросами, то есть диалогической цитацией, усиливающей детерминацию членов ЛДР. Коммуникативная значимость ЛДР подобного типа способствует их большей отраженности при переводе:

- ... *Нельзя ли здесь где-нибудь **покурить**? У меня трубка и табак с собой.*

- ***По-ку-рить?** – с презрительным недоумением вскинул на него глаза камердинер, как бы все еще не веря ушам, - **покурить**? Нет, здесь вам нельзя **покурить**... (ИТ);*

*“Darf ich hier irgendwo **rauchen**? Pfeife und Tabak habe ich bei mir”.*

*“**Rau...chen?**” Ein vernichtender Blick traf den Frager. Den Kammerdiener traute seinen Ohren nicht. “**Rauchen** wollen Sie? Nein, hier wird nicht **geraucht!**” (ПТ-1);*

*“... Könnte ich hier nicht irgendwo **rauchen**? Ich habe Pfeife und Tabak mit”.*

*“**Rauchen?**” Der Kammerdiener sah ihn mit verächtlichem Befremden an, als traute er seinen Ohren nicht. “**Rauchen?** Nein, hier dürfen Sie nicht **rauchen**...” (ПТ-2);*

*“... Kann man hier nicht irgendwo **rauchen**? Eine Pfeife und Tabak habe ich bei mir”.*

*“**Rau-chen**” versetzte der Kammerdiener, ihn geringschätzig und erstaunt, als ob er seinen Ohren nicht traute. “**Rauchen?** Nein, hier können Sie nicht **rauchen**...” (ПТ-3).*

Как правило, ЛДР подобного типа носят характер так называемых чистых повторов, поэтому на их отражение в переводах не влияет системный фактор, связанный с объективной возможностью их передачи,

что является еще одной причиной их большей отраженности во вторичных текстах.

В процессе исследования были намечены некоторые другие условия реализации ЛДР в тексте, для анализа которых был собран дополнительный материал (внутриязыковой, межъязыковой прямой и обратный переводы отрывка романа Ф.М. Достоевского «Идиот», который рассматривается в исследовательских целях как самодостаточный текст (см. 2.2)).

2.2. Анализ лексических рядов на материале внутри- и межъязыковых прямых и обратных переводов

Привлечение в качестве материала исследования внутриязыковых переводов позволяет решить ряд задач:

1) уточнить в исследовательских целях само понятие ЛДР, выявить текстовые критерии его выделения, установить границы наличия/отсутствия детерминации членов ряда в пределах лексико-деривационного контекста;

2) рассмотреть возможности лексико-деривационного развития слова, представив текстовое лексико-деривационное поле в транслингвальном пространстве и выявив его ядро и периферию;

3) рассмотреть возможности развития текста в его лексико-деривационном аспекте, выявить текстовые суппозиции для реализации деривационного потенциала слова;

4) выявить текстовые детерминанты функционирования деривационного слова в тексте.

Привлечение в качестве источника лексико-деривационного материала обратных переводов (ОП) в сравнении с текстом, исходным для межъязыкового перевода позволяет:

- 1) рассмотреть ЛДР в более широком его понимании;
- 2) исследовать на лексико-derivационном уровне разные способы выражения содержания.

Выбор отрывка (см. Приложение 2.1.) обусловлен максимальным объемом данного лексико-derivационного контекста, максимальным количеством включенных в него лексических рядов (ЛР), максимальным процентом их отражения во ВТ (что является следствием нашей исходной гипотезы: если отражены, то функциональны) и относительной смысловой законченностью фрагмента, что позволяет использовать его в качестве текста для внутри- и межъязыковых переводов. Для решения первой задачи мы в качестве лексико-derivационного материала используем **все** ЛР, то есть все повторы (см. Приложение 3.1.), встречающиеся в тексте, независимо от наличия derivационно-детерминационной зависимости их членов, полагая, что сохранение повторов во вторичных текстах (см. Приложение 3.2.) и будет критерием ее установления.

Количественная характеристика: количество ЛР – 50, количество ВП – 90 (3 выборки по 30 ВП). В ходе сбора лексико-derivационного материала были вычленены отраженные во вторичных текстах ряды исходного текста, новые члены этих рядов, а также ЛР, появившиеся во вторичных текстах. В качестве иллюстрации приведем результаты исследования лексико-derivационного потенциала текста первой выборки (повторяемость выходов позволяет проецировать результаты на весь материал).

Лексико-derivационное функционирование можно изучать в двух аспектах: текстоцентрическом, но на лексико-derivационном уровне, и лексикоцентрическом. В первом случае исследование направлено на изучение текстовых инноваций при межтекстовой внутри- и межъязыковой деривации, при этом учитывается появление новых ЛР в

зависимости от развития основной темы текста, от компенсирующего появления синонимичных исходному тексту рядов, которые не отражены во вторичном тексте. Исследование в лексикоцентрическом аспекте ориентировано на изучение реализации деривационного потенциала слова, выявление новых членов ЛР. Частотность появления одних и тех же членов ЛР исходного текста, а также одних и тех же новых ЛР позволяет предположить, что в самом тексте заложен потенциал его развития на лексико-деривационном уровне, поэтому инновации любого типа мы рассматриваем как реализацию заложенного в тексте потенциала деривационного функционирования.

2.2.1. Результаты межъязыковой и внутриязыковой межтекстовой деривации

Анализ разных типов вторичных текстов показал изоморфизм деривационных процессов в текстах, полученных путем внутри- и межъязыкового переводов, который прослеживается на уровне текстового означающего в результате перестановки, осложнения, упрощения, замены, слияния (единицей анализа является единица соответствия), на уровне означаемого приводит к модификационным и мутационным инновациям.

В итоге можно говорить о выделении двух моделей построения вторичного текста – внутриязыкового перевода (ВП): ономаσιологической и семасиологической (см. таблицу 1.4.1. Приложения). В результате исследования было установлено, что 23,3 % ВП построено по ономаσιологической модели, 73,3 % ВП – семасиологической, 3,3 % ВП представляет смешанный тип, поскольку доминанта не была выявлена в

силу равного соотношения свойственных каждой модели признаков¹. Все ОП, ПТ-2 и ПТ-3 построены по семасиологической модели, ПТ-1 – по ономасиологической.

На лексико-деривационном уровне отличия семасиологической и ономасиологической моделей построения вторичных текстов разных типов заключаются в большей представленности лексических рядов исходного текста и в меньшем числе появившихся новых рядов в текстах, созданных в результате реализации первой модели, и, соответственно, в меньшей отраженности повторов исходного текста, но в большей привнесенности в текст новых лексических рядов в текстах, построенных по второй модели (см. таблицу 1.4.1. Приложения).

Отличия внутриязыкового перевода от межъязыкового заключаются в преобладании в первом результатов деривационного процесса упрощения, что объясняется прежде всего способом получения данного вида вторичного текста – изложения аудиального типа. Отличия обратного перевода заключаются в доминировании результатов деривационного процесса замены на уровне означающего, что объясняется асимметрией языкового знака (в данном случае стремлением означаемого получать новые означающие – явление синонимии, конфронтативной полисемии).

2.2.2. Внутритекстовые факторы, влияющие на функционирование лексических рядов

¹ Преобладание семасиологической модели построения вторичного текста объясняется способом получения материала анализа – школьные изложения, которые являются результатом многолетней работы по методике, направленной на копиальное воспроизведение исходного текста. Тексты, построенные по ономасиологической модели, в школьной практике квалифицируются как творческие.

Рассмотрим отрывок (см. 2.1. Приложения) как микротекст, все элементы которого находятся в отношениях взаимной детерминации.

При анализе отраженных во вторичных текстах повторов важно учитывать степень отражения. Для этого мы вводим в количественную характеристику дробные числа, числитель которых составляет число отражений членов ЛР в ВТ, знаменатель – количество членов ряда в ИТ. Таким образом, становится возможным вычисление коэффициента отраженности и определение значимости того или иного ЛР в ИТ в аспекте его внутриязыковой эквивалентности.

Исследуя все повторы исходного текста, мы видели свою задачу в выявлении отличий ЛДР от ЛР, от тавтологического повтора. Эти отличия заключаются в ослаблении детерминации между членами ряда, потому что деривационное функционирование слова имеет другую природу, нежели механический повтор. Полученный в ходе такого анализа материал представляет продуктивную базу для исследования непрерывного деривационно-мотивационного процесса в лексическом срезе текста.

В ходе исследования мы пришли к необходимости разграничения двух типов ЛР: лексического, тематического и вспомогательного (грамматического, усилительного (частицы, местоимения)). Последний, как правило, неразрывно связан с первым, но отличается от него, в первую очередь, по своей функции маркировать повтор. В силу этого повторы такого рода носят вспомогательный, служебный характер, они не являются самостоятельными, а повторяются лишь со знаменательными лексемами. При этом в область ЛП попадают служебные слова, их значимость подчеркивается тем обстоятельством, что их можно было в тексте избежать, ср. возможность замены *об этой муке и об этом ужасе* (ИТ-1) на **об этой муке и этом ужасе*;

что вот через час, потом через десять минут, потом через полминуты (ИТ-1) на **что вот через час, потом десять минут, потом полминуты; а он еще надеется, или бежит, или просит* (ИТ-1) на **а он еще надеется, бежит или просит*. Кроме того, возможно включение служебных слов в лексико-деривационные процессы (на текстовом уровне): *nicht – nicht - Vernichtung* (ПТ-1), а также переход слов, стоящих вне структуры предложения в его полноценные члены и наоборот, так *наверно* выступает в тексте как наречие (*знаешь наверно; это уж наверно; главное то, что наверно; отнимают наверно; прочтите наверно* (ИТ-1)); частица в функции вводного слова (*сильнее муки нет, наверное* (ВП-8)), существительное (*то самое ужасное наверно* (ОП1-1)). Доказательством значимости являются формальные маркеры: курсив в ИТ, особая пунктуация (*Скажите тому же самому солдату о его приговоре – наверно...*).

При этом следует различать повторы местоимений, выполняющих функцию замещения и приводящих к устранению ЛР, и повторы местоимений, выполняющих функцию указания, усиления. Ср.:

Подумайте: если, например, пытка; при этом (то есть при пытке) *страдания...* (ИТ-1);

Сильнее этой муки нет на свете... (ИТ-1).

В первом случае употребление местоимения позволяет избежать повтора, во втором случае местоимение маркирует один из членов ряда.

Поиск адекватной методики описания лексико-деривационного функционирования выявил неэффективность сплошного количественного анализа отражения ЛДР во вторичных текстах разных типов (см. неоднозначность результатов в таблице 1.3. Приложения) в силу причин лексико-деривационных (разные типы деривационно-детерминационных отношений между лексическими единицами) и

тексто-деривационных (разные типы деривационных отношений между текстами), но показал, что деривационное функционирование слова в тексте имеет свою специфику и определяется не только системными (идиоматичность, степени членимости и т.д.), но и текстовыми (типом речи (речь автора, речь персонажа), родо-жанровой, жанровой (монолог, диалог) принадлежностью текста, темой, способами достижения связности (семантический, формально-семантический, что во многом определяется моделью построения текста) и т.д.) характеристиками, и позволил выявить объективные и субъективные факторы, влияющие на деривационное функционирование слова в тексте в аспекте внутри- и межъязыковой эквивалентности. К первому типу относятся текстовые характеристики ЛР, такие как контактность/дистантность, наличие/отсутствие текстовых маркеров значимости членов ряда (последние признаки ведут к ослаблению детерминации), соотношение ЛР со смысло- и стилеобразующими средствами текста), и системные характеристики – наличие/отсутствие вариативности лексических и синтаксических единиц (первый признак может привести к устранению повтора, сам же факт его сохранения значим), в аспекте межъязыковой эквивалентности важно учитывать наличие/отсутствие единиц, способных вступить в отношения формально-семантического взаимодействия. В основе субъективного фактора лежат особенности деятельности носителей языка: негативное/позитивное отношение к повтору, признание его значимости при порождении/восприятии текста. Поставив задачу исследовать взаимодействие слова и текста, мы тем самым устранили, на первый взгляд, субъективный фактор, но его влияние опредмечивается, по нашему мнению, в модели построения вторичного текста (см. 2.1.) и разных редакциях созданного текста, поэтому учет данного обстоятельства значим для исследования деривационного функционирования слова в

тексте. Так, факт самоисправления подчеркивает текстовую функциональность ЛР, лексическую самоорганизацию – системную и текстовую (объективный фактор) и в то же время влияние носителя языка (в данном случае замена синонимом позволяет избежать повтора) – субъективный фактор:

*Убийство на основании приговора несравненно ужаснее **разбойного** убийства. Человек, убитый (**разбойниками** – зачеркнуто) грабителями...* (ОПЗ-1);

*Если того, кто совершил убийство, за это тоже убивать, то наказание **неизмеримо больше**, чем преступление. Убивать за убийство (**неизмеримо больший грех** – зачеркнуто) гораздо страшнее ...* (ОП2-6).

Подобные примеры показывают значимость ЛДР и для порождения, и для восприятия текста (создал текст с повтором – позиция порождения, заметил его и устранил – позиция восприятия, факт устранения выступает как опредмеченное восприятие, по которому мы можем судить о значимости ЛДР даже при негативном отношении к повтору).

Рассмотрим объективные текстовые факторы, влияющие на функционирование деривационного слова:

2.2.2.1. Наличие/отсутствие текстовых маркеров значимости лексических рядов

В качестве текстовых маркеров значимости ЛР используются частицы и местоимения:

***одними только** ранами*

***а ведь** главная, **самая** сильная боль, **может**, не в ранах*

*а вот что вот знаешь наверно
 что это уж наверно
 главное то, что наверно
 до самого последнего мгновения
 всю эту последнюю надежду
 вся ужасная мука
 сильнее этой муки
 еще все будет надеяться
 этому самому солдату
 такой человек
 вот такой человек
 об этой муке и об этом ужасе*

Количественная характеристика (см таблицу 1.3.3. Приложения) полученного в результате межтекстовой деривации лексико-деривационного материала показывает большую степень отраженности во вторичных текстах ЛР с текстовыми маркерами значимости. Кроме того, при учете степени отражения ЛР замечена тенденция большей отраженности тех членов ЛР, которые имеют при себе текстовый маркер значимости. Сами маркеры тоже включаются в непрерывный деривационно-мотивационный процесс, выделяя во вторичном тексте не маркированные в исходном текстовые элементы.

2.2.2.2. Соотношение лексических рядов с ключевыми словами

Под ключевыми словами мы понимаем смысло- и стилеобразующие средства текста.

Количественная характеристика полученных результатов показывает большую степень отражения тех ЛР, которые непосредственно

соотносятся с ключевыми словами¹, актуальным членением предложения.

Одной из причин появления во вторичных текстах новых, отсутствующих в исходном тексте, ЛР (см. 3.2.2. Приложения) является продление означаемого, которое составляет неразрывное единство с означающим и приводит к появлению ЛР, непосредственно связанных с темой текста. Часть ЛР такого рода является продлением и формы, и семантики и представляет собой реализацию деривационного потенциала тех слов, которые зафиксированы в исходном тексте: *пытка, боль, страшнее, преступление, спасись*; другие являются следствием продления лишь семантики: *казнь, судить, ожидание, жизнь*, третьи являются заменительными по отношению к ЛР исходного текста (продление семантики со сменой лексической формы): *страшный, страх* (вместо *ужасный, ужас*), *либо – либо* (вместо *или – или*).

Значимость данного фактора опредмечивается в большей отраженности ЛР, члены которых являются смысло- и стилеобразующими средствами текста, в появлении новых членов именно этих рядов, в появлении новых рядов, основанных на реализации деривационного потенциала слов, соотносимых с основной темой текста (см пункты 3.2.2. и 3.2.3. Приложения).

2.2.2.3. Контактность/дистантность употребления членов лексических рядов

Под контактном повтором понимается такой повтор, члены которого сопрягаются друг с другом в пределах одного-двух предложений,

¹ Результаты подтверждены данными, полученными при проведении изложения по данному тексту с применением методики ключевых слов.

при этом они непосредственно связаны друг с другом (сильна детерминация в пределах микроконтекста). Под дистантным повтором понимается такой повтор, члены которого непосредственно друг с другом не связаны, а детерминация членов ряда устанавливается в пределах всего текста в целом.

Данная характеристика оказывается неразрывно связанной с предыдущей, что позволяет рассматривать эти факторы текстового функционирования деривационного слова в сочетании друг с другом. Так, количественная характеристика полученных данных подтверждает большую степень детерминированности контактных повторов, что выражается в большей степени их отраженности во вторичных текстах. Дистантные же повторы сохраняются во вторичных текстах в зависимости от их коммуникативной значимости. Так, сохраняются те ЛР, которые непосредственно соотносятся со смыслообразующими и/или стилеобразующими средствами текста, ср. отражение повтора *наверно*. Повышение его коммуникативного ранга достигается во вторичных текстах за счет изменения синтаксической позиции и субстантивации наречия (а также употребления текстовых маркеров значимости): *это ужасное наверно*.

2.2.3. Лексико-деривационное функционирование в аспекте внутриязыковой эквивалентности

После того, как мы рассмотрели результаты реализации деривационного функционирования слова во вторичных текстах разных типов, становится возможным недифференцированное описание типов лексико-деривационного функционирования, так как очевиден изоморфизм

данных процессов во вторичных текстах разных типов (различия заключаются, в основном, в количественном соотношении результатов).

Исследуемые нами деривационно-детерминационные процессы приводят к результатам трех видов: семантическая деривация; формально-семантическая деривация; супплетивная деривация. Под семантической деривацией мы понимаем на лексическом микроуровне изменение в объеме значения, на лексическом макроуровне – развитие полисемии; под формально-семантической деривацией мы имеем в виду результат словообразовательных процессов в традиционном понимании (образование слова от слова, предполагающее формальную общность). Лексическая супплетивная деривация понимается нами широко, ее отличие от семантической деривации заключается прежде всего в маркированности формального изменения (теоретически даже при нулевой семантической инновации), отличие от формально-семантической деривации заключается в смене формы. Отсюда возможна трактовка межъязыковой синонимии как супплетивизма. Выделяются следующие типы супплетивных рядов: синонимический (страх – ужас); словообразовательный (собака – щенок); формообразовательный (человек – люди); тропеический, гиперо-гипонимический (розы – цветущее семейство).

Полученные в итоге ЛР представляют продуктивный материал для решения проблем деривационной лексикологии русского языка в лексикоцентрическом аспекте. Особый интерес в этой связи представляет лексико-деривационный материал, полученный из межъязыковых обратных переводов, так как в нем имеется богатый арсенал синонимических и вариативных средств. Так, значимый в тексте элемент *наверно* передается следующими

лексическими средствами (позиции в исходном и переводных текстах см. в пункте 2 Приложения):

наверно – наверно – наверно (курсив ИТ) – наверно (курсив ИТ) – наверно – наверно (курсив ИТ) (ИТ);

unwiderruflich – unwiderruflich – dies Moment des Unwiederruflichen – unwiderruflich – jenes furchtbare ‘Unwiderruflich!’ - unwiderruflich (ПТ-1);

наверно – в этом моменте – наверно – ужасное наверно – наверно – наверно (ОП1-1);

безвозвратно – именно этот момент необратимости – ужасающее «необратимо!» - о необратимом (ОП1-2);

осознание неизбежности конца – этой неизбежности – безвозвратно – осознанием неизбежности – это осознание – о неизбежном (ОП1-3);

окончательно – (безвозвратно – зачеркнуто) – окончательно – окончательности – окончательно – «окончательность» - окончательный (ОП1-4);

наверно – наверно – наверно – то самое ужасное наверно – наверно (ОП1-5);

безвозвратно – этот момент безвозвратности – безвозвратно – то ужасное безвозвратно – бесповоротно (ОП1-6);

(в конце концов) – окончательно – окончательно – именно момент бесповоротности – окончательно – (это страшное) «окончательно» - окончательный (ОП1-7);

совершенно точно – окончательно – именно этот момент окончательного – окончательно – (конечно) – «окончательно» - окончательный (ОП1-8);

(конечно) – (конечно) – точно – в этом моменте безвозвратности - окончательному – (то страшное) «окончательное!» - окончательный (ОП1-9);

окончательно – навсегда – именно этот момент безвозвратности – окончательно – это страшное «неотвратимое» - неотвратимое (ОП1-10);

mit Sicherheit – sicher ist - sicher ist (курсив ПТ-2) - mit Sicherheit (курсив ПТ-2) - mit Sicherheit - mit Sicherheit (курсив ПТ-2) (ПТ-2);

уверенность – неизбежно – неизбежность – обречен на смерть (ОП2-1);

точно – точно – точно – точно – абсолютно точно – точно (ОП2-2);

уверенностью – уверенность – эта уверенность – (уверен) – вместе с уверенностью - вместе с уверенностью - неизбежность смерти (ОП2-3);

навверняка – навверняка – навверняка – навверняка – навверняка (ОП2-4);

с уверенностью – уверенность – эта уверенность – о неизбежности смерти – приговорен к смерти (ОП2-5);

точно – не подлежит сомнению (навверняка – зачеркнуто) - не подлежит сомнению (навверняка – зачеркнуто) – смерть неизбежна – обрекающий его на смерть (ОП2-6);

навверняка – точно – точно – точно - с уверенностью - точно (ОП2-7);

совершенно точно – навверняка – наверно – с уверенностью – быть уверенным – без сомнений (ОП2-8);

уверенностью – навверняка – уверен – (уверен) – уверенность – невозможности избежать – определенно (ОП2-9);

точно – точно – точно – точно – совершенно точно – точно (ОП2-10);

genau – ganz genau – ganz sicher – diese absolute Gewißheit - ganz sicher – in der Gewißheit (ПТ-3);

точно – совершенно точно - совершенно точно – эта абсолютная уверенность – в этой уверенности – окончательный (ОП3-1);

точно – совершенно точно - совершенно точно – именно эта абсолютная уверенность – именно в уверенности – окончательный (ОПЗ-2);

точно – абсолютно точно – и так оно и есть – именно эта полная уверенность – уверенность – не подлежащий обжалованию (ОПЗ-3);

точно – совершенно точно – это так – именно эта абсолютная определенность – именно от этой определенности – окончательный (ОПЗ-4);

без сомнения – нет сомнения - без сомнения – осознание неизбежности (ОПЗ-5);

точно – совершенно точно – безусловно - эта абсолютная уверенность – и как раз в уверенности – неизменный (ОПЗ-6);

точно – абсолютно точно известно – совершенно точно – это так - несмотря ни на какие обстоятельства – однозначно ясно (известно) – безоговорочный (ОПЗ-7);

уверенность – уверенность – изменить невозможно (ОПЗ-8);

все известно – именно в этой уверенности – уверенность – неизменный (ОПЗ-9);

точно – совершенно точно - совершенно точно – эта абсолютная уверенность – в уверенности – не подлежит изменению (ОПЗ-10).

ЛР исходного текста передаются во вторичных текстах следующими типами ЛР:

- 1) тождественный лексико-деривационный;
- 2) заменительный лексико-деривационный (синонимический);
- 3) супплетивный;
- 4) нулевой.

Первые два типа ЛР являются формально-семантическими единицами и представляют собой доминанту ЛР в текстах, построенных по семасиологической модели, вторые два типа ЛР являются семантическими

единицами и представляют собой доминанту ЛР в текстах, построенных по ономаσιологической модели.

Анализ экспериментальных данных по созданию массового обратного перевода показал разный деривационный потенциал текстов, построенных по семасиологической и ономаσιологической моделям. Тексты, построенные по последней модели, обладают большей степенью креативности, о чем свидетельствует большая зона разброса и большая степень формальной, вернее формально-семантической, отдаленности (см. 3.2.2. Приложения). Но все это не является свидетельством неадекватности, неэквивалентности текстов, построенных по ономаσιологической модели.

2.3. Выводы

1. Деривационные процессы: перестановка, осложнение, упрощение, замена, слияние – приводят к двум типам текстовых инноваций на уровне означаемого: мутационным и модификационным. Мутационные инновации являются доминантой для текстов, построенных по ономаσιологической модели, модификационные – для текстов, построенных по семасиологической модели.

2. Семасиологическая и ономаσιологическая модели построения вторичного текста являются результатом различного соотношения означающего и означаемого под влиянием двух факторов: субъективного и/или объективного. Тексты, построенные по семасиологической модели, тяготеют к полюсу «объективное» и представляют собой тождественное исходному тексту соотношение означающего и означаемого. Тексты, построенные по ономаσιологической модели, тяготеют к полюсу «субъективное» и представляют собой новый тип соотношения означающего и означаемого, не детерминированного формой исходного

текста. Единство формы и содержания прослеживается в появлении инноваций и на уровне означаемого, не обусловленных исходным текстом.

3. Лексико-деривационный ряд – формально-семантическая единица, представляющая собой соотношение микроозначаемого и микроозначающего, по-разному функционирует в текстах, построенных по семасиологической и ономасиологической моделям, в силу разного рода соотношения на уровне макроозначаемого и макроозначающего.

4. Значимость для доказательства функциональности лексико-деривационного ряда отражения или устранения повтора во вторичном тексте является различной в зависимости от объективного или субъективного характера (влияние системного фактора и фактора переводчика). Так, объективное отражение и объективное неотражение на оси функциональности представляют собой нейтральные типы, в отличие от субъективного отражения, тяготеющего к полюсу «функциональное», и субъективного неотражения, тяготеющего к полюсу «нефункциональное».

5. Лексико-деривационные ряды обладают разной степенью функциональности в зависимости от экстенсивного и интенсивного характера их использования, что проявляется в аспекте межъязыковой эквивалентности в разной степени отраженности при переводе разных типов лексико-деривационных рядов в зависимости от модели построения вторичного текста. В тексте, построенном по ономасиологической модели, отражены преимущественно ряды с высокой степенью функциональности, в тексте, построенном по семасиологической модели, отражаются все типы рядов при объективной возможности их фиксации.

6. Текстовая функциональность лексико-деривационного ряда определяется типом речи исходного текста, наибольшей степенью функциональности обладает диалогическая цитация.

7. Функциональность деривационного слова обуславливается рядом объективных текстовых (контактность/дистантность членов ряда, наличие/отсутствие текстовых маркеров значимости, соотношение лексического ряда со смысло- и стилеобразующими средствами текста) и системных (наличие/отсутствие вариативности единиц, наличие/отсутствие средств, способных выступить в отношении взаимодействия) факторов.

8. Слово реализует свой потенциал деривационного развития во вторичных текстах при создании следующих типов лексических рядов: лексико-деривационного, синонимического, супплетивного, нулевого. Лексико-деривационный и синонимический ряды представляют собой доминанту текстов, построенных по семасиологической модели, супплетивный и нулевой – для текстов, построенных по ономасиологической модели.

Заключение

Поставив цель показать деривационное взаимодействие слова и текста, мы предположили, что лексическая деривация органически включается в общетекстовую. Для доказательства данной гипотезы разработана методика деривационного анализа, которая апробирована на лексическом и текстовом уровнях. Данные деривационной текстологии в аспекте внутри- и межъязыковой эквивалентности послужили фоном для исследования проблем деривационной лексикологии.

Логика исследования была такова: мы предположили, что если лексико-деривационные ряды функциональны, то они будут отражаться во вторичных текстах, в частности, межъязыковых и внутриязыковых переводах. Количественные подсчеты показали, что не существует абсолютного тождества текстов на лексико-деривационном уровне, что привело к необходимости анализа причин отклонения от исходной гипотезы.

В результате проведенного исследования были выявлены факторы, определяющие деривационное функционирование слова в тексте. По своей природе они восходят к общеязыковым антиномиям объективное – субъективное, системное – текстовое, означаемое – означающее.

По отношению к проблеме взаимодействия формы и содержания (соотношение означаемого и означающего) в аспекте межъязыковой и внутриязыковой эквивалентности выделяются две модели построения текста: ономаσιологическая и семасиологическая, возникшие под влиянием доминирующего субъективного или объективного

факторов. В текстах, построенных по данным моделям, слово реализует свой потенциал в создании разных типов лексических рядов. Это обстоятельство позволяет говорить о текстообразующей и текстообусловленной функции лексической деривации.

Деривационное функционирование слова во вторичном тексте обусловлено моделью поведения переводчика (объективное отражение/неотражение и субъективное отражение/неотражение), восходящей в своей основе к антиномии объективное – субъективное в ее соотношении с системным фактором.

Кроме того, деривационное функционирование слова в тексте определяется объективными текстовыми характеристиками исходного текста.

Все данные факторы взаимодействуют друг с другом, при этом их соотношение носит асимметрический характер, что объясняется прежде всего сложностью самого объекта. Но намечаются некоторые тенденции, в соответствии с которыми слабые сцепки сохраняются в текстах, построенных по семасиологической модели при объективной возможности их фиксации; в текстах, построенных по ономасиологической модели, они опускаются, как и случаи явной тавтологии. Сильные сцепки, близкие к каламбуру, сохраняются во всех видах текстов, что является доказательством их функциональности. Поэтому, возможно, перевод, построенный по ономасиологической модели, представляет большой интерес для выявления степени функциональности ЛДР, так как на фоне негативного отношения к явлениям, трактуемым как тавтология, сам факт отражения сильных сцепок представляется существенным.

В результате можно говорить о том, что деривационное функционирование слова в тексте определяется балансом детерминант, восходящим к перечисленным выше общеязыковым антиномиям.

В перспективе возможно комплексное многоаспектное описание деривационного слова, предполагающее рассмотрение реализации потенциала его функционирования не только в результате его формально-семантического развития, но и в результате вступления слова во все типы парадигматических отношений. Введение аспекта межъязыковой эквивалентности позволит описать специфику реализации деривационного потенциала слова в разных языках.

В рамках данной работы функционирование деривационного слова изучалось в художественном тексте на материале вторичных текстов двух типов: внутри- и межъязыкового перевода. Рассмотрение лексической деривации как включенной в текстопорождение требует расширения материала исследования для изучения функциональности деривационного слова в текстах, различных по родо-жанровой принадлежности для построения модели деривационного функционирования слова в тексте в рамках теории инварианта/вариантов. Такая постановка вопроса требует обращения к данным деривационной текстологии, развитие которой предполагает более детальную разработку типологии вторичных текстов, выявление их специфики.

Обращение к вторичным текстам может найти свое продолжение в лингводидактических исследованиях, в частности, в разработке методик обучения производству вторичных текстов (конспект, реферат, аннотация, изложение, перевод и т.д.), предполагающих

активизацию деривационного механизма. Выявление разных моделей построения текста под влиянием субъективного фактора позволяет обратиться к проблеме языковой личности, исследование типов которой необходимо для введения индивидуального подхода к обучению.

Проекция принципа деривации на разные уровни, планы и аспекты лингвистического объекта способствует дериватологическому описанию явлений русского языка и становлению концепции деривационной грамматики.

Литература:

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 368 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.1 Лексическая семантика. – М.: Школа «Языки русской культуры», «Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
3. Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1999. – т. 58. - № 4. – С. 39 – 53.
4. Арнольд И.В. Стилистика декодирования. – Л.: Изд-во ЛГПИ, 1974. – 76 с.
5. Арнольд И.В. Эквивалентность как лингвистическое понятие // Иностранные языки в школе. – 1976. – № 1. – С. 11 – 18.
6. Арутюнова Н.Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 50 – 64.
7. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1973. – т. 32. – № 1. – С. 84 – 89.
8. Алексеева С.В. Деривация текста и сбои в его образовании. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пермь, 1996. – 20 с.
9. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: ИЛ, 1955. – 416 с.
10. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
11. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 237 – 281.

12. Бауш К. – Р. Сравнительное языкознание, прикладная лингвистика и перевод // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 55 – 69.

13. Белошапкова В.А., Шмелева Т.В. Деривационная парадигма предложения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. – 1981. – № 2. – С. 43 – 51.

14. Бенвенист Э. Синтаксические основы именованного сложения // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: «Прогресс», 1974. – С. 241 – 256.

15. Береговская Э.М. К теории фигур: семантико-функциональная характеристика хиазма // Известия АН СССР. – Сер. литературы и языка. – 1984. - № 3. – С. 227 – 237.

16. Бережан С.Г. Онтологический статус семантики языка и ее единиц // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. – Кишинев: «Штиинца», 1982. – С. 58 – 66.

17. Беркетова З.В. Непрерывность семантического пространства в лексике современного немецкого языка. – Барнаул: Изд-во Барнаульского госпедуниверситета, 1996. – 332 с.

18. Бибихин В.В. Опыт сравнения разных переводов одного текста // Тетради переводчика. – Вып. 13. – М.: Международные отношения, 1976. – С. 37 – 47.

19. Блинова И.В. Методика сопоставительного ономазиологического исследования // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 53 – 55.

20. Блинова О.И. Методы мотивологических исследований // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 4 – 6.

21. Блинова О.И. Сопоставительная мотивология // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. Семантика и функционирование. Ч.1. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – С. 17 – 24.

22. Блинова О.И. Сопоставительный анализ явления мотивации слов в литературном языке и диалекте // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 242 – 246.
23. Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Учеб. пособие. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. – 191 с.
24. Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 122 – 126.
25. Блюменау Д.И. Проблемы свертывания научной информации. – Л.: Наука, 1982. – 166 с.
26. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.
27. Бокадорова Н.Ю. Универсальные грамматики // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 536 – 537.
28. Бринев К.И. О взаимоотношении структурно-семантического и функционального аспектов в исследовании языка (к описанию свойств внутренней формы слова) // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 108 – 109.
29. Буров А.А. Вставные конструкции в прозе Ф.М. Достоевского // Русская речь. – 1981. - № 5. – С. 31 – 34.
30. Ванников Ю.В. Проблемы адекватности перевода. Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод. – М.: Наука, 1988. – С. 34 – 39.
31. Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. – Киев: Наук. Думка. – 1988. – 240 с.
32. Велединская С.Б. Проблемы интерпретации лексической мотивации в художественном тексте. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 1997. – 20 с.

33. Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 255 с.
34. Виноградов В.В. О формах слова // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 33 – 50.
35. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 172 с.
36. Виноградов В.С. О специфике художественного перевода и его теории // Филологические науки. – 1978. – № 5. – С. 51 – 57.
37. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М.: Наука, 1984. – 184 с.
38. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высш. шк., 1986. – 416 с.
39. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1956. – 519 с.
40. Гавенко А.С. Вторичный текст как факт художественной коммуникации // Человек – коммуникация – текст. Вып. 4. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 227 – 239.
41. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
42. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5 – 17.
43. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М.: Просвещение, 1983. – 287 с.
44. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). – М.: «Международные отношения», 1977. – 264 с.

45. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
46. Галеева Н.Л. Основы деятельностной теории перевода. – Тверь: Изд-во Тверск. ун-та, 1997. – 80 с.
47. Гальперин И.Д. Гносеологический аспект двуязычных словарей и проблемы контрастивной лексикографии // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1982. – т. 41. – Вып. 6. – С. 551 – 560.
48. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: «Новое литературное обозрение», 1996. – 352 с.
49. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. – М.: Наука, 1979. – 264 с.
50. Глушак Т.С., Черкас М.А., Голикова Н.Н. Номинативный потенциал субстантивного композита в немецком языке // Номинация и словообразование (немецкий язык). – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1989. – С. 20 – 26.
51. Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – 148 с.
52. Голев Н.Д. Антропологическая и собственно лингвистическая детерминанты речезыковой динамики (процессы номинации и деривации в лексике) // Лексика, грамматика, текст в свете антрополингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – С. 7 – 8.
53. Голев Н.Д. Варьирование деривативных контекстов как способ выявления и изучения потенциала деривационного функционирования слова // Явление вариативности в языке. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – С. 83 – 85.
54. Голев Н.Д. Деривационное развитие слова в русском тексте (на материале лексико-деривационного поля слова «перестройка») // Явление вариативности в языке. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 95 – 106.

55. Голев Н.Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации: инварианты и варианты // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 65 – 84.

56. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. – 252 с.

57. Голев Н.Д. К основаниям деривационной лексикологии русского языка: лексико-деривационные контексты как форма проявления деривационной энергетики слова в тексте (проблемы, задачи, перспективы) // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 13 – 33.

58. Голев Н.Д. Лексико-деривационное пространство русского текста: структура, семантика, прагматика // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – С. 24 – 33.

59. Голев Н.Д. Логический анализ синхронной типологии русских словообразовательных формантов // Семантико-стилистические параметры исследования слова и предложения. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – С. 13 – 29.

60. Голев Н.Д. Структура внутренней речи в рассказах В.М. Шукшина (к проблеме взаимодействия разных типов речи в ментальных контекстах) // Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен. – Барнаул, Изд-во Алт. ун-та, 1997. – С. 61-85.

61. Голев Н.Д. Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте ее взаимодействия с языковым сознанием // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Вып. 2. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1998. – С. 9 – 20.

62. Голев Н.Д. Эпидигматика и деривационные процессы в речи (детерминационный аспект) // Проблемы деривации в системе языка и в

речевой деятельности: Синхронное словообразование и номинация. – М.: Типогр. Перм. ун-та, 1995. – С. 19 – 28.

63. Горбачевский А.А. Семантика производного слова и ее отражение в переводе с близкородственных языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 134 – 138.

64. Граник Г.Г., Самсонова А.Н. Роль установки в процессе восприятия текста // Вопросы психологии. – 1993. - № 2. – С. 72 – 79.

65. Гудавичюс А.Й. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. – Вильнюс: Мокслас, 1985. – 175 с.

66. Гузь М.Н. Интертекстуальные связи базисного текста и текста пародии: (на материале немецкой прозаической пародии). – Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – СПб., 1997. – 20 с.

67. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию – М.: «Прогресс», 1984. – 400 с.

68. Гусар Е.Г. Роль суппозитивного фактора в деривации означаемого лексической единицы текста (на материале современного русского языка). – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1995. – 20 с.

69. Джанжакова Е.В. О поэтике заглавий // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 207 – 214.

70. Дмитренко В.А. Максимальность в переводе // Тетради переводчика. – Вып. 11. – М.: Международные отношения, 1974. – С. 22 – 30.

71. Доронина Н.И. Условия реализации деривационного потенциала слов русского языка (на материале деривационно-ассоциативного эксперимента). – Дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1999. – 247 с.

72. Дубина Л.В. Особенности функционирования мотивационно связанных слов в поэтическом тексте (функциональные типы мотивации) // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. – Ч.1. – Бийск: НИЦБиГПИ, 1998. – С. 165 –168.

73. Дубина Л.В. Функции мотивации в поэтическом тексте (сопоставительный аспект) // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 113 – 114.

74. Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. – Х.: Основа, 1990. – 184 с.

75. Езолка И.А. Семантика лексической единицы в словаре и синонимический ряд // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. – Кишинев: «Штиинца», 1982. – С. 136 – 140.

76. Ерчак Н.Т. Особенности понимания художественного текста взрослыми и детьми // Вопросы психологии. – 1994. - № 3. – С. 82 – 87.

77. Жарких Е.Ю. Словообразовательные характеристики лексических единиц и проблема эквивалентности при переводе // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – с. 156 – 165.

78. Жерина Е.И. Информативные возможности «Мотивационного словаря литературного языка и диалекта: имена существительные» // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 114 – 116.

79. Жилин И.М. Использование синонимии и вариативности языковых средств при переводе // Тетради переводчика. – Вып. 11. – М.: Международные отношения, 1974. – С. 40 – 53.

80. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. – 1964. - № 6. – С. 26 – 38.

81. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М: Наука, 1982. – 159 с.
82. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 382 с.
83. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
84. Земская Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М.: Наука, 1996. – С. 157 – 158.
85. Зиганов М.А. Как повысить культуру чтения или как сделать чтение приятным. – М.: Школа рационального чтения. – 1996. – 173 с.
86. Зубкова Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. – М.: Изд-во РУДН, 1999. – 237 с.
87. Зыцарь Ю.В. О единстве сознания и различиях языков // Вопросы языкознания. – 1984. - № 4. – С. 23 – 32.
88. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. – М.: Наука, 1979. – 287 с.
89. Ивасюк О.Я. Некоторые аспекты деривации стихотворного перевода // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1991. – С. 88.
90. Иовенко В.А. Основы концепции детерминации в переводе (На материале испанско-русских и русско-испанских переводов). – Автореф. дисс. ...д-ра филол. наук. – М., 1992. – 35 с.
91. История лингвистических учений. Древний мир. – Ленинград: «Наука», 1980. – 260 с.
92. Каган М. С. Жизнь слова в культуре. Опыт системного изучения проблемы // Res philologica. Филологические исследования памяти академика Г. В. Степанова. – М., Л.: Наука, 1990. – С. 356 – 369.

93. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 69 – 90.

94. Казакова Т.А. Слово в словаре и художественном тексте как проблема перевода // Слово в словаре, семантическом континууме и тексте. – Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1990. – С. 12 – 18.

95. Карпухина В.Н. Аксиологические стратегии текстопорождения и интерпретации текста (на материале стихотворений Р.Киплинга и их переводов на русский язык). – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2001. – 18 с.

96. Качесова И.Ю. Синтаксическая композиция текстов рассказов и киносценариев В.М. Шукшина: трансформационный аспект. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998. – 21 с.

97. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.

98. Киклевич А. К., Потехина Е. А. О суггестивной функции текста // Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – С. 114 – 127.

99. Кларк Л. Техника быстрого чтения. – МН.: Парадокс, 1999. – 152 с.

100. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата. – Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 1999. – 42 с.

101. Козлова И.Е. О степени мотивированности языкового знака в русском и французском языках // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 116 – 118.

102. Козыренко Л.В. Художественный пересказ как метатекстовый жанр // Виноградовские чтения. – Тобольск: ТГПИ, 2001. – С. 164 – 165.

103. Комиссаров В.Н. Перевод в аспекте корреляции "язык – речь" // Вопросы общей теории перевода. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1978. – С. 5 – 13.
104. Комиссаров В.Н. Перевод как объект лингвистического исследования (Вступительная статья) // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 3 – 15.
105. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. – М.: Международные отношения, 1973. – 216 с.
106. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
107. Комиссаров В.Н., Туровер Г.Я. Перевод как лингвистический источник // Тетради переводчика. Вып. XII. – М.: «Международные отношения», 1975. – С. 19 – 31.
108. Коротаева Е.В., Сутырина Т.А. Техника активного чтения // Русский язык в школе. – 2000. - № 1. – С. 12 – 17.
109. Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 63 – 81.
110. Которова Е.Г. Понятие межъязыковой эквивалентности в семантических теориях. – Томск: Изд-во Томского гос. педуниверситета, 1997. – 93 с.
111. Кречетова И.Ю. Языковая личность переводчика как интерпретатора текста // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2001. – С. 57 – 58.
112. Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика. – М.: Международные отношения, 1976. – 192 с.
113. Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия. // Вопросы языкознания. – № 5. – С. 64 – 76.

114. Кубрякова Е.С. Динамическое представление синхронной системы языка // Гипотеза в современной лингвистике. – М.: Наука, 1980. – С. 217 – 161.

115. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты процессов деривации // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – С. 45 – 51.

116. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: «Наука», 1986. – 150 с.

117. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия АН. Серия литературы и языка. – Т. 53. - № 2. – 1994. – С. 3 – 15.

118. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.

119. Кузнецов О.А., Хромов Л.Н. Техника быстрого чтения. – М.: «Книга», 1977. – 192 с.

120. Кузьмин С. С. Смех как переводческая проблема (На примере фразеологизмов) // Тетради переводчика. - Вып. 13. - М.: Международные отношения, 1975. – С. 47 – 58.

121. Кузьмин Ю.Г. Перевод как мыслительно-речевая деятельность (к вопросу об общей теории перевода) // Тетради переводчика. – Вып. 12.- М.: Международные отношения, 1975. – С. 3 – 19.

122. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 268 с.

123. Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во Иностран. лит., 1962. – 456 с.

124. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

125. Кшешовский Т.П. Эквивалентность, конгруэнтность и глубинная структура // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 327 – 340.

126. Кэтфорд Джон К. Лингвистическая теория перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 91 – 114.

127. Ладанов И.Д., Розанова В.А. Техника быстрого чтения. – М.: ЗАО «Бизнес-школа» Интел-Синтез», 1998. – 144 с.

128. Лазарева Э.А. Дискурс массовых коммуникаций: проблемы интертекстуальности // Человек – коммуникация – текст. Вып. 4. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 74 – 86.

129. Лазуткина Е.М. Деривация // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. – С. 110 – 111.

130. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). – М.: Высш.шк., 1978. – 327 с.

131. Латышев Л. К. Курс перевода. Эквивалентность перевода и способы ее достижения. – М.: Международные отношения, 1981. – 248 с.

132. Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. – М.: Просвещение, 1988. – 160 с.

133. Латышев Л.К. Разноязычные тексты как объект отождествления в переводе // Текст и перевод. – М.: Наука, 1988. – С. 24 – 34.

134. Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Актуализация и перевод // Тетради переводчика. – Вып. 14. – М.: Международные отношения, 1977. – С. 22 – 35.

135. Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Обновление фразеологических единиц и передача этого приема в переводе // Тетради переводчика. – Вып. 5. – М.: Международные отношения, 1968. – С. 43 – 52.

136. Левицкий Ю.А. О типах синтаксических преобразований // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1991. – С. 37 – 39.

137. Литвинова М.Н. Перевод и семантическая деривация // Деривация и семантика: слово – предложение – текст. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1986. – С. 107 – 112.

138. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. – М.: Наука, 1977. – 313 с.

139. Лотман Ю.М. Семиосфера. – С.-Петербург: «Искусство. СПб», 2000. – 704 с.

140. Лошаков А.Г. О семантической деривации пародийного текста // Проблемы культуры, языка, воспитания. Вып. 3. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. университета, 1998. – С. 26 – 33.

141. Лурия А.Р. Язык и сознание. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1998. – 416 с.

142. Лыкова Н.А. Континуальное и дискретное в языке // Филологические науки. – 1999. - № 6. – С. 54 – 62.

143. Лысякова М.В. Теоретические основы анализа разноуровневых средств функционально-семантических полей русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М: Изд-во МГУ, 2001. – С. 7 – 8.

144. Любимов Н.М. Перевод – искусство. – М.: Сов. Россия, 1982. – 128 с.

145. Майданова Л.М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек – текст – культура. – Екатеринбург: Институт развития регионального образования, 1994. – С. 81 – 104.

146. Макаревич Е.В. Прецедентные текстовые реминисценции как одна из языковых форм выражения национальных социокультурных

стереотипов речевого общения // Человек – коммуникация – текст. Вып. 2. Ч. 2. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С.20 –22.

147. Маковский М.М. Соотношение необходимости и свободы в лексико-семантических преобразованиях // Вопросы языкознания. – 1977. - № 3. – С. 55 – 72.

148. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. – М.: Высш. шк., 1989. – 200 с.

149. Манучарян Р.С. Словообразовательные значения и формы выражения в русском и армянском языках. – Ереван: Луйс, 1981. – 315 с.

150. Манчинова Н.В. Деривация и функционирование гипаллаги в поэтическом тексте. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пермь, 1998. – 19 с.

151. Маркелова Е.В. Типы текстов-комментариев // Человек-коммуникация – текст. – Вып. 2. Ч. 2. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 20 – 22.

152. Мартыанова И.А. Диалектика свертывания/развертывания текста первоисточника в тексте киносценария // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1991. – С. 178 – 179.

153. Меншутина О.Н. Идеино-художественное осмысление некоторых повторов в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Русская речь. – 1982. - № 3. – С. 47 – 51.

154. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. – М.: МГУ, 1980. – 296 с.

155. Милославский И.Г. О предмете сопоставительного словообразования // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 58 – 62.

156. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980. – 237 с.

157. Михайлова С.Ю., Нефедова Р.М. Конспекты, рефераты, изложения. – М.: ЮНВЕС, 1998. – 256 с.

158. Морковкин В.В. Язык, мышление и сознание // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. – С. 663 – 666.

159. Морозов А.В. Деривационное развитие глаголов русского языка в аспекте межъязыкового взаимодействия // Интерпретация коммуникационного процесса: межпредметный подход. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2001. – С. 77 – 83.

160. Морозов М.И. Природа интуиции. – Минск, 1990. – 140 с.

161. Мурзин Л.Н. Лингвистическое моделирование и деривация в речевой деятельности // Деривация в речевой деятельности. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1990. – С. 4 – 10.

162. Мурзин Л.Н. Об основаниях деривационной грамматики // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1991. – С. 37 – 39.

163. Мурзин Л.Н. О деривационных механизмах текстообразования // Теоретические аспекты деривации. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1982.

164. Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984. – 56 с.

165. Мурзин Л.Н. Принцип деривации и деривационная грамматика // Очерки по лингвистической детерминалогии и дериватологии русского языка. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 238 – 248.

166. Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974. – 170 с.

167. Мурзин Л.Н. Язык, текст и культура // Человек – текст – культура. – Екатеринбург: Институт развития регионального образования, 1994. – С. 160 – 169.

168. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.

169. Мышкина Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1991. – 212 с.

170. Найда Юджин А. К науке переводить // Вопросы перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 114 – 137.

171. Наумов В.Г. Перспективы развития мотивологии как лексикологической дисциплины // Человек – коммуникация – текст. Вып. 2. Ч. 2. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 48 – 49.

172. Нерознак В.П. Метод сравнения в синхронном языкознании (К основаниям лингвистической компаративистики) // Известия АН СССР. – Серия литературы и языка. – 1986. – Т. 45. – № 5. – С. 402 – 412.

173. Никифоров А.Л. Семантическая концепция понимания // Загадка человеческого понимания. – М.: Политиздат, 1991. – 351 с.

174. Новиков Л.А. Диалектика мысли, характера и слова в «Двойнике» Ф.М. Достоевского // Русская речь. – 1981. - № 5. – С. 22 – 30.

175. Новикова М.Ю. Деривационные отношения между оригинальным художественным текстом и его переводом на другой язык // Принцип деривации в истории языка и современной лингвистики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1991. – С. 103 – 104.

176. Оболенская Ю.Л. Каламбуры в произведениях Ф.М. Достоевского и их перевод на испанский язык // Тетради переводчика. – Вып. 17. – М.: Международные отношения, 1980. – С. 48 – 61.

177. Оболенская Ю.Л. Противостояние переводческих позиций в двух лучших переводах романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вопросы иберо-романской филологии. – Вып. 3. – М.: Диалог – МГУ, 1998. – С. 45 – 51.

178. Одинцов В.В. Стилистический анализ авторедактирования писателей // Вопросы языкознания. – 1973. – № 2. – С. 80 – 86.

179. Онхайзер И. О соотношении словообразовательных и грамматических категорий (на материале сопоставительного анализа русского и немецкого языков) // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 215 – 222.

180. Панова И.И. Лингвистика русского гипертекста // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 15 - 16

181. Панченко Е.И. Сжатый текст: текст современности и будущего // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 286 – 287.

182. Парнюк М.А. Концепция детерминизма в диалектическом материализме // Современный детерминизм и наука. – Т. 1. Общие проблемы детерминизма. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 5 – 34.

183. Пересыпкина О.Н. Мотивационные ассоциации лексических единиц русского языка (лексикографический и теоретический аспекты). – Дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1998. – 298 с.

184. Пинягин Ю.Н. Деривационная теория и перевод // Деривация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1988. – С. 25 – 26.

185. Пинягин Ю.Н. Переводческие аспекты сопоставительного изучения лексики // Переводческие аспекты сопоставительных исследований. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1988. – С. 4 – 12.

186. Плотников Б.А. О форме и содержании в языке. – М.: Высш. шк., 1989. – 254 с.

187. Плясунова С.Ф. Экспликация атрибутивной деривации в тексте (на материале русского и немецкого языков). – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пермь, 1992. – 19 с.

188. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М.: «Искусство», 1976. – 614 с.
189. Почепцов Г.Г. О сохранении индивидуального своеобразия подлинника при переводе // Тетради переводчика. – Вып. 4. – М.: Международные отношения, 1967. – С. 94 – 101.
190. Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 202 – 228.
191. Райхштейн А. О переводе устойчивых фраз // Тетради переводчика. – Вып. 5. – М.: Международные отношения, 1969. – С. 29 – 43.
192. Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. К обоснованию лингвистической теории перевода // Вопросы языкознания. – 1962. - № 1. – С. 51 – 59.
193. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 219 с.
194. Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. – М: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 280 с.
195. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. - М.: «Международные отношения», 1974. – 216 с.
196. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 194 с.
197. Россомагина Н.И. Исследование перевода как вторичного порождения текста (на материале англо-русских переводов). – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1987. – 16 с.
198. Россомагина Н.И. Перевод как вторичное порождение текста // Деривация и семантика: слово – предложение – текст. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1986. – С. 98 – 107.

199. Руднев В. Обоснование перевода // Винни Пух и философия обыденного языка. Алан Милн. Winni Пух. Дом в Медвежьем Углу. – М.: Аграф, 2000. – С. 49 – 56.

200. Савченко Л.И. Повторы как стилистический прием художественной прозы (на материале произведений Ф.М. Достоевского) // Проблемы теории и методики языка. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1980. – С. 19 – 57.

201. Семантическая специфика национальных языковых систем. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 164 с.

202. Сепир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике: Выпуск 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 43 – 78.

203. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: «Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.

204. Скаредова С.В. Внутренняя форма слова и языковое сознание // Человек – коммуникация – текст. Вып. 2. Ч. 2. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 14.

205. Соболева П.А. Асимметрия словообразовательных процессов и словообразовательных отношений // Проблемы структурной лингвистики. 1979. – М.: Наука, 1981. – С. 17 – 32.

206. Сопочкина Г.А. Система передачи чужой речи: интегрирующий подход (к постановке проблемы) // Проблемы культуры, языка, воспитания. Вып. 3. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. университета, 1998. – С. 56 – 62.

207. Степанова В.В. Обусловленность функционирования слов в тексте // Семантические и эстетические модификации слов в тексте. – Л., 1988. – С. 3 – 10.

208. Степанова М.Д. «Словообразование, ориентированное на содержание» и некоторые вопросы анализа лексики // Вопросы языкознания. – 1966. - № 6. – 48 – 60.

209. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. – М.: Высш. шк., 1984. – 264 с.
210. Сунцова Н.Л. Лингвистическая модель порождения вторичного текста. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 22 с.
211. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995 - № 6. – С. 17 – 29.
212. Толкунова Е.Г. О влиянии эмоционального фактора на речевую актуализацию морфем // Текст: структура и функционирование. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 85 – 90.
213. Трофимов М.И. Об аналогии между языком и стенографией // Проблемы структурной лингвистики. 1967. – М.: Наука, 1968. – С. 126 – 135.
214. Трубникова Ю.В. Деривационное функционирование лексических единиц текста (на материале современного русского языка). – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1997. – 20 с.
215. Тубалова И.В. Показания языкового сознания как лингвистический источник изучения явления мотивации слов. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 1995. – 18 с.
216. Тункель В.Д. Прием и последующая передача речевого сообщения // Вопросы психологии – 1964. - № 4. – С. 106 – 114.
217. Турзин П.С., Пономаренко В.А., Рысакова-Ромашкан С.Л. Уровни понимания информации и структура коммуникативного акта // Психологический журнал. – Т. 13. – 1992. - № 1. – С. 30 – 39.
218. Уржа А.В. Образ автора и образ переводчика как композиционная категория художественного переводного текста // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 289 – 290.

219. Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия АН РАН. Серия литературы и языка. – М., 1997. – Т. 56. – № 5. – С. 12 – 21.

220. Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия АН РАН. – Серия литературы и языка. – 1998. – Т. 57. - № 5. – С. 25 – 38.

221. Фатическое поле языка. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 225 с.

222. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – М.: Высш. шк., 1983. – 303 с.

223. Ферс Р. Джон Лингвистический анализ и перевод // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 25 – 35.

224. Флорин С. Муки переводческие: Практика перевода. – М.: Высш. шк., 1983. – 183 с.

225. Хазова О.Н. Деривационные отношения и другие виды синтаксических отношений между простыми предложениями в русском языке // Деривация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1988. – С. 160 – 161.

226. Храковский В.С. Деривационные отношения в синтаксисе // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М.: Наука, 1969. – С. 138 – 147.

227. Храковский В.С. Деривационный синтаксис и его исходные единицы // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1991. – С. 47 – 49.

228. Хэллидей Майкл А.К. Сопоставление языков // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 42 – 54.

229. Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Начала суггестивной лингвистики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995.

230. Чернышова Т.В. Понимание текста: внеязыковые (психофизиологические) и собственно языковые (коммуникативные) факторы // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 108 – 117.

231. Чинчлей Г.С. Очерки по деривации в современном французском языке. – Кишинев: «Штиинца», 1991. – 120 с.

232. Чинчлей Г.С. Эпидигматические отношения как основа коннотации // Дериватология и динамика в романских и германских языках. – Кишинев: «Штиинца», 1989. – С. 101 – 107.

233. Чирков Н.М. О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. – М.: Наука, 1967. – 303 с.

234. Чичерин А.В. Поэтический строй языка в романах Достоевского. – М.: Наука, 1965. – 195 с.

235. Чувакин А.А. Гнездо родственных текстов: интерпретационный уровень // Текст: варианты интерпретации. – Бийск: НИЦ БиГПУ, 1999. – С. 6 – 7.

236. Чувакин А.А. Заметки об объекте современной филологии // Человек – коммуникация – текст. Вып. 3. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 3 – 10.

237. Чувакин А.А. Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодериватологии) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 23 – 24.

238. Чувакин А.А., Бровкина Ю.Ю., Волкова Н.А., Никонова Т.Н. К проблематике деривационной текстологии // Человек – коммуникация – текст. Вып. 4. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 5 – 28.

239. Чукалина Н.В. Семантико-фразеологические особенности русского глагола идти в сопоставлении с немецким gehen. Дисс. канд. филол. наук. – Новосибирск, 2001. – 175 с.

240. Шведова Н.Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове // Слово в грамматике и в словаре. – М.: Наука, 1984. – С. 7 – 15.

241. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. Газетно-информационный и военно-публицистический перевод. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.

242. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

243. Швейцер А.Д. Эквивалентность и адекватность перевода // Тетради переводчика. – Вып. 23. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 31 – 39.

244. Шелепова Л.И. О языковой обусловленности лексических замен в Прологе // Детерминационный аспект функционирования значимых единиц языка: языковые и неязыковые факторы. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 107 – 113.

245. Ширинкина М.А. Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности. – Автореф. дисс. ... канд. филол наук. – Пермь, 2001. – 19 с.

246. Шкуропацкая М.Г. Идиоматичность в отношении к спецификации и деривационному слову // Язык. Культура. Образование. – Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2001. – С. 154 – 158.

247. Шлейермахер Ф. О разных методах перевода // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2000. – № 2. – С.127 – 145.

248. Шмелев Д.Н. О третьем измерении лексики // Русский язык в школе. – 1971. – № 2. – С. 6 – 11.

249. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М.: Наука, 1973. – 280 с.

250. Штернеманн Р. (рук.) и коллектив авторов. Введение в контрастивную лингвистику // НЗЛ. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 144 – 178.

251. Щемелева Е.Е. О сопоставлении лексических единиц в немецком и русском языках // Иностранные языки в школе. – 1974. – № 5. – С. 16 – 25.

252. Щемелева Е.Е. Асимметричные парадигмы в немецком языке // Иностранные языки в школе. – 1983. - № 3. – С. 12 – 18.

253. Щерба Л.В. К вопросу о распространении в СССР знания иностранных языков и о состоянии филологического образования // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Т. 1. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – С. 25 – 34.

254. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 16 – 24.

255. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. – 242 с.

256. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981. – 111 с.

257. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig, VEB: Bibliographisches Institut, 1969. – 327 S.

258. Helbig G. Sprachwissenschaft – Konfrontation – Fremdsprachenunterricht.- VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1981. – 159 S.

259. Jäger G. Der sprachlichen Bedeutungen – das zentrale Problem bei der Translation und ihrer wissenschaftlichen Beschreibung // Bedeutung und Translation. – VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1986. – S. 5 – 66.

260. Jäger G. Theorie der sprachlichen Bedeutungen und Translation // Semantik und Übersetzungswissenschaft. – VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1983. – S. 53 – 61.

261. Jäger G. Translation und Translationslinguistik. – VEB Max Verlag Halle (Saale), 1975. – 214 S.

Справочная литература

1. Большой немецко-русский словарь: В двух томах. – М.: Русский язык, 1980. – Т. 1. – 760 с. – Т. 2. – 656 с.

2. Немецко-русский синонимический словарь: Ок. 2680 рядов. – М.: Русский язык, 1983. – 643 с.

3. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1993. – 960 с.

4. Русский язык. Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. – 703 с.

5. Русско-немецкий словарь (основной). – М.: Русский язык, 1989. – 736 с.

6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

7. Bulitta Erich und Hildegard Das Kruger Lexikon der Synonyme. Über 2800 Stichwörter. Über 300000 sinn- und sachverwandte Begriffe. – Wolfgang Kruger Verlag. – 1993. – 1005 S.

8. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Herausgegeben von Ruth Klappenbach und Wolfgang Steinz. – B. 1 – 6. – Akademie – Verlag – Berlin, 1968 – 1982.

Источники материала анализа

1. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 3. Идиот. – М.: «Лексика», 1994. – 624 с.

2. Dostoevski F.M. Der Idiot. Aus dem Russisch übersetzt von H. von Hoerschelmann. – Leipzig, 1971.

3. Dostoewski F.M. Der Idiot. Aus dem Russisch übersetzt von H. Röhl.
– Moskau, 1971.

4. Dostoewskiy F.M. Der Idiot. Aus dem Russischen übersetzt von Arthur
Luther. – München, 1976.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Таблицы

1.1. ЛДР в аспекте межъязыкой эквивалентности

Глава	Перевод	Неотражен- ные ЛДР	Отраженные ЛДР	Степень отражения				
1 72 ЛДР	Гершель- манн	33 ЛДР 45,8333 %	39 ЛДР 54,1666 %	25 ЛДР 34,7222 %	Тождество			
				3 ЛДР 4,1666 %	Добавление члена			
				11 ЛДР 15,2777 %	Опущение члена			
				53 ЛДР 73,6111 %	Тождество			
				1 ЛДР 1,3888 %	Добавление члена			
				4 ЛДР 5,5555 %	Опущение члена			
	Рель	14 ЛДР 19,4444 %	58 ЛДР 80,5555 %	43 ЛДР 59,7222 %	Тождество			
					Добавление члена			
				11 ЛДР 15,2777 %	Опущение члена			
				Лютер	18 ЛДР 25 %	54 ЛДР 75 %	25 ЛДР 37,3134 %	Тождество
							1 ЛДР 1,4925 %	Добавление члена
							8 ЛДР 11,9403 %	Опущение члена
2 67 ЛДР	Гершель- манн	33 ЛДР 49,2537 %	34 ЛДР 50,7463 %	49 ЛДР 73,1343 %	Тождество			
				3 ЛДР 4,4776 %	Добавление члена			
				5 ЛДР 7,4627 %	Опущение члена			
				Рель	10 ЛДР 14,9254 %	57 ЛДР 85,0746 %	45 ЛДР 67,1641 %	Тождество
							3 ЛДР 4,4776 %	Добавление члена
							5 ЛДР 7,4627 %	Опущение члена
	Лютер	14 ЛДР 20,8955 %	53 ЛДР 79,1045 %					

Глава	Перевод	Неотражен- ные ЛДР	Отраженные ЛДР	Степень отражения	
3 85 ЛДР	Гершель- манн	39 ЛДР 45,8824 %	46 ЛДР 54,1176 %	30 ЛДР 35,2941 %	Тождество
				1 ЛДР 1,1765 %	Добавление члена
				15 ЛДР 17,6471 %	Опущение члена
	Рель	17 ЛДР 20 %	68 ЛДР 80 %	59 ЛДР 69,4118 %	Тождество
				1 ЛДР 1,1765 %	Добавление члена
				8 ЛДР 9,4118 %	Опущение члена
	Лютер	21 ЛДР 24,7059 %	64 ЛДР 75,2941 %	54 ЛДР 63,52 %	Тождество
				1 ЛДР 1,1765 %	Добавление члена
				9 ЛДР 10,5882 %	Опущение члена
4 73 ЛДР	Гершель- манн	52 ЛДР 71,2329 %	21 ЛДР 28,7671 %	12 ЛДР 16,4384 %	Тождество
					Опущение члена
				9 ЛДР 12,3288 %	Добавление члена
	Рель	36 ЛДР 49,3150 %	37 ЛДР 50,6850 %	28 ЛДР 38,3562 %	Тождество
					Опущение члена
				9 ЛДР 12,3288 %	Добавление члена
	Лютер	34 ЛДР 46,5753 %	41 ЛДР 56,1644 %	32 ЛДР 43,8356 %	Тождество
					Опущение члена
				7 ЛДР 9,5890 %	Добавление члена

Глава	Перевод	Неотражен- ные ЛДР	Отраженные ЛДР	Степень отражения	
5 124 ЛДР	Гершель- манн	61 ЛДР 49,1935 %	63 ЛДР 50,8065 %	49 ЛДР 39,5161 %	Тождество
					Опущение члена
				14 ЛДР 11,2903 %	Добавление члена
	Рель	34 ЛДР 27,4194 %	90 ЛДР 72,5806 %	83 ЛДР 66,9355 %	Тождество
				2 ЛДР 1,6129 %	Опущение члена
				5 ЛДР 4,0323 %	Добавление члена
	Лютер	37 ЛДР 29,8387 %	87 ЛДР 70,1613 %	72 ЛДР 58,0645 %	Тождество
					Опущение члена
				15 ЛДР 12,0968 %	Добавление члена

1.2. Семантические инновации в межъязыковых переводах

1.2.1. Семантические инновации ПТ-1

Результат деривационного процесса	Тип семантических инноваций в ПТ	
	мутация	модификация
осложнение	57	155
упрощение	64	121
перестановка	7	143
слияние	0	11
замена	0/1	35

1.2.2. Семантические инновации ПТ-2

Результат деривационного процесса	Тип семантических инноваций в ПТ	
	мутация	модификация
осложнение	1	3
упрощение	0	14
перестановка	0	9
слияние	0	0
замена	0	4

1.2.3. Семантические инновации ПТ-3

Результат деривационного процесса	Тип семантических инноваций в ПТ	
	мутация	модификация
осложнение	0	2
упрощение	0	11
перестановка	0	7
слияние	0	0
замена	0	3

1.3. ЛР в аспекте внутри- и межъязыковой эквивалентности

1.3.1. На материале внутриязыковых переводов

Поясим принципы построения таблицы и характер отражения в ней данных проведенного эксперимента. Таблица составлена по результатам анализа в аспекте внутриязыковой эквивалентности текста, представленного в пункте 2.1. Приложения. Под номером ЛР имеется в виду номер повтора, отраженного в пункте 3.1. Приложения, под номером ВТ имеется в виду номер текста, полученный в результате эксперимента. Данные, представленные в таблице, позволяют учесть степень отражения многочленного ряда в ВТ. Содержание таблицы составляет количество членов ЛР в ВТ, которые сравниваются с количеством членов в ИТ (последний столбец), результатом чего является вычисление коэффициента отражения, представленного в таблице 1.3.3. Приложения.

№ ВП	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	ЛР в ИТ
№ ЛР	Количество членов ЛР в ВП																														
1	0	0	2	2	2	2	0	2	2	2	2	2	0	0	2	2	0	2	2	2	3	0	0	0	2	0	0	0	0	2	2
2	5	0	5	7	5	8	7	6	6	8	3	12	7	4	3	0	12	5	6	7	8	7	4	5	8	9	5	7	5	3	12
3	0	0	0	0	0	0	2	2	0	2	0	3	0	0	3	0	3	0	0	2	0	2	0	2	2	2	2	2	0	0	2
4	0	0	0	0	2	0	0	2	2	2	4	2	3	0	2	0	3	2	0	2	4	2	0	2	2	2	3	0	0	3	3
5	2	0	3	3	0	2	4	3	3	4	7	5	2	0	0	4	5	5	2	5	5	5	3	8	3	6	4	3	2	3	6
6	0	0	0	2	0	2	0	2	0	3	3	2	3	0	0	0	2	0	2	2	0	0	0	3	3	2	0	2	0	0	2
7	6	2	3	4	2	6	0	5	4	5	8	5	4	0	0	0	5	3	2	0	0	4	0	2	4	2	6	6	0	2	6
8	5	0	3	0	0	0	0	0	0	0	4	2	0	0	0	3	0	3	5	2	0	2	3	5	0	0	2	2	0	5	
9	0	0	0	2	0	2	2	3	2	2	5	2	2	0	3	2	2	0	2	3	3	4	2	4	4	2	2	0	0	2	2
10	2	3	2	2	2	0	6	3	3	7	2	5	2	0	2	0	4	5	4	5	7	4	3	4	5	0	3	2	3	5	6
11	4	0	2	4	6	0	0	4	4	5	4	10	7	4	2	2	10	4	0	0	12	3	4	3	4	4	0	8	4	0	13
12	4	6	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	0	2
13	0	0	0	0	3	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	3	0	0	0	0	0	2	2
14	3	0	3	2	3	0	4	0	2	0	4	4	2	0	2	3	4	2	0	0	0	2	0	0	0	0	2	3	0	2	6
15	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	2	0	0	0	0	2	0	0	0	0	2	0	0	0	0	2	0	0	0	2
16	4	0	0	2	0	4	2	2	3	2	3	5	2	0	0	0	3	2	2	0	3	3	4	2	2	0	4	3	0	0	4
17	5	0	0	2	5	4	3	2	2	3	0	4	2	0	4	0	2	0	0	0	5	0	0	5	2	3	0	0	0	0	7
18	5	0	2	0	0	0	0	2	2	0	2	2	2	0	0	2	0	0	3	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	2	2
19	0	0	3	5	3	3	3	3	2	0	0	3	2	0	0	0	3	0	0	4	2	0	3	2	2	2	3	3	2	0	7
20	0	0	2	3	3	3	0	4	3	0	2	2	2	0	0	0	3	2	3	2	0	0	0	2	4	3	0	3	2	3	3

1.3.3. На материале исходного текста

Столбец с названием «N» содержит число отражений ряда во вторичных текстах, столбец с названием «K» показывает степень, коэффициент отраженности членов ряда. Цель анализа – выявление значимых параметров функциональности ряда в зависимости от степени его отраженности во вторичном тексте.

	Самост.	Контактность	Дистантность	Текстовые маркеры	Смыслообраз.	Стилеобраз.	N	K
1	+	-	+	-	-	-	17	17,5
2	-	+	+	-	-	-	28	14,8
3	+	+	-	-	+	-	13	14,5
4	+	+	-	+	+	-	18	14,6
5	+	+	+	+	+	-	26	16,8
6	+	+	-	-	-	-	14	16,5
7	-	-	+	-	-	-	22	15
8	-	-	+	-	-	-	13	8,2
9	+	+	-	-	-	-	22	28,5
10	-	-	+	-	-	-	26	15,8
11	-	+	+	-	-	-	23	8,8
12	+	-	+	-	-	-	4	7,5
13	+	+	-	-	-	-	4	5
14	-	+	+	-	-	-	17	7,8
15	+	-	+	+	-	-	5	5
16	+/-	+	+	-	-	-	20	14,3
17	-	+	+	-	-	-	16	7,6
18	+	-	+	-	-	-	10	21
19	+	+	+	+	-	+	19	7,5
20	-	+	-	-	-	+	19	17
21	+	+	-	-	-	+	2	1
22	+	-	+	-	-	-	1	1
23	+	+	-	-	-	-	16	19
24	+	+	+	+	+	-	30	27,2
25	-	+	+	-	-	-	9	8
26	+	-	+	-	-	-	8	8,5
27	-	-	+	-	-	-	7	5,3
28	+	-	+	-	-	-	9	6,6
29	+	+	-	-	-	-	7	7
30	+	+	-	-	-	-	14	9,3
31	+	+	-	-	+	-	27	27,6
32	+	+	-	-	-	-	0	0
33	-	+	-	-	-	-	1	1
34	+	-	+	-	+	-	28	21,7
35	+	-	+	-	+	-	12	8
36	+	+	-	-	-	-	8	8
37	+	+	-	-	-	-	12	12
38	+	-	+	-	-	-	12	10
39	+	+	-	+	+	-	30	22,8
40	+	-	+	+	-	-	8	10,5
41	-	+	-	-	-	-	4	5
42	+	+	-	-	-	-	2	2

	Самост.	Контактность	Дистантность	Текстовые маркеры	Смыслообраз.	Стилеобраз.	N	K
43	-	-	+	-	-	-	4	4,5
44	-	-	+	-	-	-	13	15,5
45	+	+	-	+	-	-	4	4,5
46	+	-	+	-	-	-	13	13,5
47	+	+	-	-	-	-	5	5
48	-	+	-	-	-	-	9	9
49	+	+	-	-	-	-	4	4,5
50	+	+	-	-	-	-	17	18,5

1.4. Лексико-деривационное развитие текста

1.4.1. На материале внутриязыковых переводов

Номер текста	ЛР ИТ в ВП	Новые ЛР ВП	ЛР ВП	Модель ВТ (доминанта)
1	20	8	28	ономасиологическая
2	8	2	10	ономасиологическая
3	23	1	24	семасиологическая
4	25	2	27	семасиологическая
5	23	3	26	семасиологическая
6	22	0	22	семасиологическая
7	20	0	20	семасиологическая
8	26	3	29	семасиологическая
9	27	3	30	семасиологическая
10	29	2	31	семасиологическая
11	22	9	31	ономас./семас.
12	38	2	41	семасиологическая
13	27	8	35	ономасиологическая
14	7	4	11	ономасиологическая
15	15	5	20	ономасиологическая
16	13	4	17	ономасиологическая
17	37	1	38	семасиологическая
18	21	4	25	семасиологическая
19	18	1	19	семасиологическая
20	23	3	26	семасиологическая
21	22	1	23	семасиологическая
22	21	3	24	семасиологическая
23	16	4	20	семасиологическая
24	22	5	27	семасиологическая
25	27	3	30	семасиологическая
26	21	3	24	семасиологическая
27	24	4	28	семасиологическая
28	23	2	25	семасиологическая
29	13	4	17	ономасиологическая
30	17	3	20	семасиологическая

1.4.2. На материале межъязыковых прямых и обратных переводов

Номер текста	ЛР ИТ в ВТ	Новые ЛР ВТ	ЛР ВП	Модель ВТ (доминанта)
ПТ-1	26	<u>19</u>	45	ономасиологическая
ОП1-1	34	4	38	семасиологическая
ОП1-2	29	7	36	семасиологическая
ОП1-3	28	8	36	семасиологическая
ОП1-4	20	7	27	семасиологическая
ОП1-5	27	4	31	семасиологическая
ОП1-6	22	11	33	семасиологическая
ОП1-7	26	9	35	семасиологическая
ОП1-8	27	13	40	семасиологическая
ОП1-9	26	7	33	семасиологическая
ОП1-10	34	11	45	семасиологическая
ПТ-2	31	7	38	семасиологическая
ОП2-1	25	5	30	семасиологическая
ОП2-2	38	12	50	семасиологическая
ОП2-3	36	9	45	семасиологическая
ОП2-4	25	7	32	семасиологическая
ОП2-5	32	5	37	семасиологическая
ОП2-6	36	11	47	семасиологическая
ОП2-7	33	6	39	семасиологическая
ОП2-8	29	6	35	семасиологическая
ОП2-9	33	5	38	семасиологическая
ОП2-10	29	3	32	семасиологическая
ПТ-3	29	6	35	семасиологическая
ОП3-1	28	5	33	семасиологическая
ОП3-2	33	7	40	семасиологическая
ОП3-3	35	5	40	семасиологическая
ОП3-4	27	7	34	семасиологическая
ОП3-5	32	8	40	семасиологическая
ОП3-6	33	7	40	семасиологическая
ОП3-7	27	6	33	семасиологическая
ОП3-8	22	8	30	семасиологическая
ОП3-9	26	4	30	семасиологическая
ОП3-10	29	5	34	семасиологическая

ОП является вторичным для ПТ, поэтому именно по отношению к нему выявляется доминанта модели построения ВТ.

2. Тексты

2.1. Т-1

Подумайте: если, например, пытка; при этом страдания и раны, мука телесная, и, стало быть, все это от душевного страдания отвлекает, так что одними только ранами и мучаешься, вплоть пока не умрешь. А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а вот что вот знаешь наверно, что вот через час, потом через десять минут, потом через полминуты, потом теперь, вот сейчас – душа из тела вылетит, и что человеком уж больше не будешь, и что это уж наверно; главное то, что *наверно*. Вот как голову кладешь под самый нож и слышишь, как он склизнет над головой, вот эти-то четверть секунды всего и страшнее. Знаете ли, что это не моя фантазия, а что так многие говорили? Я до того этому верю, что прямо вам скажу свое мнение. Убивать за убийство несоизмерно большее наказание, чем само преступление. Убийство по приговору несоизмерно ужаснее, чем убийство разбойничье. Тот, кого убивают разбойники, режут ночью, в лесу, или как-нибудь, непременно еще надеется, что спасется, до самого последнего мгновения. Примеры бывали, что уж горло перерезано, а он еще надеется, или бежит, или просит. А тут, всю эту последнюю надежду, с которой умирать в десять раз легче, отнимают *наверно*; тут приговор, и в том, что *наверно* не избежешь, вся ужасная мука и сидит, и сильнее этой муки нет на свете. Приведите и поставьте солдата против самой пушки на сражении и стреляйте в него, он еще все будет надеяться, но прочтите этому самому солдату приговор *наверно*, и он с ума сойдет или заплачет. Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия? Зачем такое надругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: «Ступай, тебя прощают». Вот такой человек, может быть, мог бы рассказать. Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил. Нет, с человеком так нельзя поступать!

2.2. ПТ-1

Bedenken Sie doch, bei der Folter, **zum Beispiel**, handelt es sich schließlich **doch** nur um **körperliche Schmerzen**, die zudem **so groß** sind, **daß** sie alles **andere** überstäuben und im Moment des Todes den Gemarterten von seinen **seelischen Qualen** geradezu ablenken. Das **furchtbarste** Leiden, die **gräßlichste Qual** aber liegt vielleicht **gar nicht** im **körperlichen Schmerz**, sondern darin, **daß** man **unwiderruflich weiß**, bald..., **nach einer Stunde...**, **nach zehn Minuten...**, **dann nach** einer halben **Minute...**, **dann: Jetzt** verläßt deine Seele den **Körper!** Du hast **aufgehört**, ein *Mensch* zu sein! **Unwiderruflich!** Bemerken Sie wohl: Gerade **dies** Moment des **Unwiderruflichen** ist das **Furchtbare daran!** Den Kopf unter das **Messer** legen und nun **hören**, wie das **Messer** knirscht, ehe es herabfällt, **unwiderruflich...**, **diese Viertelstunde** ist **gewiß** das **Gräßlichste**, was sich **überhaupt denken** läßt! Das ist **nicht** etwa nur meine persönliche Idee, **nein, viele andere** haben mir das gleiche Empfinden bestätigt. **Ich glaube so sehr daran, daß** ich Ihnen offen sagen will: Jemanden **töten**, weil er selbst **getötet hat**, ist eine Strafe, deren Härte zu dem Verbrechen in **gar** keinem Verhältnis steht! Nach vorbedachtem **Urteil getötet werden**, ist unendlich **viel furchtbarer**, als **beispielsweise** von **Mörderhand** zu **fallen**. Denn wer von **Mördern angefallen** wird, sei es wie **immer**: in der Nacht, im Walde oder sonstwie, hat **doch immer noch**, und zwar bis zum **allerletzten Augenblick**, die **Hoffnung, daß** er sich retten wird. Mann kennt **Fälle**, wo

Ermordete noch mit **durchgeschnittener** Kehle die **Hoffnung nicht** aufgaben, zu fliehen versuchten oder mit dem **letzten** Atemzug **noch** um ihr **Leben** bettelten. Im **Falle** der **Todesstrafe** aber wird gerade **diese Hoffnung**, mit der es sich **zehnmal** leichter stirbt, gleifalls mit **abgeschnitten**, und an ihre Stelle tritt die unfehlbare **Gewißheit** der **Vernichtung**, jenes **furchtbare** ‚**Unwiderruflich!**‘, das die größten auf Erden **denkbaren Qualen** umschließt. Stellen Sie einen **Soldaten** in der Schlacht vor die Mündung der Kanone und lassen Feuer geben – er wird trotzdem **noch hoffen**. Verkünden Sie aber demselben **Soldaten** sein **Todesurteil**, als **unwiderruflich** – und er wird den Verstand verlieren oder zu wimmern anfangen wie ein Kind! Wo steht geschrieben, **daß** die **menschliche** Natur solche **Qualen** auszuhalten **überhaupt** imstande ist, ohne zu **zerreißen**, zu **zerplatzen**. Ich finde kein **anderes** Wort. Wozu **diese** abscheuliche, zweck- und sinnlose Entwürdigung der **Seele** des **Menschen**? Es gibt **Menschen**, welche jene ganze **Qual** durchgemacht haben und dann im **letzten**, **allerletzten** Augenblick begnadigt wurden, die sollte man befragen, wie ihnen zumute war! Auch Christus bereits spricht von **diesem** Graus. **Nein, nein, glauben** Sie mir, niemand hat Recht, der **lebendigen Seele dies** anzutun!”.

2.3. IIT-2

Überlegen Sie nur: nehmen wir **zum Beispiel** die **Folter**; dabei gibt es **Schmerzen** und **Verwundungen**, das heißt **körperliche Qualen**, und daher lenkt **dies** alles den **Gefolterten** von dem **seelischen** Leiden ab, **so daß** von den **Wunden Qualen** empfindet bis zu dem **Augenblick**, wo er stirbt. Aber der ärgste, stärkste **Schmerz** wird vielleicht nicht **durch Verwundungen** hervorgerufen, sondern **dadurch, daß** man **mit Sicherheit weiß**: **nach** einer Stunde, **dann: nach zehn Minuten, dann: nach** einer halben **Minute, dann: jetzt in diesem Augenblick** wird die **Seele** aus dem **Körper** hinausfliegen, und man wird **aufhören**, ein **Mensch** zu sein, und **daß das sicher ist**; die Hauptsache ist, **daß das sicher ist**. Wenn man **so** den **Kopf** gerade unter das Messer legt und **hört**, wie es über dem **Kopf** herabgleitet, **dann** muß **diese** Viertelsekunde das **Allerschrecklichste** sein. Wissen Sie wohl, **daß** das nicht ein Phantasie von mir ist, sondern **daß** das schon viele **gesagt haben**? Ich **glaube** das **so** bestimmt, **daß** ich Ihnen gegenüber **diese** meine Ansicht offen **ausspreche**. Wenn man jemanden, der **getötet hat**, dafür **tötet**, **so** ist die Strafe **unverhältnismäßig größer** als das Verbrechen. Die **Tötung** auf Grund eines **Urteilsspruches** ist **unverhältnismäßig schrecklicher** als die von einem **Räuber** begangene. Derjenige, den **Räuber töten**, wird bei Nacht gemordet, im Walde, oder sonst auf irgendeine Weise; in jedem Falle **hofft** er noch bis zum **letzten Augenblick** auf Rettung. Es hat **Beispiele** gegeben, **daß** einem schon die Kehle durchschnitten war und er doch **noch hoffte** und entweder davonzulaufen suchte oder um sein Leben bat. Aber hier ist einem die ganze **letzte Hoffnung**, mit der das Sterben **zehnmal so** leicht ist, **mit Sicherheit** genommen. Hier ist ein **Urteilsspruch**, und die ganze **schreckliche Qual** besteht in dem **Bewußtsein**, **daß** man **mit Sicherheit** dem **Tode** nicht entgehen kann, und eine schlimmere **Qual** als **diese** gibt es auf der Welt nicht. Man führe einen **Soldaten** in der Schlacht einer Kanone gerade gegenüber und stelle ihn dorthin und schieße auf ihn; er wird **noch hoffen**; aber man lese **diesem** selben **Soldaten** das **Urteil vor**, das ihn **mit Sicherheit** dem **Tode** weiht, und er wird den verstand verlieren oder zu weinen anfangen. Wer kann denn **glauben, daß** die **menschliche** Natur imstande sei, **dies** zu ertragen, ohne in Irrsinn zu geraten? Wozu eine solche gräßliche, unnütze, zwecklose Marter? Vielleicht gibt es auch einen **Menschen**, dem man das **Todesurteil vorgelesen hat**, den man sich hat **quälen** lassen, und zu dem man dann **gesagt hat**:“Geh hin; du bist begnadigt!“ Ein solcher **Mensch** könnte vielleicht erzählen. **Von dieser Qual** und **von diesem Schrecken hat** auch Christus **gesprochen**. Nein, **so** darf man mit einem **Menschen** nicht verfahren!“

2.4. ПТ-3

Stellen Sie sich einmal vor, der Mann würde gefoltert; dabei hat er **Schmerzen**, bekommt **Wunden**, empfindet **körperliche Qualen**, die ihn also von den **seelischen** Leiden ablenken, **so daß** ihn nur seine **Wunden quälen** – bis der Tod eintritt. Aber der größte, der stärkste **Schmerz** kommt vielleicht gar nicht **von den Wunden**, sondern **davon, daß** man **genau weiß**, ganz **genau: nach** einer Stunde, **dann nach zehn Minuten, dann nach** einer halben **Minute**, jetzt, gleich, in **diesem Augenblick** fliegt die **Seele** aus dem **Körper**, und man ist kein **Mensch** mehr; und das ist **ganz sicher**; eben **diese** absolute **Gewißheit** ist das, worauf es ankommt. Wenn man **so** den **Kopf** unter das Messer legt und hört, wie es über dem **Kopf** klirrt – **diese** Viertelsekunde ist das **Allerentsetzlichste**. **Wissen** Sie, **das** ist nicht bloß meine Einbildung, sondern viele **haben** mir **das gesagt**. Ich glaube so fest daran, **daß** ich Ihnen meine Meinung ganz offen **sagen** kann. Einen **Menschen** wegen eines **Mordes töten** ist als Strafe weit schlimmer als das Verbrechen selbst. **Tötung** auf Grund eines **Urteilsspruches** ist unvergleichlich grauenhafter als **Raubmord**. Der Mann, der von **Räubern** umgebracht wird, nachts im Walde oder sonstwo, **hofft** doch ganz bestimmt **immer noch** auf Rettung bis zum **letzten Augenblick**. Es gibt Beispiele, **daß** jemandem schon die Gurgel durchschnitten ist, er **aber immer noch hofft oder** davon läuft **oder** um sein Leben bittet. Hier **aber** wird **diese letzte Hoffnung**, mit der man **zehnmal** leichter stirbt, einem **ganz sicher geraubt**; hier liegt ein **Urteil** vor, und eben in der **Gewißheit, daß** man ihm nicht entgehen kann, liegt die ganze **entsetzliche Qual**, und es gibt auf der Welt nichts Schlimmeres als **diese Qual**. Stellen Sie einen **Soldaten** in der Schlacht direkt vor die Kanone und lassen Sie abfeuern – er wird immer noch **hoffen**; **lesen** Sie aber **diesem Soldaten** ein unabänderliches **Todesurteil vor** – und er wird den Verstand verlieren oder bricht in Tränen aus. Wer **hat gesagt**, die **menschliche** Natur könne dergleichen ertragen, ohne wahnsinnig zu werden? Warum **diese** Verhöhnung, die **so** abscheulich und **so** überflüssig ist? Vielleicht gibt es auf der Welt einen **Menschen**, dem man erst sein **Urteil verlesen**, ihn dann für eine Zeitlang seiner **Qual** überlassen und ihm **zuletzt gesagt hat**: Geh, mein Lieber, du bist begnadigt. Solch ein **Mensch** könnte wohl manches erzählen. **Von dieser Qual** und **von diesem Entsetzen hat** auch Christus **gesprochen**. Nein, mit einem **Menschen** darf man nicht **so** umgehen!“

Повторы выделены жирным шрифтом в исследовательских целях, курсив сохранен авторский и переводческий.

3. Лексико-деривационный материал

3.1. ЛР исходного текста

1. например – примеры
2. этом – это – это – эти-то – это – этому – эту – этой - этому - это - этой – этом
3. страдания – страдания
4. раны – ранами – ранах
5. мука – мучаешься – мука – муки – помучиться – муке
6. телесная – тела
7. быть – будешь – бывали – будет – быть - быть
8. все – всего – всю – вся – все
9. душевного – душа
10. так – так – такое – такой – этакой – так
11. что – что – что – что – что – что – что – что – что – что – что – что – что
12. умрешь – умирать
13. главная – главное

14. самая – самый – само – самого – самой – самому
15. сильная – сильнее
16. может – может – может – мог
17. вот – вот – вот – вот – вот – вот – вот
18. знаешь – знаете
19. наверно – наверно – верю – наверно – наверно – наверно – наверно
20. через – через – через
21. потом – потом – потом – потом
22. десять – десять
23. минут – полминуты
24. человеком – человеческая – человек – человек – человеком
25. уж – уж – уж
26. больше – большее
27. то – того – тот – том
28. как – как - как-нибудь
29. голову – головой
30. скажу – сказал – сказали – рассказать
31. убивать – убийство – убийство – убийство - убивают
32. несоразмерно – несоразмерно
33. чем – чем
34. говорили – приговору – приговор – приговор – приговор – говорил
35. ужаснее – ужасная - ужасе
36. разбойничье – разбойники
37. режут – перерезано
38. ещё – ещё – еще
39. надеется – надеется – надежду – надеяться
40. последнего – последнюю
41. или – или
42. тут – тут
43. которою – которому
44. нет – нет
45. солдата – солдату
46. прочтите – прочли
47. с ума сойдет – сумасшествия
48. об – об
49. бежит – избежнешь
50. час – сейчас

3.2. ЛР вторичных текстов

3.2.1. Отражение ЛР исходного текста (см. Таблица 1.3).

3.2.2. Новые ЛР:

ВП-1: *подумайте – думать – подумать*
страшное – страхи – страшнее – страшное
 казнь – казни – казни – казнят – казни
 намного хуже – намного хуже – намного хуже
 одно – один
 осмыслив – мысль – мысль

выживет – живет

спастись – спасение

ВП-2: люди – людьми – по-людски

не суди, да не судим будешь

ВП-3: *если – если – если*

ВП-4: *боль – боль*

секунды – секунд

ВП-5: *боль – боль – боль*

преступление – преступление

сражение – сражаться

ВП-6, ВП-7:

ВП-8: *нож – нож*

спасение – спасся

вынести – вынесли – невыносимые

ВП-9: *боль – боль*

я – я

страшна – страшнее

ВП-10: *подумайте – думает*

прямо (скажу) – прямо (перед пушкой)

ВП-11: *боли – боль*

приносят – приносят

ожидание – ждешь – ожидание

четверть секунды – четверть секунды

нож – нож

когда – когда – когда

страшнее – страшнее – страшнее

спасение – спасется

ВП-12: *секунды – секунды*

ВП-13: *приносят – приносят – вынести*

боли – боль

страшная – страшнее – страшное

ждешь – ожидание – ожидание

четверть – четверть

спасение – спасение – спасение

секунды – секунды

ВП-14: *время – время*

должны казнить – должны казнить

каждый – каждый

думаешь – задумываешься – подумать

ВП-15: *подумайте – думает*

пытка – испытывает

боль – боль

страшные – страха – страх

живет – жизни – жизни – животное – жить – жить – живое

ВП-16: *подумаешь – думаешь*

страшными - страшнее

ожидая – ждешь

хуже – хуже

ВП-17: *секунды – секунды*

ВП-18: *чувств – чувств*

нож – нож

свою – своих

объявите – объявить

ВП-19: *страшнее – страшное*

ВП-20: *когда – когда – когда*

боль – боль

несомненно – несомненно

ВП-21: *боль – боль – боль*

ВП-22: *болями – боль – боль*

совершения – совершается – совершается

пытка – попытку

ВП-23: *подумайте – думать – думаешь*

боль – боль

приведите – привести

пытка – испытанных

ВП-24: *пытка – пытается*

болят – боль

страшной – страшное

либо – либо

простят – прощен

ВП-25: *боль – боль – боль*

лишают – лишают – лишать

отпустят – отпустят

ВП-26: *подумайте – думаешь*

преступление – преступление

вынести – вынести – невыносимые

ВП-27: *нож – нож*

страшной – страшнее

мое – мое

ВП-28: *вынести – вынести*

пытка – пытается

ВП-29: *пытка – пытается – пытка*

несколько мгновений – несколько мгновений

либо – либо

страшной – страшнее

ВП-30: *моя – мое*

страшный – страшнее

слушайте – слышишь

ПТ1: *bedenken – denken – denkbaren*

doch – doch – doch

andere – andere – anderes

Schmerzen – Schmerzen

furchtbarste – das Furchtbare – furchtbarer – furchtbare

gar – gar

aufgehört – hören

daran – daran

das Messer – das Messer

überhaupt – überhaupt

nicht – nicht – nicht – der Vernichtung

viele – viel

glaube – glauben
 immer – immer
 Fälle – Falle
 Leben – lebendige
 durchgeschnittener – abgeschnitten
 zerreißen – zerplatzen
ОП1-1: в конце концов
 боли – боли
 смерть – смерть
 от руки – от руки
 момент – момент
ОП1-2: пытка – пытался
 безвозвратно – необратимости – «необратимо!» - о необратимом
 момент – момент – момент
 именно – именно
 обрушится – обрушится
 пережили – живой
ОП1-3: представьте – представить
 пытка – пытался
 физических – физических
 болях – боли
 момент – момент
 конца – наконец
 заменяется – сменен
 мыслимые – бессмысленное
ОП1-4: пытка – пыталась
 физической – физической
 боли – боли
 окончательно – (безвозвратно – зачеркнуто) – окончательно – окончательности –
 окончательно – «окончательность» - окончательный
 нож – нож
 несомненно – мнение
 мыслимые - бессмысленное
ОП1-5: подумайте – думать – думаю
 пытка – пытке
 страшное – страшнее
 скорее всего
ОП1-6: подумайте – думать – думаю
 пытка – пытался
 физическая – физическая
 боль – боль
 страшная – страшная
 безвозвратно – безвозвратность – безвозвратно – (то ужасное) безвозвратно –
 бесповоротно
 момент – момент
 нож – нож
 спастись – спастись
 жизнь – пережили – живой
 мыслимый – бессмысленное

ОП1-7: в конце концов – окончательно – окончательно – окончательно – (это страшное) «окончательно» - окончательный

физических – физических

болях – болях

момент – момент

страшное – страшное – страшнее – страшное

затем – затем

моя – моя

многие – намного

пытка – пытались

жизнь – пережили – живой

ОП1-8: подумайте – подумать

пытка – пытались

в конце концов

физической – физической

боли – боли

именно – именно

момент – момент – момент – момент

окончательно – (момент) окончательного – окончательно – конечно – «окончательно» - окончательный

нож – нож

многие – намного

жизнь – живой

мыслимые – бессмысленно

ОП1-9: конечно – конечно – окончательном – (то страшное) «окончательное» - окончательный

момент – момент –

нож – нож

страшнее – страшнее – страшное – страшные

спасен – спастись

пытка – пытались

пережили – живую

ОП1-10: подумайте – выдумать – обдуманному

пытка – пытаемый – пытались

в конце концов

болях – боли

страшное – страшное – страшнее – страшное

окончательно – окончательно

безвозвратности – (это страшное) «неотвратимое» - неотвратимое

нож –нож

по умышленному – мысленные – бессмысленное

момент – момент

жизни – жизни

ПТ-2: nur – nur

Die Folter – den Gefolterten

Augenblick – Augenblick – Augenblick

Durch – dadurch

Aufhören – hört

Allerschrecklichste – schrecklicher – cshreckliche – Schrecke

Glaube – glauben

ОП2-1: боль – боль

наносят – перенести

секунд – секунды

либо – либо

спасение – спасение

ОП2-2: только – только

подумайте – думать

пытка – пытался – пытка

боль – боль

момент – момент

точно – точно – точно – точно – точно

преступление – преступником

то – то

забирают – забирают

если – если

потеряет – потеряв

рассудок – рассудок

ОП2-3: пытку – испытывает – пытался

боли – боль

называется – называется

затем – затем

секунд – секунды

есть – есть

либо – либо

страшнее – страшное

ОП2-4: подумать – думаю – подумать

боли – боли – боль

мгновение – мгновение – мгновение

затем – затем – затем

рассуждение – рассуждение

спасение – спасти

люди – людьми

ОП2-5: подумайте – думаю – подумать

приносят – вынести

боль – боль

спасение – спасение – спасение

либо - либо

ОП2-6: пытка – испытывает – пытались

приносят – приносят – вынесен

боль – боль

повреждения – повреждения

физические – физические

точно – точно

не подлежит сомнению – не подлежит сомнению

страшные – страшнее – страшное

спасение – спасение

здесь – здесь

потеряет рассудок – потеряет рассудок

ОП2-7: пытку – пытки – пытка

боли – боль – боли

точно – точно

способом – способом

здесь – здесь

спастись – спасение

ОП2-8: только – только

боли – боль

мгновение – мгновение

страшная – страшное – страшнее – страшную – страшнее – страхе

судебного – суда

переносит – выносит – перенести – вынесли

ОП2-9: пытка – пыткам – испытывает – попытаться – пытки

боли – боль

момент – момент

мнение – без сомнения

выстрела – расстрелять

ОП2-10: боли – боли

страшные – страшная - страшнее

либо – либо

ПТ-3: von – davon

Genau – genau

Augenblick – Augenblick

Ganz – ganze

Verbrechen – umgebracht

Immer – immer – immer

ОП3-1: пытаются – испытывает

боль – боль

точно – точно – точно

совершенно – совершенно

здесь - здесь

ОП3-2: пытали – испытывает

точно – точно

и есть – и есть

ограбления – ограбить

момента – момент

в конце концов – окончательно

ОП3-3: боли – боль

точно – точно

многие – много – намного – о многом

грабеж – грабители

случаи – случае

ОП3-4: у него – у него

боли – больными – боль

чувствует – чувствует

точно – точно

определенность – определенно – определенности

издевательство – издевательство

один на один

ОП3-5: пытку – испытывает – испытывает – пытки – пытка – пыткам

момента – момент

без сомнения – нет сомнения – без сомнения

нож – нож
 страшнее – страшное
 преступление – преступником
 спасение – спасение
 потерять рассудок – не потеряв рассудка

ОПЗ-6: только – только

происходит – приходит
 точно – точно
 спустя – спустя – спустя

затем – затем
 здесь – здесь
 милый – помилован

ОПЗ-7: боль – боль

точно – точно – точно
 известно – известно – известно
 момент – момента

страшней – страшнее
 здесь – эдесь

ОПЗ-8: попытайтесь – пытаются – испытывает

физические – физической
 боль – боли – болезненно
 миг – миг

многие – многим
 наказание – наказание
 изменить – изменить

либо – либо

ОПЗ-9: попытайтесь – пытаюсь – испытывает – испытывает

боль – боль – боль
 наказание – наказание
 страшнее – страшнее – страшнее

ОПЗ-10: пытаются – испытывает

больно – боль
 точно – точно – точно
 совершенно – совершенно – совершенно – совершенно
 грабеже - грабителей

3.2.3. Новые члены ЛР:

1. убийца (ВП-1; ОП1-2; ОП1-3; ОП1-6; ОП1-7; ОП1-8; ОП1-9; ОП1-10; ОП2-3; ОПЗ-6), убитый (ОП1-2; ОП1-6; ОП1-8; ОП1-9; ОП1-10), убиваемый (ОП1-9), самоубийство (ОПЗ-2)

2. сознание (ВП-1; ОП1-7; ОП2-4; ОП2-5), знакомый (ВП-1), сознавать (ВП-9), осознание (ВП-18; ОП2-2; ОП2-3; ОП2-7; ОП2-9; ОПЗ-5)

3. приговорить (ВП-1; ВП-4; ВП-5; ВП-24), приговоренный (ВП-2; ОП1-5; ОП2-3; ОП2-5; ОП2-6), безоговорочный (ОПЗ-7)

4. смерть (ВП-1; ВП-2; ВП-19; ВП-29; ОП1-1; ОП1-2; ОП1-3; ОП1-4; ОП1-5; ОП1-6; ОП1-7; ОП1-8; ОП1-9; ОП1-10; ОП2-1; ОП2-2; ОП2-3; ОП2-4; ОП2-5; ОПЗ-2; ОПЗ-3; ОПЗ-4; ОПЗ-5; ОПЗ-6; ОПЗ-7; ОПЗ-8; ОПЗ-9; ОПЗ-10), смертный (ВП-1; ОП1-1; ОП1-2; ОП1-3; ОП1-4; ОП1-6; ОП1-7; ОП1-8; ОП2-1; ОП2-3; ОП2-5; ОПЗ-2; ОПЗ-3; ОПЗ-7), смертельный (ОП1-2; ОПЗ-4)

5. можно (ВП-1), смочь (ВП-13; ВП-18), изнемогать (ВП-22), возможно (ОП2-3; ОП2-4; ОП2-5; ОП2-7; ОП2-8; ОП3-2; ОП3-3; ОП3-6; ОП3-7; ОП3-8), возможность (ОП2-4), невозможность (ОП2-9; ОП3-8), невозможно (ОП3-8)

6. зачитывать (ВП-2; ВП-20; ОП2-4), прочтение (ВП-13), зачесть (ВП-14), зачитать (ОП2-1; ОП2-3; ОП2-9; ОП3-3; ОП3-7; ОП3-10)

7. наверняка (ВП-3; ВП-13; ВП-30; ОП2-4; ОП2-8; ОП2-9), верно (ВП-7), невероятный (ВП-23), уверенность (ОП1-2; ОП1-6; ОП1-7; ОП1-9; ОП2-3; ОП2-5; ОП2-8; ОП2-9; ОП3-2; ОП3-3; ОП3-6; ОП3-8; ОП3-9; ОП3-10), поверить (ОП1-2; ОП1-6; ОП1-10; ОП2-3; ОП2-8), верить (ОП1-7), заверять (ОП1-10), уверенный (ОП2-2; ОП2-3; ОП2-8; ОП2-9; ОП3-2; ОП3-3; ОП3-8; ОП3-9)

8. полчаса (ВП-5; ВП-15; ВП-16; ВП-18; ВП-20; ВП-21; ВП-23), тотчас (ОП1-10)

9. бесчеловечный (ВП-9), человечно (ВП-15)

10. мучительнее (ВП-11; ВП-13; ВП-16), мучение (ВП-12; ВП-16; ВП-17; ВП-24; ОП1-1; ОП1-3; ОП1-4; ОП1-8; ОП2-2; ОП2-3; ОП2-4; ОП2-5; ОП2-9; ОП3-3; ОП3-7; ОП3-9), мучительный (ВП-16; ОП3-3), замученный (ОП1-2; ОП1-4; ОП1-9), мученик (ОП1-6; ОП1-9), мучить (ОП2-2; ОП3-10), мучивший (ОП2-6)

11. высказать (ВП-12; ОП2-3; ОП3-2; ОП3-7; ОП3-9), высказывать (ОП2-1; ОП2-2; ОП2-5; ОП3-8), рассказывать (ОП2-2)

12. неизбежный (ВП-13; ВП-22; ОП1-3; ОП1-4; ОП1-10), убежать (ВП-13; ВП-17; ОП2-2; ОП2-3; ОП2-6; ОП2-7; ОП2-8; ОП3-5; ОП3-7), убежать (ОП3-3), неизбежность (ВП-27; ОП1-3; ОП2-1; ОП2-3; ОП2-5; ОП3-5), неизбежно (ОП1-2; ОП2-1; ОП2-6; ОП2-7), сбежать (ОП2-1; ОП2-9), бегство (ОП3-4)

13. сострадание (ВП-15), страдалец (ОП1-7), страдать (ОП3-2; ОП3-6)

14. ранимый (ВП-15), ранения (ОП2-2; ОП2-3; ОП2-4; ОП2-9), израненный (ОП3-5; ОП3-8), ранить (ОП3-10)

15. духовный (ВП-19; ОП1-8)

16. десятки (ОП1-7)

17. неизмеримо (ОП2-2)

18. ужасающий (ОП2-4)

19. наибольшая (ОП3-1)

20. разрезает (ОП3-3)

21. разум (ОП3-6)